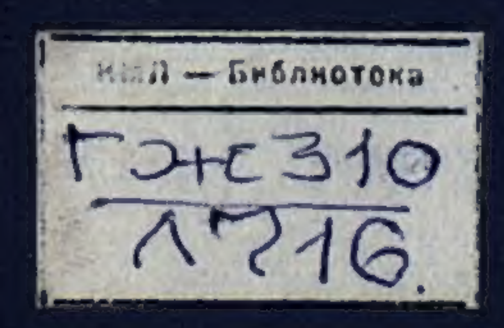
Локоть, Т. В.
Политическ.
партии и
группы в
Гос. Думе

М., 1907.

Проф. Т. В. ЛОКОТЬ.

Политическія партіи и группы въ Государственной Думѣ.

Характеръ и причины политическаго безсилія Первой Думы. Возможный характеръ и задачи Второй Думы.

МОСКВА. — 1907.
Книгоиздательство „ПОЛЬЗА".

МОСКВА.—1907.
Типо-литографія РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Будущій историкъ первой русской Государственной Думы, несомнѣнно, долженъ будетъ констатировать одинъ поразительный фактъ: несмотря на то, что первая Дума была безусловно и ярко оппозиціонной и достаточно радикальной въ своихъ политическихъ и соціально-экономическихъ требованіяхъ; несмотря на то, что эта Дума была удивительно „единодушной" во всѣхъ своихъ наиболѣе важныхъ политическихъ выступленіяхъ; несмотря на то, что она была такъ богата выдающимися умственными и ораторскими силами и компетентными въ области права и исторіи представителями науки; несмотря, наконецъ, на то, что въ оцѣнкѣ политическихъ условій, политическаго момента и тѣхъ требованій, которыя подсказывались этимъ моментомъ, казалось бы, для первой Думы не могло быть никакихъ сомнѣній и колебаній,—несмотря на все это—политическая мысль и характеръ политической дѣятельности первой Думы совершенно не вылились въ тѣ опредѣленныя,

отчетливыя, ясныя и категорическія формы, которыхъ, какъ будто, можно бы было ожидать отъ нея.

Ни одна политическая партія или группа Думы не обнаружила вполнѣ отчетливаго, строго продуманнаго и до конца послѣдовательнаго плана политической дѣятельности Думы, плана осуществленія той основной политической задачи, которая, казалось бы, столь ясно стояла передъ Думой. Мало того, ни одна партія и ни одна группа не обнаружила даже вполнѣ яснаго, политически трезваго, реальнаго пониманія какъ того момента, который переживала тогда Россія, такъ и той роли, какую могла и должна была играть Дума именно въ этотъ моментъ, при данномъ сочетаніи и соотношеніи политическихъ силъ страны.

Первая Дума проявила огромную, вѣроятно, небывалую въ политической исторіи силу разрушающей критики стараго государственнаго строя, точнѣе сказать — критики той правительственной машины, которая представляла, осуществляла и поддерживала этотъ старый строй. Дума сыграла поэтому громадную агитаціонную, возбуждающую и воспитывающую политическую мысль народныхъ массъ роль; Дума сильно и блестяще отразила общее политическое недовольство и возбужденіе народныхъ массъ, ихъ стихійно-революціонное настроеніе и состояніе, обнаруживъ въ этомъ отношеніи даже избытокъ

чувствъ, избытокъ увлеченія и возмущенія, чрезмѣрную густоту красокъ въ изображеніи „народнаго гнѣва“, излить который по адресу представителей стараго строя была призвана и уполномочена первая Дума.

Но вся эта чрезвычайно яркая, безусловно положительная — въ смыслѣ уничтожающей критики стараго строя и въ смыслѣ политическаго возбужденія и воспитанія народныхъ массъ — дѣятельность первой Думы имѣла явно хаотическій, сумбурный характеръ, можетъ быть, правда, вполнѣ отвѣчавшій тому стихійно-революціонному состоянію страны, которое, конечно, не могло не отражаться и на избранникахъ народа.

Въ томъ хаосѣ политическихъ чувствъ, страстей и мыслей, какой царилъ въ первой Думѣ, не успѣла—можетъ быть, только благодаря краткости жизни первой Думы—выдѣлиться спокойная, ясная, реальная руководящая политическая мысль и идея, которая опредѣлила бы политическое содержаніе и значеніе первой Думы, создала бы вполнѣ реальный планъ и путь для осуществленія основной политической задачи Думы, не позволила бы Думѣ поддаваться какимъ бы то ни было политическимъ иллюзіямъ, удержала бы ее отъ той неустойчивой, часто двусмысленной и всегда далеко не прямолинейной, не рѣшительной политической „тактики“, которая, будучи тѣсно связана съ именемъ конституціонно - демократической

партіи, далеко не представляетъ такой блестящей стороны въ жизни первой Думы, какую представляетъ ея критическая и агитаціонная дѣятельность.

Такой ясной, реальной руководящей политической мысли, идеи въ первой Думѣ не было. Напротивъ, хаотическій характеръ политической мысли первой Думы былъ полонъ противорѣчій. Будучи выразительницей и представительницей стихійно-революціоннаго настроенія и состоянія народныхъ массъ, первая Дума тѣмъ не менѣе упорно, хотя и тщетно, старалась увѣрить если не народъ, то „старую власть", что она—Дума—явилась для „мирной" работы, для „успокоенія" страны, что она хотѣла бы достигнуть умиротворенія страны только совершенно мирными и даже „строго-конституціонными" средствами.

Будучи—съ программной, теоретической стороны—представительницей и горячей поборницей глубоко демократическихъ требованій народныхъ массъ, довольно отчетливо выставляя принципъ полнаго народовластія, первая Дума тѣмъ не менѣе съ первыхъ же шаговъ своей политической дѣятельности поддалась иллюзіи будто бы существующей уже въ Россіи даже парламентской „конституціи", упорно называя себя „первымъ русскимъ парламентомъ", и въ силу этого шагъ за шагомъ уступая въ категоричности своихъ демократическихъ требованій, стараясь найти ком-

промиссныя, примирительныя формы существованія и работы народнаго представительства съ тѣми самыми представителями старой бюрократической и сословной власти, противъ которой Дума съ такимъ горячимъ воодушевленіемъ направляла всю силу своей разрушительной критики.

Прямо или косвенно выражая и даже подчеркивая ту мысль, что для Думы *воля народа*—единственный источникъ не только силы, но и права, что только эта воля народа, направленная къ осуществленію счастья и свободы народа, является для Думы руководящей идеей и силой въ ея дѣятельности, Дума тѣмъ не менѣе вполнѣ категорически подчеркнула и свою готовность, свою обязанность подчиняться и волѣ „конституціоннаго Монарха", стараясь совершенно отдѣлить „волю Монарха" отъ воли „правительства", изолировать Монарха—въ глазахъ народа — въ развертывавшейся политической борьбѣ, окружить его ореоломъ высшаго политическаго безпристрастія, полнѣйшей незаинтересованности и политической безотвѣтственности. По отношенію къ этому наиболѣе существенному, наиболѣе центральному пункту политическаго момента, т.-е. по отношенію къ верховной власти, по отношенію къ ея роли и значенію въ совершающейся политической борьбѣ, Дума все время держалась на почвѣ самой крайней „тактической" уклончивости, на почвѣ замалчива-

нія, или—на почвѣ неискренней „лойяльности“ и даже — по временамъ — съ потками своего рода патріотическаго преклоненія и воодушевленія.

Но наиболѣе существенными, наиболѣе важными по своимъ послѣдствіямъ противорѣчіями отличалась политическая мысль—Думы въ оцѣнкѣ реальныхъ соотношеній политическихъ силъ страны. Теоретически Дума, конечно, совершенно ясно понимала, что безъ реальныхъ силъ Дума безсильна, что безъ реальныхъ силъ никакое дѣйствительное измѣненіе политическаго строя немыслимо, что безъ этихъ силъ „конституція“ будетъ являться чистѣйшей фикціей, а „парламентъ“—пустой и позорной комедіей, нужной и полезной развѣ только для того самаго „стараго строя“, противъ котораго призвана бороться Дума, и который, пользуясь фикціей конституціи, отуманивалъ бы и народныя массы, и сосѣднія конституціонныя государства, съ которыми нашъ „старый строй“ издавна уже связанъ прежде всего финансовыми интересами.

Теоретически Дума, несомнѣнно, все это понимала достаточно ясно. Но фактически, въ своей дѣйствительной политической „тактикѣ“, Дума самымъ роковымъ образомъ подчинилась иллюзіи на оба фронта: она считала, что соотношеніе реальныхъ политическихъ силъ и условій страны продолжаетъ оставаться такимъ же благопріятнымъ — въ

пользу освободительной борьбы,—какимъ оно было въ мимолетные октябрьскіе дни; отсюда, подчинившись этой основной иллюзіи, она подчинилась и другой,—она прониклась увѣренностью въ томъ, что „конституція", данная 17 октября, продолжаетъ существовать, дѣйствительно существуетъ, что Дума можетъ и должна только дополнить, расширить, развить и усовершенствовать эту конституцію, исходя при этомъ изъ того характера соотношенія реальныхъ силъ и требованій, какой опредѣлился въ странѣ въ октябрьскіе дни. Этотъ характеръ былъ, конечно, глубоко демократическій, отсюда—и демократизмъ Думы. Страна продолжала жить глубоко демократическимъ духомъ октябрьскаго момента, — продолжала жить имъ и Дума.

Но для Думы, какъ „законодательнаго" учрежденія, одного „духа" было недостаточно; для нея необходима была наличность вполнѣ опредѣленныхъ реальныхъ силъ, достаточныхъ для осуществленія тѣхъ требованій страны, которыя окрашивались этимъ духомъ и вытекали изъ него. Дума же продолжала довольствоваться только „духомъ", продолжала ссылаться на него, на „настроеніе" страны, на „общественное мнѣніе" страны, какъ на ту реальную силу, на которую Дума считала возможнымъ опираться въ своей реальной политикѣ. „Настроеніемъ" и „мнѣніемъ" страны Дума считала возможнымъ побѣдить,

сломить упорство представителей стараго строя, продолжавших цѣпко держаться за старую власть, за старыя привилегіи, за старую безотвѣтственность и безконтрольность. И хотя Дума, особенно въ лицѣ болѣе лѣвой, болѣе радикальной ея части, не мало говорила о необходимости „сорганизовать народныя силы", но въ дѣйствительности Дума еще болѣе была увѣрена въ томъ, что эти силы уже сорганизованы предшествовавшей политической борьбой, что всѣ внутреннія условія этой борьбы достаточно расчистили почву для побѣды народнаго представительства, и Думѣ остается только настойчиво требовать исполненія „воли страны", т.-е. прежде всего — перехода политической власти изъ рукъ безотвѣтственной бюрократіи въ руки народнаго представительства. Изъ того, что извѣстныя политическія требованія и потребности страны уже „назрѣли", изъ того, что эти требованія дѣйствительно проникли въ сознаніе широкихъ народныхъ массъ,—первая Дума заключила, что она располагала и реальной силой для осуществленія этихъ требованій.

Политическая мысль Думы въ этомъ отношеніи была окрашена историческимъ *идеализмомъ*, вѣрой въ силу идеи, въ силу мнѣнія, въ силу настроенія страны, но не въ силу болѣе опредѣленной классовой и групповой организованности и готовности къ борьбѣ за все то, что отражали идеи, мнѣніе и настро-

еніе страны. Конечно, этотъ идеализмъ въ сущности только прикрывалъ гораздо болѣе реальное пониманіе дѣйствительности, обнаруживать которое для сторонниковъ политическаго идеализма не всегда представляется желательнымъ: „идеалисты“ въ сущности всегда понимали и понимаютъ, или во всякомъ случаѣ чувствуютъ, что суть борьбы, ея движущія силы заключаются именно въ дружномъ, организованномъ выступленіи тѣхъ классовъ и группъ, для которыхъ гнетъ стараго политическаго строя особенно тяжелъ и непосредственно близокъ; но не будучи готовыми и склонными къ активному и вполнѣ согласному выступленію вмѣстѣ съ этими классами и группами, „идеалисты“ предпочитаютъ выступать больше тогда, когда выступленіе дѣйствительно борющихся классовъ и силъ достаточно подготовило почву и для выступленія „идеалистовъ“, предпочитаютъ вмѣсто совершенно яснаго опредѣленія и указанія движущихъ силъ борьбы ссылаться на тѣ отраженныя, производныя силы, какія представляютъ изъ себя создающіяся въ періоды борьбы идеи, мнѣнія и настроенія. Отсюда иллюзіи „мирнаго“ разрѣшенія политической борьбы: то, что является лишь *слѣдствіемъ* предшествующей реальной, далеко не мирной, сопряженной съ массой жертвъ, политической борьбы, „идеалисты“ склонны разсматривать въ качествѣ первичныхъ движущихъ силъ борьбы, склонны опираться

именно на эти производныя, вторичныя силы, игнорируя первичныя, основныя. Конечно, это игнорированіе никогда не проходитъ даромъ, никогда не прощается жизнью: если реальныя силы замѣняются иллюзіями, жизнь безжалостно разрушаетъ эти иллюзіи, грубо возвращаетъ „идеалистовъ“ къ сознанію реальности, къ признанію силы—силой и безсилія—безсиліемъ, къ признанію того, что безъ борьбы побѣды не бываетъ и что для успѣха борьбы безусловно необходимъ достаточный запасъ силъ и правильное ихъ соотношеніе, направленіе и использованіе.

Дума, политическая мысль которой была окрашена такимъ идеализмомъ; Дума, вступившая на путь иллюзій, а не на путь реальной политики; Дума, забывшая объ истинныхъ реальныхъ движущихъ силахъ той борьбы, центромъ которой она сама явилась, или замалчивавшая эти силы, не желавшая поставить ихъ исходной точкой для своей политической дѣятельности,—такая Дума неизбѣжно должна была быть *разогнанной*—а не распущенной—именно въ тотъ моментъ, когда она сама всего менѣе этого ожидала. Суровый урокъ политическому идеализму былъ данъ и не могъ не быть даннымъ.

Если бы первая Дума руководствовалась болѣе реальной политической мыслью, она тоже, весьма вѣроятно, была бы распущена, при томъ—гораздо раньше, но за то она знала бы, что роспускъ неизбѣженъ, она ука-

зала бы на эту неизбѣжность странѣ, указала бы ей на истинныя причины этой неизбѣжности, указала бы ей на истинный характеръ переживаемаго политическаго момента, указала бы ей и на тотъ путь, по которому страна должна еще продолжать свою борьбу за политическую свободу и за коренныя соціально-экономическія преобразованія. Дума отразила бы въ полной чистотѣ, ясности, послѣдовательности и рѣшительности политическую мысль страны, и эти свойства политической мысли страны явились бы прочнымъ залогомъ дѣйствительнаго, успѣшнаго осуществленія ея въ тотъ моментъ, когда соотношеніе реальныхъ силъ оказалось бы благопріятнымъ для этого осуществленія. Лучше безстрашное признаніе недостатка реальной политической силы въ *данный* моментъ, чѣмъ переоцѣнка этой силы, чѣмъ жизнь въ области политическихъ иллюзій. Лучше ясность и чистота народнаго политическаго сознанія, чѣмъ затуманиваніе и убаюкиваніе этого сознанія безполезными, а то и прямо вредными иллюзіями и „тактическими" обходами и самообманами.

А оцѣнка первой Думой соотношенія реальныхъ политическихъ силъ страны въ переживавшійся Думой и Россіей историческій моментъ была полна иллюзій и противорѣчій. Дума исходила изъ октябрьскихъ побѣдъ народнаго движенія. Чѣмъ бы ни были обусловлены и вызваны эти побѣды, но онѣ были не-

сомнѣнными побѣдами, и несомнѣннымъ слѣдствіемъ ихъ былъ манифестъ 17 октября, легшій въ основу русской „конституціи“. Активнымъ, рѣшающимъ центромъ народнаго движенія былъ несомнѣнно организованный пролетаріатъ и близкіе къ нему по своей природѣ элементы крестьянства, интеллигенціи и „общества“. Этотъ активный центръ создавалъ „мнѣніе и настроеніе“ страны, въ свою очередь и отражая его, лучше сказать—правильно представляя и отражая истинныя требованія и потребности страны, доведенной до необходимости коренныхъ преобразованій всѣмъ предшествующимъ ходомъ русской исторіи.

Насталъ моментъ, и активный, рѣшающій центръ народнаго движенія выступилъ на сцену политической жизни Россіи, на сцену разгоравшейся политической борьбы. Натискъ оказался настолько дружнымъ и успѣшнымъ, что онъ повлекъ за собою *обѣщаніе* существенныхъ уступокъ стараго строя въ пользу новаго политическаго строя, въ пользу будущей парламентской конституціи. Но „обѣщанія“—еще не фактическія уступки. На народномъ движеніи еще продолжала и продолжаетъ лежать задача—принудить старый строй выполнить данныя обѣщанія, осуществить ихъ *совмѣстно* съ народнымъ представительствомъ, а если такая совмѣстная работа окажется невозможной,—то осуществить на-

мѣченныя уступки и помимо исполнительной машины стараго строя.

Другого пути реальная политическая мысль не могла и не можетъ указать. Конституціи,—той конституціи, о которой думала и говорила первая Дума,—въ Россіи не было и нѣтъ, а были и есть только обѣщанія этой конституціи. Задача продолжала и продолжаетъ оставаться задачей, еще не выполненной. Закрывать глаза на неизбѣжность борьбы ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало и не слѣдуетъ.

Конечно, и первая Дума не вполнѣ отрицала это, напротивъ—нерѣдко даже подчеркивала неизбѣжность борьбы, но впадала при этомъ въ явную политическую иллюзію: она считала, что борьба вышла уже изъ стадіи непосредственныхъ выступленій народа, объединяемыхъ и направляемыхъ его представителями, и полагала, что наступила стадія только „парламентской" борьбы, считая себя „парламентомъ". Политическая мысль первой Думы какъ бы застыла, фиксировалась на октябрьскихъ побѣдахъ народнаго движенія. Послѣдовавшія затѣмъ измѣненія въ соотношеніи реальныхъ политическихъ силъ въ Россіи какъ бы были вычеркнуты изъ сознанія Думы. А между тѣмъ измѣненія эти были чрезвычайно существенны и далеко не въ пользу „конституціи". Въ октябрьскіе дни о лна организованнаго народнаго движенія, волна напряженія активнаго центра борьбы

достигла наибольшей высоты,—и пониженіе волны было неизбѣжно уже по однимъ законамъ политической динамики. Напряженіе всѣхъ силъ стараго строя, боровшагося съ народнымъ движеніемъ, только усиливало паденіе волны этого движенія. Реакція *могла* продѣлать все то, что она продѣлала послѣ манифеста 17 октября. А разъ она *могла* это продѣлать, это показываетъ, что соотношеніе силъ въ тотъ моментъ измѣнилось соотвѣтствующимъ образомъ. „Настроеніе" пассивныхъ, мало организованныхъ еще массъ, главнымъ образомъ — крестьянства, хотя и играетъ всегда извѣстную роль, является поэтому извѣстной даже реальной силой, но силой во всякомъ случаѣ мало опредѣленной, мало рѣшающей. Между тѣмъ Дума въ своихъ ссылкахъ на реальныя силы, готовыя выступить на ея поддержку, имѣла въ виду именно, главнымъ образомъ, крестьянство и его стихійно-революціонное настроеніе.

Что же касается болѣе организованныхъ рабочихъ, городскихъ массъ, то Дума даже бережно и скромно замалчивала истинное отношеніе этихъ массъ къ народному представительству, созванному на началахъ, не удовлетворявшихъ рабочихъ массъ: о бойкотѣ Думы организованнымъ пролетаріатомъ старались совсѣмъ не говорить, дѣлая, однако, видъ, что и пролетаріатъ—при случаѣ— не откажется поддержать Думу. Бойкотъ оставался, однако, реальнымъ, хоть и без-

конечно печальнымъ фактомъ, сыгравшимъ огромную, можетъ быть, даже роковую роль въ исторіи перваго русскаго народнаго представительства. Если Думу разсматривать, какъ одинъ изъ этаповъ революціоннаго, освободительнаго движенія въ Россіи, то бойкотъ Думы революціонными партіями представлялъ, конечно, тяжелый минусъ въ освободительной борьбѣ народа, и этотъ минусъ еще болѣе измѣнилъ дѣйствительное соотношеніе силъ въ первый думскій періодъ не въ пользу „конституціи". Но Дума, вступившая на путь политическихъ иллюзій, замалчивала и этотъ огромной важности отрицательный факторъ того момента.

Замалчивая, такимъ образомъ, истинное соотношеніе реальныхъ политическихъ силъ въ данный моментъ, но чувствуя, что это соотношеніе не совсѣмъ въ пользу Думы, не совсѣмъ даетъ ей почву для рѣшительности и категоричности ея требованій и домогательствъ, а потому и не рѣшаясь на категоричность своихъ требованій, Дума тѣмъ не менѣе съ необыкновенной увѣренностью говорила о стоящихъ за ея спиной грозныхъ реальныхъ силахъ, во всякую минуту готовыхъ поддержать ее. Въ этихъ похвальбахъ „грозными силами" особенно рѣзко сказалась и наклонность Думы къ политическимъ иллюзіямъ, и ея дѣйствительное политическое безсиліе или малосиліе, и ея недостаточная послѣдовательность, и опутывав-

шая ея политическую мысль атмосфера противорѣчій.

Указывая на „грозныя силы“, Дума тѣмъ самымъ какъ бы подчеркивала свою органическую связь и близость съ революціей; и въ то же время она настойчиво твердила о мирномъ характерѣ не только своей работы, но и своихъ домогательствъ, настойчиво подчеркивала свое нежеланіе вступать на революціонный путь. Дума какъ-бы ставила передъ собой основной политическій вопросъ: мирнымъ или революціоннымъ путемъ утвердится въ Россіи конституція? И отвѣчала на этотъ вопросъ положительно: русская конституція можетъ быть утверждена мирнымъ путемъ!

Конечно, этотъ вопросъ, если только мы правильно формулируемъ его отъ имени Думы, является въ сущности празднымъ: „конституція“, по мнѣнію Думы, уже была налицо, дана она была фактически 17 октября, т.-е. была завоевана не совсѣмъ мирнымъ путемъ; *дальнѣйшее* же ея развитіе, если бы вѣрно было утвержденіе Думы, что конституція уже дана,—возможно было, конечно, и мирнымъ, парламентскимъ путемъ.

Такимъ образомъ, происходившая въ первой Думѣ скрытая борьба двухъ теченій,— болѣе сильнаго—„революціоннаго“, и гораздо болѣе слабаго—„мирнаго, строго-конституціоннаго“,—отражала собой борьбу двухъ основныхъ точекъ зрѣнія на общій характеръ со-

вершавшагося политическаго момента: первая точка зрѣнія, ни разу ясно не формулированная въ Думѣ, въ сущности исходила изъ того положенія, что конституціи въ Россіи пока еще нѣтъ, что ее еще нужно завоевывать, что завоевать ее можно только борьбой организованныхъ народныхъ силъ, т.-е.— кровавымъ или безкровнымъ, но во всякомъ случаѣ революціоннымъ путемъ, что съ этого пути для успѣха борьбы уклоняться и не слѣдуетъ, что задача Думы могла заключаться только въ томъ, чтобы эту революціонную борьбу сдѣлать возможно болѣе безкровной, связанной съ возможно меньшими жертвами и потерями,—но борьба, неизбѣжная и для страны, и для Думы, должна была оставаться революціонной, такъ какъ иной она и быть не могла, т.-е. Дума должна была побуждать страну и сама стремиться— *вынудить, отвоевать* у стараго строя тѣ уступки и тѣ гарантіи, безъ которыхъ истинное народное представительство ни развиваться, ни существовать не могло. Въ этихъ своихъ стремленіяхъ Дума могла опираться только на достаточно организованныя, достаточно подготовленныя къ тому или иному давленію, воздѣйствію на старый строй общественныя, народныя силы, и если ихъ было—въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ—мало, то ограничиться лишь теоретической, агитаціонной ролью, ролью трибуны, подготовляющей, объединяющей, организующей револю-

ціонныя силы народа. На реальный, фактическій „успѣхъ" Дума въ этомъ случаѣ и разсчитывать не могла, не должна была; она скромно оцѣнила бы свои дѣйствительныя силы, но тѣмъ съ большимъ убѣжденіемъ и энергіей отнеслась бы къ своей организующей и агитаціонной задачѣ,—такъ какъ въ конечномъ успѣхѣ народнаго движенія она, разумѣется, ни на одну минуту при этомъ все-таки не сомнѣвалась бы.

Такая, послѣдовательно революціонная точка зрѣнія, несомнѣнно, не была чужда извѣстной, даже весьма значительной части первой Думы, но она не была сформулирована достаточно ясно и рѣшительно. Вліяніе этой точки зрѣнія больше чувствовалось въ Думѣ, чѣмъ послѣдовательно и сознательно проводилось. Но весьма многое изъ того, что дѣлалось и говорилось въ первой Думѣ представителями конституціонно-демократической фракціи и трудовой группы, объяснялось скрытымъ вліяніемъ именно такой, послѣдовательно революціонной основной точки зрѣнія.

Другая основная исходная точка зрѣнія на совершавшійся политическій моментъ сводилась къ отрицанію революціоннаго пути по существу. Конституція въ Россіи можетъ быть достигнута исключительно мирнымъ путемъ, путемъ борьбы идей, убѣжденій и т. п. Путь насильственнаго, революціоннаго воздѣйствія на представителей стараго порядка, путь

захвата, завоеванія политической власти— только вредить успѣху конституціоннаго движенія, и уже по одному этому долженъ быть отвергнутъ рѣшительнымъ образомъ.

Однако, и эта „мирная“ точка зрѣнія не чужда была признанія „конституціи“ совершившимся фактомъ, не чужда была склонности воспользоваться этимъ „фактомъ“ для дальнѣйшаго развитія конституціи въ Россіи.

Сторонники этой точки зрѣнія тоже скромно замалчивали вопросъ о происхожденіи „русской конституціи“, о значеніи октябрьскихъ дней, о тѣхъ силахъ и жертвахъ, которыя породили эту конституцію. То-есть, сторонники „мирной“ точки зрѣнія только гораздо глубже уходили въ область иллюзій, недомолвокъ и противорѣчій, чѣмъ сторонники первой точки зрѣнія. Понятно, что уже по одному этому, вторая точка зрѣнія пользовалась въ Думѣ, какъ и въ странѣ, гораздо меньшимъ господствомъ и авторитетомъ, чѣмъ первая.

Но и первая, по существу—революціонная, точка зрѣнія, повторяемъ, не была достаточно ясно, рѣшительно и послѣдовательно формулирована и проведена Думой. „Идеалистическое“ пониманіе исторіи и даннаго политическаго момента являлось той почвой, на которой развивалась уклончивая, двойственная, а потому и противорѣчивая „тактика“ первой Думы. И эта тактика, конечно, съ одной стороны создавала нѣкоторую неудо-

влетворенность въ сторонникахъ Думы, съ другой стороны—внушала бодрость и рѣшительность противникамъ, врагамъ Думы. Въ борьбѣ уважаютъ только силу, рѣшительность, смѣлость, послѣдовательность,—только съ ними считаются, только передъ ними уступаютъ.

Какъ ни неблагопріятно было реальное соотношеніе силъ въ моментъ открытія и первыхъ дней существованія Думы, но по прежнему еще остается большимъ вопросомъ, какой путь къ достиженію Думой хотя бы минимальныхъ конституціонныхъ гарантій былъ бы правильнѣе, успѣшнѣе: путь ли рѣшительнаго, категорическаго заявленія Думой народныхъ *требованій*, въ формѣ ультиматума, влекшаго за собой или роспускъ Думы, или уступки—или же тотъ гораздо менѣе рѣшительный, обходный, „строго-конституціонный" путь, на который въ дѣйствительности вступила Дума, подчинившись вліянію охватившихъ ее иллюзій, противорѣчій и непослѣдовательности! Вѣдь мы все же не должны забывать, что если вначалѣ на сторонѣ Думы совершенно не стоялъ организованный пролетаріатъ, то весьма горячо стояло на ея сторонѣ крестьянство. „Настроеніе" крестьянства въ этомъ отношеніи совершенно вѣрно оцѣнивалось и изображалось Думой. При всей стихійности и неорганизованности крестьянства, оно тѣмъ не менѣе представляло и представляетъ, конечно, огромную, хотя и пассивную, силу.

Какъ ни тяжелы и нежелательны неорганизованныя выступленія народныхъ массъ,—съ точки зрѣнія интересовъ прежде всего самихъ же массъ,—но эти выступленія не могутъ не производить огромнаго давленія на руководящія политическія сферы, даже болѣе того—они не могутъ не производить вліянія и на организованныя общественныя силы, которыя—подъ этимъ вліяніемъ—могутъ измѣнять свое отношеніе къ даннымъ политическимъ явленіямъ,—могли, слѣдовательно, измѣнить и отношеніе организованнаго пролетаріата къ Думѣ. А при такихъ условіяхъ въ той борьбѣ, въ которой выступала Дума, извѣстная побѣда скорѣе могла остаться даже на сторонѣ Думы.

Конечно, всякій вопросъ, пока жизнь не дала на него отвѣта, остается вопросомъ, и теоретическое разрѣшеніе его всегда будетъ до извѣстной степени гадательнымъ. Но мы должны исходить изъ того убѣжденія, что въ такомъ глубоко основномъ политическомъ вопросѣ, передъ какимъ стояла первая Дума, въ вопросѣ, который затрогивалъ самые наболѣвшіе жизненные интересы широкихъ обездоленныхъ народныхъ массъ, не могло и не должно было быть никакой нерѣшительности, непослѣдовательности, склонности къ иллюзіямъ. Ясность, прямота и чистота политической мысли и дѣятельности народнаго представительства была бы безконечно важнѣе для народа и для народнаго сознанія,

чѣмъ тѣ сомнительные „практическіе“ выгоды и успѣхи, которыми, можетъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ могла бы сопровождаться искусная, хотя бы и двойственная, политическая тактика, къ которой склонилось руководящее большинство первой Думы.

Однако, и это большинство, какъ извѣстно, принципіально ничего не имѣло противъ „конфликта“, т.-е. и противъ ультиматума,— но, въ силу усвоенной имъ „тактики“, оно и здѣсь оставалось на пути все той же нерѣшительности, уклончивости, недоговоренности, на пути преувеличенныхъ надеждъ на уступки безъ борьбы. И вмѣсто „конфликта“, вмѣсто ультиматума со стороны Думы—получилось ночное „закрытіе“ Думы, запечатаніе ея казенными замками.

Если бы Дума стояла на почвѣ рѣшительности, прямолинейности и категоричности, то ей не пришлось бы переходить къ тѣмъ крайне обостреннымъ внѣшнимъ формамъ ея отношеній къ правительству, которыя, во всякомъ случаѣ, не составляютъ положительной стороны дѣятельности первой Думы.

Эта обостренность внѣшнихъ отношеній Думы къ правительству, доведенная до абсурдныхъ формъ „обструкціи“ со стороны трудовой группы, только еще рѣзче подчеркиваетъ внутреннее политическое безсиліе и сумбурную противорѣчивость политической мысли первой Думы, послѣдствіемъ чего, конечно, трудно было ожидать тѣхъ компромис-

сныхъ уступокъ, на которыя—въ сущности—только и разсчитывало руководящее большинство Думы. Если бы тактика Думы не была компромиссной, если бы Дума дѣйствительно и рѣшительно отразила ту народную силу, которая, хотя и не вылилась въ тотъ моментъ въ формы, пригодныя для завоеванія полной политической власти народному представительству, но во всякомъ случаѣ была и остается величиной реальной,—то Думѣ не было бы никакой надобности примѣнять по отношенію къ своему политическому противнику тѣхъ внѣшнихъ пріемовъ—рѣзкости, раздраженія и запугиванія—которые всегда свидѣтельствуютъ только о внутренней слабости того, кто къ этимъ пріемамъ прибѣгаетъ.

Если бы Дума при этомъ тоже не достигла бы никакихъ практическихъ результатовъ, какъ она не достигла ихъ и при 72-дневномъ компромиссномъ существованіи, то во всякомъ случаѣ за Думой осталась бы сила яснаго, чистаго, послѣдовательнаго и рѣшительнаго политическаго убѣжденія и такого же пониманія того крайне остраго и сложнаго политическаго момента, въ который пришлось сдѣлать первый опытъ русскому народному представительству. Истинные, жизненные результаты такой политической дѣятельности Думы были бы, по нашему убѣжденію, болѣе цѣнны, болѣе существенны и

болѣе выгодны для дальнѣйшаго хода политическаго освобожденія Россіи.

Позволяя себѣ въ настоящее время такую, не во всемъ положительную оцѣнку дѣятельности первой Думы, мы, конечно, должны быть далеки прежде всего отъ какого бы то ни было „обвиненія“ Думы. Мы должны помнить при какихъ трудныхъ, неблагопріятныхъ условіяхъ должна была работать Дума, какъ несовершенно она составилась, и какъ мало въ „первомъ русскомъ парламентѣ“ было политическаго опыта, политической подготовки. Внутренній размахъ народныхъ надеждъ, пожеланій и требованій былъ настолько широкъ, отличался такимъ стихійно-бурнымъ, революціоннымъ характеромъ, что вполнѣ соотвѣтствовать этому народному размаху могла только дѣятельность полновластнаго учредительнаго собранія, избраннаго самымъ совершеннымъ и свободнымъ образомъ. Первая Дума, конечно, была слишкомъ далека отъ такого учредительнаго собранія. Въ ней, въ потенціальномъ состояніи, таились только нѣкоторыя неясныя попытки на роль учредительнаго собранія, но къ этой роли она была не способна уже по одному характеру своего избранія. Однако, наличность скрытыхъ попытокъ къ учредительной роли, вполнѣ отвѣчавшая характеру и размѣру неясныхъ народныхъ требованій, накладывала на первую Думу печать несоотвѣтствія между желаніемъ, стремленіемъ съ одной стороны,

и возможностью—съ другой, т.-е. уже—печать внутренняго безсилія. Если народному настроенію и народнымъ требованіямъ могло отвѣчать только учредительное собраніе, то слѣдовательно ни для какой Думы вполнѣ успѣшная политическая дѣятельность была немыслима. Народъ, какъ политическое цѣлое, не успокоился бы до тѣхъ поръ, пока его представительство не получило бы той формы, какая отвѣчала бы характеру и размаху народныхъ требованій. Но если у народа не хватило силъ для образованія учредительнаго собранія, если результатомъ борьбы народа со старымъ строемъ явилась только слабая по своей политической компетенціи Дума, то что оставалось дѣлать этой Думѣ, какую роль себѣ отмежевать и какой планъ для осуществленія этой роли избрать?

Очевидно, что при прямолинейномъ рѣшеніи этого вопроса, Дума должна бы была пойти по одному изъ двухъ направленій: или она только отразила бы, формулировала бы народныя требованія во всей ихъ полнотѣ и категоричности, или же она удовлетворилась бы тѣмъ компромиссным минимумомъ, на который готовъ былъ „старый строй", занимавшій въ тотъ моментъ, несомнѣнно, господствующую позицію.

Конечно, болѣе чѣмъ вѣроятно, что этотъ второй путь вызвалъ бы въ народныхъ массахъ такую глубокую неудовлетворенность, что Дума превратилась бы въ нѣчто полити-

чески мертвое, а потому политическій инстинктъ удержалъ Думу отъ этого вполнѣ послѣдовательнаго компромиссцаго пути. Первый же путь представлялся ей тоже слишкомъ безплоднымъ, безжизненнымъ, теоретическимъ, не соотвѣтствующимъ требованіямъ „реальной политики". Дума пошла по среднему, промежуточному пути, крайне неровному, непослѣдовательному, противорѣчивому и—въ конечномъ результатѣ—столь же практически безплодному, какъ и оба вполнѣ послѣдовательные пути.

„Винить" первую Думу за такой выборъ, конечно, было бы не только безполезно, но и не основательно. Стремленіе къ „практическимъ" результатамъ, конечно, обязательно для политическихъ дѣятелей, и мы, по крайней мѣрѣ по отношенію къ *первой* Думѣ, можемъ только *объяснять* причины безплодности ея усилій и домогательствъ, не ставя, однако, этой безплодности ни въ какую вину первому русскому народному представительству.

При томъ способѣ образованія и при томъ составѣ Думы, который уже заранѣе обрекалъ ее на коренныя внутреннія противорѣчія и на политическое безсиліе, въ сущности—даже невозможно было ожидать иного отношенія Думы къ стоявшей передъ ней крайне сложной и трудной задачѣ. Тѣмъ болѣе, что и въ лагерѣ противника все было въ столь же сумбурномъ, допускавшемъ всякія неожиданности, состояніи. Отсюда—большой соблазнъ—

разсчитывать и на эти неожиданности, какъ это дѣйствительно и являлось однимъ изъ мотивовъ думской „тактики".

Конечно, твердость и опредѣленность политическихъ убѣжденій, принциповъ въ значительной мѣрѣ опредѣляетъ и таковыя же свойства политической тактики, рѣзкія колебанія которой въ этомъ случаѣ едва-ли возможны. Но въ первой Думѣ не было вполнѣ опредѣленныхъ, твердыхъ, устойчивыхъ, выдержанныхъ политическихъ партій и группъ, не было и соотвѣтственныхъ представителей такихъ партій и группъ; не было партій и группъ, которыя сознавали бы за собой дѣйствительныя, организованныя реальныя политическія силы,—и единственно достойная такихъ партій тактика—прямая и рѣшительная, увѣренная и спокойная, какъ по существу, такъ и по формѣ,—оказалась невозможной для первой Думы.

Къ такимъ основнымъ условіямъ и причинамъ можетъ быть сведено объясненіе всѣхъ тѣхъ отрицательныхъ чертъ и свойствъ политической дѣятельности первой Думы, которыя мы въ общемъ отмѣтили выше и которыя мы попытаемся представить и проанализировать въ деталяхъ—ниже, въ основномъ содержаніи настоящей книги. Эти отрицательныя черты и свойства первой Думы сводятся: къ недостаточной опредѣленности основныхъ политическихъ взглядовъ на тотъ историческій моментъ, въ условіяхъ и обста-

новкѣ котораго должна была дѣйствовать первая Дума; къ вытекавшей отсюда неустойчивости и невыдержанности политической тактики; къ господству иллюзій по самымъ основнымъ вопросамъ момента—вмѣсто реальной политики; къ склонности къ компромиссамъ, сопровождаемой въ то же время явной переоцѣнкой собственныхъ силъ. Все это—рядъ чертъ, свойствъ и явленій, достаточно убѣдительно подчеркивающихъ политическое безсиліе или—во всякомъ случаѣ—слабосиліе первой Думы.

Задачей настоящей книги и является детальное развитіе и документальное обоснованіе подчеркнутой основной общей мысли—о политическомъ безсиліи первой Думы.

Наиболѣе характерными моментами въ жизни и дѣятельности первой Думы, въ которыхъ она особенно ярко проявила эти основныя, общія свои политическія свойства, являются моменты, затрагивавшіе обще-политическіе вопросы. Этими моментами мы вправѣ считать: обсужденіе Думой вопроса объ амнистіи; составленіе и обсужденіе отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, и—наконецъ—обсужденіе декларацiи министерства.

Пользуясь оффиціальными стенографическими отчетами Думы, мы детально прослѣдимъ и проанализируемъ всѣ сколько-нибудь выдающіяся, характерныя съ интересующей насъ точки зрѣнія рѣчи членовъ Думы, принадлежащихъ къ различнымъ думскимъ

фракціямъ и группамъ, оттѣняя въ этихъ рѣчахъ все то, что подтверждаетъ наши общія положенія.

Этотъ анализъ явится документальнымъ дополненіемъ къ раньше вышедшей нашей книгѣ—„Первая Дума", —заключавшей уже зерно той общей мысли, которую мы развиваемъ въ настоящихъ очеркахъ.

Логическимъ выводомъ изъ этого анализа является рядъ общихъ мыслей и соображеній о тѣхъ задачахъ принципіальнаго и тактическаго характера, которыя могли бы и должны бы стоять передъ второй Думой, если ей придется развивать свою дѣятельность въ политическихъ условіяхъ, сходныхъ съ тѣми условіями, въ которыхъ дѣйствовала первая Дума. Объ этихъ задачахъ и будетъ говорить заключительная глава настоящей книги.

Выступая съ настоящимъ анализомъ общеполитическаго характера и обще-политической дѣятельности первой Думы, авторъ считаетъ долгомъ еще разъ повторить, что—по его искреннему убѣжденію—работа его безусловно далека отъ стремленія въ чемъ бы то ни было „обвинять" первую Думу, или какую-либо изъ дѣйствовавшихъ въ ней политическихъ партій и группъ. Авторъ хотѣлъ бы только—по крайнему своему разумѣнію—*объяснить* этотъ общій политическій характеръ первой Думы, чтобы тѣмъ самымъ облегчить путь къ пониманію и опредѣленію политическихъ задачъ второй Думы, — во-

обще—послѣдующихъ неполпоправныхъ собранiй русскаго народнаго представительства.

Авторъ хотѣлъ бы также отклонить отъ себя и упреки въ пристрастiи къ однимъ, въ излишнемъ сочувствiи къ другимъ политическимъ фракцiямъ и группамъ первой Думы. Объективный анализъ обще-политическаго характера первой Думы и такой же прогнозъ характера и задачъ второй Думы—единственная цѣль настоящей работы автора. Насколько удалось это автору, могутъ судить, конечно, только читатели.

Кiевъ, январь 1907 г.

Глава I.

АМНИСТІЯ.

Вопросъ объ амнистіи былъ первымъ пробнымъ камнемъ самоопредѣленія политическихъ партій и группъ первой Государственной Думы.

Трудно было бы указать вопросъ болѣе популярный въ народныхъ массахъ, болѣе отвѣчающій самымъ живымъ, самымъ настоятельнымъ требованіямъ политическаго момента, чѣмъ вопросъ объ амнистіи. Первая Государственная Дума должна была требовать *политической* амнистіи, и въ характерѣ этого требованія какъ нельзя лучше долженъ былъ сказаться характеръ политическихъ партій и группъ Думы, степень ихъ опредѣленности, устойчивости, послѣдовательности и опирающейся на народныя массы—силы.

Не требовать *политической* амнистіи первая Дума не могла, такъ какъ самый созывъ Думы тѣснѣйшимъ образомъ былъ связанъ съ жизнью и дѣятельностью тѣхъ, кого должна была коснуться амнистія. И это были

уже не только отдѣльные представители революціонной и демократической интеллигенціи, но и представители самыхъ широкихъ рабочихъ и крестьянскихъ массъ. Въ моментъ „зарожденія русскаго парламента" не было не только губерніи или уѣзда, но не было деревни, изъ которой ожесточенная борьба „стараго строя" съ зарождавшимся младенцемъ конституціи не вырвала бы своей жертвы. Не было ни одного предвыборнаго собранія, ни одного избирательнаго съѣзда, на которомъ избиратели не вспомнили бы о томящихся въ тюрьмахъ и ссылкахъ жертвахъ все болѣе и болѣе обострявшейся политической борьбы. Не было, наконецъ, ни одного, даже самаго обиженнаго Богомъ депутата, который не понималъ бы или не чувствовалъ бы, что первые шаги новаго политическаго учрежденія должны начаться „крикомъ народной совѣсти" о страдающихъ за народное дѣло, за политическую свободу Россіи. Въ этомъ „крикѣ" могли и должны были сказаться самые разнообразные оттѣнки политической мысли и политическаго настроенія народныхъ избранниковъ, но крикъ этотъ долженъ былъ раздаться, долженъ былъ вырваться.

И онъ вырвался въ самый моментъ открытія Думы изъ устъ старѣйшаго и популярнѣйшаго представителя конституціонно-демократической партіи, И. И. Петрункевича.

„Долгъ *чести*, долгъ нашей *совѣсти* повелѣваетъ, чтобы первая наша мысль, первое

наше свободное слово было посвящено тѣмъ, кто пожертвовалъ своей свободой за освобожденіе дорогой намъ всѣмъ Родины... Долгъ нашей совѣсти заставляетъ насъ употребить всѣ усилія, чтобы свобода, которую *покупаетъ* себѣ Россія, не стоила больше никакихъ жертвъ. Мы *просимъ* мира и согласія... Сейчасъ мы не можемъ удержаться, чтобы не выразить всѣхъ накопленныхъ чувствъ, *крика сердца*, и не сказать, что *свободная* Россія *требуетъ* освобожденія всѣхъ пострадавшихъ“...

Въ этой первой рѣчи русскаго народнаго представителя, удостоившейся едва-ли не самаго большого, не самаго искренняго и самаго горячаго одобренія и энтузіазма всей Думы, сказалось уже все то, что и должно было сказаться въ „крикѣ“ народной совѣсти. Это былъ прежде всего „крикъ сердца“, но не властное требованіе политической мысли и совѣсти русскаго народа. Долгъ *чести*, долгъ *совѣсти*, но не долгъ непоколебимаго политическаго *убѣжденія*. Поэтому мы только „просимъ“ мира и согласія. Такъ какъ „тысячи рукъ протягиваются къ намъ съ надеждой и *мольбой*“, то мы должны употребить всѣ усилія... Тутъ и требованія совѣсти, тутъ и благородство сердца тѣхъ, кто теперь не только пользуется свободой, но какъ будто бы даже можетъ дать эту свободу другимъ. Мысль объ этой возможности какъ бы вселяетъ въ народнаго представителя извѣстную увѣренность въ политической силѣ нарождающагося парла-

мента, и отсюда—уже чисто политическій финалъ первой рѣчи перваго оратора „перваго русскаго парламента“: „свободная (!) Россія *требуетъ* освобожденія всѣхъ пострадавшихъ“...

Итакъ, въ первой—и, по существу,—самой сильной—рѣчи по вопросу объ амнистіи сказался весьма характерный *калейдоскопъ* политическихъ мыслей и настроеній первой Думы: здѣсь и честь, и совѣсть, и сердце, и просьбы, и требованія! Но сильнаго, увѣреннаго и властнаго *политическаго* требованія мы здѣсь не видимъ. И не видимъ, конечно, потому, что не могли, не имѣли основаній увидѣть.

Намъ могутъ сказать, что такой калейдоскопическій характеръ первой рѣчи объ амнистіи объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что она сказана была представителемъ конституціонно-демократической партіи, общественный и политическій характеръ которой страдаетъ именно такой калейдоскопичностью. Отчасти, можетъ быть, это и справедливо. Но прослѣдимъ за рѣчами другихъ депутатовъ, выражавшихъ и другіе оттѣнки политической мысли, и мы увидимъ почти то же самое.

Чувствуя, что сильнаго и единодушнаго заявленія первыхъ представителей „свободной Россіи“, требующей освобожденія всѣхъ пострадавшихъ, совершенно недостаточно для осуществленія „надежды и мольбы“ тысячъ рукъ, протягивавшихся къ вступавшимъ въ

Думу депутатамъ, Дума, въ лицѣ депутата Ф. И. Родичева, въ первый же день своей „парламентской“ работы, внесла предложеніе объ адресѣ въ отвѣтъ на тронную рѣчь Его Величества, и въ третьемъ пунктѣ этого предложенія значилось: „Не предрѣшая содержанія адреса, возложить нынѣ же на комиссію непремѣнную обязанность включить въ адресъ указаніе на *безусловную* необходимость объявленія *нынѣ же полной* амнистіи по всѣмъ дѣламъ религіознымъ, аграрнымъ и политическимъ, разумѣя подъ послѣдними всѣ *преступленія* и *проступки*, вытекавшіе изъ политическихъ побужденій“.

О другихъ обязательныхъ пунктахъ адреса предложеніе Родичева не говорило. Очевидно, амнистія разсматривалась, какъ наиболѣе обязательное для Думы политическое требованіе. И Дума начала свою работу прежде всего съ этого пункта. Но придала ли она, или господствовавшая въ ней тогда партія, политическій характеръ этому вопросу?—Совершенно нѣтъ. Даже—напротивъ: когда представитель умѣренной партіи, партіи демократическихъ реформъ, Федоровскій, выразилъ мысль, что „въ настоящее время группировка партій въ достаточной мѣрѣ выяснилась тѣми выборами, которые уже закончены“, Родичевъ счелъ своимъ долгомъ оттѣнить „безпартійность“ вопроса объ амнистіи: „Здѣсь было сказано,—началъ свою рѣчь Родичевъ—что партіи въ Думѣ обозначились, и директива того, какъ будутъ идти дѣла въ Думѣ,

не подлежитъ сомнѣнію. Но то предложеніе, которое я внесъ, дѣло не партійное. Это заявленіе должно быть дѣломъ всенароднымъ, дѣломъ національнымъ... Амнистія и помилованіе—это прерогатива Монарха, и наше *заявленіе* есть заявленіе потребности, заявленіе страданій всего народа, обращенное къ Монарху. Мы *не законы постановляемъ;* мы явились сюда для того, чтобы *сказать* то *слово*, которое является выраженіемъ не нашего только *желанія;* оно является выраженіемъ желанія и *мольбы* народа; я хотѣлъ бы, чтобы оно не стало выраженіемъ *требованія* русскаго народа... Быть можетъ, черезъ нѣсколько дней (!) будетъ поздно (!), и оно будетъ выражено въ формѣ требованія".

Наиболѣе яркій лидеръ конституціонно-демократической партіи зачѣмъ-то сталъ проводить очевидную иллюзію безпартійности въ такомъ остро-политическомъ вопросѣ, какъ амнистія. Онъ смиренно началъ говорить о томъ, что это—только „заявленіе", но не требованіе, не законъ, хотя по существу всякій сколько нибудь послѣдовательный к.-д. долженъ бы быть проникнутъ твердымъ политическимъ убѣжденіемъ, что „воля народа—законъ", и что требованіе амнистіи ни въ какомъ случаѣ не являлось только желаніемъ или—тѣмъ болѣе—*мольбой* народа... Въ то же время лидеръ к.-д. обнаружилъ просто чудовищный оптимизмъ, бросивши фразу о томъ, что „быть можетъ, черезъ нѣсколько дней будетъ поздно!"... И оптимизмъ, и искреннюю

или притворную боязнь передъ этимъ „поздно", передъ этой возможностью болѣе категорическаго проявленія той народной воли, представлять которую—какъ ни какъ—была призвана и первая Дума.

Или въ этомъ сказалась уже знаменитая думская „тактика" конституціонно-демократической партіи?!. „Поздно или не поздно, а пугнуть слѣдуетъ! Скажемъ слово, оно и подѣйствуетъ гдѣ нужно! При томъ скажемъ слово безпартійное, единодушное, всенародное, національное! Всѣмъ угодимъ!"

Не этимъ ли „тактическимъ" соображеніемъ объяснялась и та, казавшаяся почти умышленной, путаница понятій „просимъ" и „требуемъ", которая сквозила въ рѣчахъ к.-д. ораторовъ на протяженіи всей первой Думы? Такъ и въ цитируемой первой своей рѣчи объ амнистіи, Родичевъ, проявивъ политическое смиреніе и боязнь передъ призракомъ народнаго требованія, уже болѣе категорически заявляетъ: „Когда мы говоримъ объ амнистіи, то мы, господа, *требуемъ* созданія тѣхъ условій, при которыхъ въ странѣ возможенъ миръ. Намъ здѣсь, въ Думѣ, *нельзя работать;* это чувство угнетаетъ насъ, эти призраки крови, они—здѣсь, въ этомъ залѣ, ихъ нужно убрать *отсюда* (!) для того, чтобы мы могли работать"...

Чрезвычайно характерно это—„убрать *отсюда*!" Оно является дополненіемъ къ долгу совѣсти, чести, сердца, благородства, выставленному И. И. Петрункевичемъ. Родичевъ

добавилъ еще и болѣе прозаическое условіе—спокойствіе „законодателей". Но до долга политическаго убѣжденія ораторы конституціонно-демократической партіи по вопросу объ амнистіи не договорились. Они не рѣшались даже узаконить въ своихъ рѣчахъ понятіе „мы требуемъ", хотя для нихъ должно было бы быть очевиднымъ, что какъ въ интересахъ того „мира для страны", о которомъ такъ любили говорить к.-д., такъ и въ интересахъ того народа, именемъ котораго говорила первая Дума, народные представители не только могли, но и обязаны были говорить именно—„мы требуемъ". Только это понятіе могло сколько нибудь вѣрно отражать даже ту не полно и не точно выраженную народную волю, представительницей которой все же можетъ считаться первая Дума.

Рѣчь Родичева была проникнута „тактикой", можно сказать, на оба фронта—и въ сторону старой власти, которая, по твердому убѣжденію ораторовъ к.-д. партіи, непремѣнно должна была уступить „крику сердца",—и въ сторону той едва ли даже существовавшей оппозиціи въ Думѣ, отъ которой к.-д. ораторы во что бы то ни стало хотѣли добиться „единодушія" по вопросу объ амнистіи, какъ и по вопросу о содержаніи отвѣтнаго адреса. „Если вы желаете уничтожить ту ненависть, которая въ настоящее время горитъ яркимъ пламенемъ съ той и другой стороны,—возьмите на себя починъ и *щедрою рукою* дайте *всепрощеніе.* Это — актъ высшей политической

мудрости... Не портите *радости* народной скупостью, ограниченіями, торгомъ въ *милости...* Настоящій моментъ — рѣдкій моментъ *для власти* въ исторіи Россіи; *Верховная Власть счастлива:* въ сущности исторія дается ей въ руки, какъ не разъ давалась, и нужно понять то мгновеніе, когда *душа народа можетъ раскрыться* въ одномъ порывѣ. Нужно *не оттолкнуть его* въ эту минуту"...

Это—тактика въ сторону Верховной Власти и власти вообще. Ораторъ трогательно убѣждаетъ ее взять счастье, которое само идетъ къ ней въ руки. Ораторъ, повидимому, искренно хочетъ, чтобы счастье не ушло изъ рукъ власти, надѣясь, очевидно, что эта власть сумѣетъ дать счастье и народу, съ „мольбой“ ожидающему, что власть, наконецъ, возьметъ идущее къ ней въ руки счастье.

Далѣе, для тѣхъ изъ народныхъ представителей, которые колебались бы „щедрою рукою“ дать ту „милость“, которой они не имѣли ни формальнаго права, ни дѣйствительной возможности дать, такъ какъ эта милость, въ сознаніи к.-д. ораторовъ являлась исключительно прерогативой Верховной Власти,— для этихъ депутатовъ была пущена въ ходъ не менѣе трогательная ссылка на священную исторію: „Я вамъ напомню, господа, что одинъ изъ первыхъ апостоловъ христіанства — апостолъ Петръ—онъ былъ преступникомъ противъ общаго права, онъ отсѣкъ ухо; преступленіе не политическое, но оно было совершено во имя любви, и *во имя этой любви* всѣ подоб-

ныя преступленія должны быть прощены, *хотя бы* люди, сдѣлавшіе ихъ, *не обладали чистотой апостола...* Противъ тѣхъ людей, которые во имя *своихъ стремленій* идутъ жертвовать своей жизнью, противъ нихъ казни, какъ средства—нѣтъ... Если ихъ можно *наказать*, то можно наказать однимъ прощеніемъ, это—единственная казнь, допускаемая за преступленія по политическимъ мотивамъ, послѣ того, какъ страна *обновилась*, и это всепрощеніе да послужитъ залогомъ того, что въ начавшейся работѣ Монархъ пойдетъ рука объ руку съ народомъ".

Въ этой сплошной патетической лирикѣ даже трудно найти политическую мысль. Въ ней много политической—едва ли, конечно, искренней—наивности, въ то же время достаточно отсутствія простой политической чуткости по отношенію къ тѣмъ, которые, хотя и не обладаютъ „чистотой апостола", но все-же „идутъ жертвовать своей жизнью во имя своихъ (?) стремленій", за что ка-детскій ораторъ и считаетъ нужнымъ отечески „наказать" ихъ прощеніемъ. Или и здѣсь, и въ сторону „съ мольбой протягивающихъ руки" все та же ка-детская „тактика": „мы скажемъ ужъ, что вы—виноваты, что вы не обладаете чистотой апостола, что освободить васъ требуетъ политическая мудрость... но, конечно, мы—ваши друзья, мы въ душѣ убѣждены, что васъ не только освободить нужно въ первый же день „освобожденія Россіи", но и наказать тѣхъ, которые васъ засудили и по-

садили,—какъ объ этомъ мы и заявляли на предвыборныхъ собраніяхъ!..“

Если такъ, то едва ли наполнилось бы радостью сердце заключенныхъ, если бы имъ пришла вѣсть о „единственной казни“, придуманной для нихъ ка-детскимъ ораторомъ въ „радостный день обновленія Россіи!“ Радость свободы была бы омрачена для нихъ сознаніемъ того, что эта свобода является для нихъ „казнью“ въ глазахъ народныхъ избранниковъ, въ глазахъ „лучшихъ людей“ страны, за свободу и счастье которой („во имя своихъ стремленій“) они боролись, рискуя собственной свободой и собственнымъ счастьемъ.

На эту—чисто политическую—сторону вопроса объ амнистіи к.-д. ораторы Думы не обратили присущей имъ силы краснорѣчія. Для нихъ амнистія такъ и осталась актомъ милосердія, требованіемъ только чести и совѣсти, проявленіемъ политическаго благородства, притомъ—по существу—за чужой счетъ, за счетъ Верховной Власти, какъ это вполнѣ справедливо и не безъ язвительности отмѣтилъ представитель малочисленной „правой“ Думы, орловскій депутатъ Стаховичъ, который открыто засвидѣтельствовалъ, въ засѣданіи 4 мая, что и ему „вчужѣ становилось отвратительно и жалко“ слышать „о тѣхъ ужасахъ, о тѣхъ жестокостяхъ, которыя происходили по Россіи“. Вотъ почему и Стаховичъ былъ „увѣренъ, что избиратели одобрятъ меня, когда узнаютъ, что я тутъ по-

дамъ голосъ за полную амнистію, рѣшенную нами еще 27 апрѣля [1])... Дума, какъ народное представительство, должна была высказаться и голосовать, какъ она голосовала... Только огромный размахъ довѣрія и любви можетъ выразить чувство великаго народа... Починъ былъ сдѣланъ нами... Но мы вѣдь знаемъ, что *кромѣ почина существуетъ отвѣтственность за послѣдствія*, и эта вся отвѣтственность останется на Государѣ... Поэтому, я понимаю, что онъ задумывается и не такъ стремительно, какъ мы, движимые однимъ *великодушіемъ*, принимаетъ свои рѣшенія".

Консервативный депутатъ въ рѣчахъ ораторовъ господствовавшей въ Думѣ партіи увидѣлъ—по вопросу объ амнистіи—мотивы только великодушія, и съ формальной точки зрѣнія былъ почти совершенно правъ, такъ какъ вполнѣ опредѣленныхъ *политическихъ* мотивовъ въ своихъ „заявленіяхъ" объ амнистіи к.-д. ораторы не выставляли, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, чтобы ихъ нельзя было упрекнуть въ этомъ. Да правъ былъ Стаховичъ и по существу, такъ какъ, если бы думскіе конституціоналисты-демократы смотрѣли на амнистію, какъ на свое политическое требованіе, какъ на то условіе, безъ котораго—какъ они красиво увѣряли—имъ „нельзя работать въ Думѣ", они бы такъ

---

[1]) Что не помѣшало Стаховичу, вмѣстѣ съ гр. Гейденомъ и другими девятью ихъ единомышленниками уклониться отъ принятія адреса Думы.

легко не оставили этого своего требованія, такъ легко не примирились бы съ такимъ явнымъ упущеніемъ власти, не пожелавшей воспользоваться счастьемъ, которое — убѣждалъ Родичевъ—само шло въ руки власти.

Стаховичъ это упущеніе власти объяснилъ иначе: власть убоялась отвѣтственности за великодушный починъ Думы, тѣмъ болѣе, что Дума не послѣдовала совѣту Стаховича и не изъявила готовности подѣлится съ властью всей тяжестью отвѣтственности за великодушіе: „Цѣль амнистіи—говорилъ Стаховичъ въ засѣданіи 4 мая — это будущій миръ въ Россіи. Надо непремѣнно досказать, что въ этомъ Государственная Дума будетъ своему Государю *порукой* и *опорой*. Съ прошлымъ безправіемъ должно сгинуть преступленіе, какъ средство борьбы и спора. Больше никто не смѣетъ тягаться кровью“...

Отсюда вытекала предложенная Стаховичемъ „поправка“: „Признавая полную амнистію по политическимъ преступленіямъ, совершеннымъ до 27 апрѣля, актомъ милосердія къ виновнымъ, справедливости—для пострадавшихъ невинно и актомъ политической мудрости, Государственная Дума выражаетъ твердую надежду, что нынѣ, съ установленіемъ конституціоннаго строя, прекратятся политическія убійства и другія насильственныя дѣйствія, которымъ Дума высказываетъ самое рѣшительное осужденіе, считая ихъ оскорбленіемъ нравственнаго чувства народа и самой идеи народнаго представительства“.

И если бы Дума, подобно Стаховичу, видѣла въ амнистіи только актъ великодушія, то она несомнѣнно присоединилась бы къ наивной—въ политическомъ отношеніи—поправкѣ Стаховича: вѣдь она была бы—вмѣстѣ съ нимъ—убѣждена, что „нынѣ, съ установленіемъ конституціоннаго строя“, всѣ условія общественной и политической жизни радикально измѣнились и съ увѣренностью могла бы обѣщать, что—при дѣйствительно конституціонномъ строѣ—политическія убійства прекратятся,—если не считать убійствъ со стороны контръ-конституціи, начавшихся съ убійства депутата Герценштейна. Дума только сочла бы просто излишнимъ, совершенно нелогичнымъ высказывать — авансомъ — свое „рѣшительное осужденіе“ тѣмъ насильственнымъ политическимъ дѣйствіямъ, самое существованіе которыхъ, по смыслу той же поправки, съ введеніемъ „народнаго представительства“ должно было прекратиться. Если „осужденіе“ относилось къ дѣйствіямъ, совершавшимся до „установленія конституціоннаго строя“, то оно было мало обосновано, такъ какъ самому же Стаховичу „вчужѣ становилось отвратительно и жалко“ отъ тѣхъ „ужасовъ и жестокостей“, которые происходили по Россіи, и съ которыми тѣснѣйшимъ образомъ были связаны всѣ политическія преступленія, не исключая и самыхъ насильственныхъ. Если же „осужденіе“ относилось къ преступленіямъ при будущемъ, истинно конституціонномъ строѣ, то оно явля-

лось излишнимъ, такъ какъ подобныхъ преступленій при новомъ строѣ нѣтъ основанія ожидать, какъ объ этомъ говоритъ намъ конституціонная исторія.

Политическая наивность поправки Стаховича заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что онъ категорически заявилъ объ „установленіи конституціоннаго строя", повидимому, съ 27 апрѣля 1906 года и на этомъ заявленіи базировалъ весь дальнѣйшій ходъ своей политической мысли. Правда, такое заявленіе началось не со Стаховича, не съ „правыхъ" и не съ „умѣренныхъ" партій Думы; оно началось—съ конституціонно-демократической партіи, давшей тонъ всей Думѣ. Впервые это заявленіе сорвалось съ устъ предсѣдателя Государственной Думы, Муромцева, торжественно и выразительно заявившаго въ своемъ первомъ, благодарственномъ словѣ, 27 апрѣля: „Совершается великое дѣло; воля народа получаетъ свое выраженіе въ формѣ *правильнаго*, постоянно дѣйствующаго, на *неотъемлемыхъ* законахъ основаннаго, законодательнаго учрежденія... Пусть эта работа совершится на основахъ подобающаго уваженія къ прерогативамъ *конституціоннаго* Монарха и на почвѣ *совершеннаго* осуществленія правъ Государственной Думы, истекающихъ *изъ самой природы* народнаго представительства".

Въ этихъ краткихъ и сильныхъ словахъ выразилась сущность взглядовъ конституціонно-демократической партіи на Думу, какъ

на „строго конституціонное“ учрежденіе, и признаніе этой партіей конституціи въ Россіи—дѣйствительнымъ фактомъ. Далѣе уже началось постоянное ревнивое наблюденіе за „соотвѣтствіемъ парламентскимъ правиламъ“, постоянное упоминаніе о „первомъ русскомъ парламентѣ“ и тому подобныя красоты политической риторики... Но къ этому еще вернемся. Теперь же должны отмѣтить одно положительное слѣдствіе рѣчи октябриста Стаховича, язвительно задѣвшаго великодушіе ка-детовъ за счетъ Верховной Власти.

Рѣчь Стаховича вызвала болѣе опредѣленныя и категорическія нотки политическаго характера въ рѣчахъ к.-д. по вопросу объ амнистіи. Родичевъ, который „съ увлеченіемъ слушалъ прекрасныя слова депутата отъ Орловской губ., Стаховича, и вполнѣ понималъ этотъ душевный порывъ, который внушилъ ему благородныя слова любви“, однако „съ политическимъ заключеніемъ этого душевнаго порыва согласиться“ не могъ.

„Если бы здѣсь была кафедра проповѣдника, то тогда, конечно, могъ бы и долженъ бы раздаваться призывъ такого рода, какъ мы услышали здѣсь; но *мы—законодатели*, господа“!.. И далѣе — Родичевъ въ яркихъ краскахъ выясняетъ причины политическихъ преступленій и истинныхъ виновниковъ ихъ: „...Я не хочу упоминать о тѣхъ министрахъ юстиціи, которые предписывали закрывать двери суда! Это они посѣяли убійства и преступленія въ Россіи. Это они облили кровью

страну, ибо та власть, которая нарушаетъ правосудіе, та власть, которая въ уста судьи влагаетъ ложь, та власть есть сѣятельница и дѣятельница преступленій!.. Лица, опозоренныя въ глазахъ всѣхъ, они держали въ рукахъ своихъ кормило власти!.. *Мы*, господа, *не посредники между Государемъ и народомъ, мы представители народа*! Передъ Государемъ въ нашемъ лицѣ народъ стоитъ... Мы—народное представительство; *мы не исповѣдуемся передъ властью*, а мы говоримъ: таковы условія нашей и вашей дѣятельности... Пусть Верховная Власть рѣшаетъ, продолжаться ли старымъ насиліямъ, которыя ведутъ къ борьбѣ, или воцариться (!) царству правды и свободы. Мы только за это царство будемъ работать и *только этому царству присягаемъ и остаемся вѣрны*!"

Черниговскій депутатъ Шрагъ говоритъ: „политическія убійства, которыя совершались у насъ, должны быть намъ понятны". Петербургскій депутатъ Ломшаковъ заявляетъ, что „вся отвѣтственность за всѣ преступленія, о которыхъ здѣсь было сказано, лежитъ всецѣло на правительствѣ, преступно попиравшемъ народную святыню—права человѣка и гражданина".

Это уже — совсѣмъ другой языкъ, языкъ *политической* партіи, партіи дѣйствительно конституціонной, а не языкъ расплывчатой и уклончивой политической риторики, поставившей совершенно не стоющую съ политической точки зрѣнія цѣль „единодушія",

и потому допустившей непростительную игру въ великодушіе надъ такимъ острымъ для страны вопросомъ, какъ вопросъ объ амнистіи.

Если бы партія, лидеромъ которой являлся Родичевъ, была вполнѣ послѣдовательной, она бы неизбѣжно пришла къ тому заключенію, которое само собою вытекало изъ отвѣтной рѣчи Родичева на рѣчь Стаховича: разъ „это они (власть) посѣяли убійства и преступленія въ Россіи; это они облили кровью страну",—то отсюда для послѣдовательной и честной политической партіи, считающей себя представительницей и защитницей интересовъ страны, выводъ только одинъ—преданіе суду той власти, которая „облила страну кровью"!

И такой выводъ былъ дѣйствительно сдѣланъ партіей... до созыва Думы. Въ самой же Думѣ только одинъ изъ членовъ конституціонно-демократической партіи, черниговскій депутатъ Миклашевскій, настаивалъ на открытомъ заявленіи этого неизбѣжно и логическаго, и политическаго вывода, обязательнаго для партіи. Приступая къ обсужденію вопроса объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, Миклашевскій „съ болью въ сердцѣ почувствовалъ въ проектѣ (адреса) существенный, даже громадный пробѣлъ... Мы должны быть искренны въ отношеніяхъ къ Верховной Власти, мы не должны *скрывать* нашихъ мыслей, нашихъ намѣреній. — Вся страна и поскольку она выражаетъ настрое-

ніе страны—вся Дума, безъ различія партій, имѣетъ одну мысль, одно намѣреніе—не оставить безнаказанными тѣхъ страшныхъ, вопіющихъ къ небу ужасовъ, которые пережила страна за послѣдніе мѣсяцы и которые она переживаетъ, увы, и въ настоящее время. Не можетъ остаться безнаказаннымъ то правительство, которое какъ бы издѣваясь надъ Манифестомъ 17 октября, не только не дало намъ ни одного дня свободы, но отняло у насъ даже элементарную гарантію неприкосновенности... Страна... не проститъ намъ, если мы не выскажемъ требованія о необходимости суда надъ тѣми, кто сдѣлалъ Россію страной безсудной"...

Вполнѣ опредѣленная мысль Миклашевскаго обосновывалась имъ и съ юридической, и съ политической точки зрѣнія — весьма неубѣдительно: „мнѣ кажется—говоритъ Миклашевскій—что Манифестъ 17 октября даетъ возможность привести эту мысль въ исполненіе"!

Тотъ самый Манифестъ, которымъ на правительство „возложена была *непреклонной* волей обязанность даровать населенію неприкосновенность личности и свободную гражданскую жизнь", но надъ которымъ, несмотря на „непреклонную волю", правительство „издѣвалось",—этотъ самый манифестъ к.-д. ораторъ готовъ признать и юридическимъ, и политическимъ базисомъ въ своемъ предложеніи о преданіи правительства суду! Что это—политическая наивность, или... кадетская „тактика"?

Другой политическій мотивъ въ рѣчи Миклашевскаго, какъ и во многихъ рѣчахъ другихъ представителей конституціонно-демократической партіи, это—забота о Верховной Власти, едва ли прошенная защита ея отъ подрывающей ее бюрократіи. Миклашевскій разсказываетъ объ извозчикѣ, спрашивавшемъ его въ октябрьскіе дни (въ Харьковѣ),—кто сдѣлалъ ужасное распоряженіе—стрѣлять на улицахъ по всѣмъ направленіямъ, не разбирая ни праваго, ни виноватаго. „Я отвѣтилъ: генералъ-губернаторъ. Знаете, что онъ сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія?—А говорятъ — сказалъ онъ—что *Царь приказалъ разстрѣливать*! [1]) Я вздрогнулъ и почувствовалъ, что колеблется подножіе трона".

Какъ бы то ни было, по тѣмъ или по другимъ политическимъ мотивамъ, Миклашевскій счелъ своимъ политическимъ долгомъ—передъ страной, и долгомъ „искренности"—передъ Монархомъ, категорически поставить вопросъ о преданіи суду правительства, издѣвавшагося надъ Манифестомъ 17 октября, т.-е. надъ „непреклонной" волей Верховной Власти. Какъ же отнеслась къ этому предложенію одного изъ своихъ членовъ конституціонно-демократическая партія въ Думѣ?

Вслѣдъ за Миклашевскимъ на трибуну взошелъ Родичевъ, начавшій свою рѣчь словами: „Я *не стану* возражать предыдущему

---

[1]) Курсивъ стенографическаго отчета Думы.

оратору"... И только! Почему?.. Вѣроятно, потому, что „мы въ комиссіи старались не указывать на то, что должно вызвать разногласіе"... Великолѣпный предлогъ найденъ: единодушіе! Изъ-за единодушія можно было многое и многое повыбросить изъ политическихъ требованій и обязательствъ партіи. А чтобы сгладить этотъ „тактическій" ходъ,—можно увлажнить его цѣлымъ потокомъ „объединяющихъ" словъ, ни къ чему не обязывающихъ, но вносящихъ безконечную путаницу въ ясный и правдивый ходъ дѣйствительной политической мысли. „Насъ прислали для того—говорилъ Родичевъ — чтобы мы положили *начало* новому строю, и мы *съ радостью* услышали слова Государя Императора, приглашающія насъ къ обновленію *нравственнаго* облика русской земли. *Да, нравственнаго!* Обликъ рабства, насилія, гнета *долженъ быть стертъ съ лица земли.* Нравственное возрожденіе возможно только при свободѣ"...

Въ этомъ мѣстѣ рѣчи Родичева стенографическій отчетъ Думы отмѣчаетъ „аплодисменты". Самый основной и самый острый политическій вопросъ — вопросъ о „новомъ строѣ"—пламенный лидеръ конституціонно-демократической партіи разсматриваетъ съ точки зрѣнія „нравственнаго обновленія,"—и Дума гипнотизируется красивыми разговорами о нравственности! Далѣе ораторъ рисуетъ обликъ „новой власти", которая должна будетъ являться „не врагомъ, а другомъ-охранителемъ нашихъ правъ и слугой на-

рода". При этомъ ораторъ удостовѣряетъ: „*мы ждали*, что представителями власти будетъ установлено это право и эта свобода, которая намъ возвѣщена торжественно съ высоты престола". Но „наша вѣра попрана, и... мы приходимъ сдѣлать то, что должны были сдѣлать другіе... Если бы оказалось, что наша работа встрѣтила бы неожиданную поддержку, *мы ее примемъ*"... Если не будетъ поддержки, сдѣлаемъ дѣло сами. „Дума должна внести законопроекты, которыми *право* будетъ обосновано, *какъ на бронзовой скалѣ* (!),— и я выражаю надежду, что нынѣшняя Дума оставитъ въ русскомъ строѣ законодательный памятникъ, на который внуки и правнуки будутъ ссылаться, какъ на *завѣтъ свободы*, какъ на *священный Ковчегъ* ея"...

Откуда такая увѣренность и такая возвышенность стиля? Гдѣ реальныя политическія основанія для этихъ пріятныхъ для самого оратора и, вѣроятно, для большинства Думы— пророчествъ?

Ораторъ не скрываетъ предстоящихъ трудностей. „Мы знаемъ, что старыя препятствія— *средостѣнія* между Монархомъ и народными представителями—остаются... Мы съ горечью видимъ, что... въ это самое время для сильныхъ и богатыхъ создаются новыя преимущества... дворянское сословіе получаетъ перевѣсъ въ выборномъ составѣ новаго средостѣнія... Наша работа пройдетъ черезъ разсмотрѣніе старыхъ властителей... Мы не знаемъ.... что называется правительствомъ... На-

сколько упрочилась бы (наша) работа—такъ убѣждаетъ власть к.-д. ораторъ—насколько установились бы *сразу* тѣ отношенія *вѣры между народомъ и Монархомъ*, которыя такъ нужны для умиротворенія страны,"—если бы правительство было изъ среды „людей, пользующихся довѣріемъ народныхъ представителей."

„Какое устраненіе всѣхъ подозрѣній, всѣхъ недовѣрій, всей клеветы, разсѣиваемой повсюду для того, чтобы *поссорить (!)* народъ съ Монархомъ"!...

Если бы министры въ это время сидѣли въ своихъ думскихъ ложахъ, они бы не безъ основанія вспомнили при этихъ словахъ Родичева Крыловскую басню: „Какія перышки! Какой носокъ"!..—и приговаривали бы: „Нѣтъ! Насъ на мякинѣ не проведешь! Мы эти басни слышали уже и въ умѣренной либеральной печати, и въ прогрессивныхъ земскихъ резолюціяхъ, и даже съ церковныхъ кафедръ! Надоѣли уже намъ эти мало-остроумныя „средостѣнія," на которыя вы съ такимъ удовольствіемъ и упорствомъ киваете для того, чтобы „поссорить" насъ съ Монархомъ!.. Бросьте пустую затѣю! Охота сражаться, такъ выступайте открыто—пожалуй къ бою, а мы—пойдемъ стѣною. Когда проломите стѣну, тогда получите правительство, пользующееся вашимъ довѣріемъ... А пока мы будемъ—по-своему"....

Подтвержденіе и завершеніе подобныхъ мыслей представителей тѣхъ, которые — какъ

сказано въ Думскомъ Адресѣ—„все еще преграждая народу путь къ Царю и попирая всѣ основы Высочайшаго Манифеста 17 октября, попрали страну позоромъ безсудныхъ казней, погромовъ, разстрѣловъ и заточеній“—подтвержденіе такихъ мыслей страна и увидѣла 13 мая и 9 іюля.

Прослѣдимъ однако дальнѣйшій ходъ этой чрезвычайно характерной—для большинства конституціонно-демократической партіи—политической рѣчи Родичева 2 мая.

Ораторъ предвидитъ возможность того, что „противъ мнѣнія народнаго представительства будетъ возстановленъ Монархъ... потому что докладчиками явятся люди чуждые и быть можетъ (?) враждебные,“ которые однако будутъ ссылаться на свою „отвѣтственность только передъ Монархомъ“.

„Эта отвѣтственность темна, ея до сихъ поръ не было, и мы знаемъ, сколько преступленій прикрыто *священнымъ* именемъ Монарха, сколько крови скрыто подъ горностаевой мантіей, покрывающей плечи Государя Императора. Мы явились съ *добросовѣстной (!)* попыткой установить тотъ строй, при которомъ Монархъ дѣйствуетъ въ *кровномъ* единеніи съ народомъ своей страны“.... Но далѣе ораторъ не выдерживаетъ „мирнаго“ характера своей рѣчи и говоритъ: „Мы явились сюда съ *требованіемъ*, чтобы свобода была *не только* условная, чтобы люди были равны (!) между собою... чтобы трудовое крестьянство было надѣлено землею“... При этомъ ораторъ еще

разъ подчеркиваетъ безусловную необходимость „одного условія,“ одного „залога:“ „Это слово у всѣхъ насъ на умѣ и на устахъ; это слово—амнистія! Мы ждемъ ея какъ *благой вѣсти*, что мы *снова* (!) можемъ *вѣрить и надѣяться?*“

Въ заключеніе снова болѣе рѣшительный, почти угрожающій аккордъ: „Но, господа, если бы рушились наши надежды, если бы попрана была наша вѣра, на насъ все таки остается *обязанность осуществить обновленіе* Россіи и безъ этого—*не уходить!..*“

Конечно, к.-д. ораторъ умалчиваетъ о тѣхъ дѣйствительныхъ, сколько нибудь надежныхъ средствахъ, при помощи которыхъ „мы“ могли бы выполнить свою обязанность „осуществить обновленіе Россіи,“ или хотя бы „не уходить“ изъ Думы до этого осуществленія....

Возвратимся къ вопросу объ амнистіи. Миклашевскій своимъ предложеніемъ включить въ адресъ пунктъ о преданіи суду правительства за „издѣвательство“ подъ Манифестомъ 17 октября поставилъ конституціонно-демократическую партію въ нѣсколько непріятное и затруднительное положеніе. Большинство к.-д. ораторовъ просто замалчивало этотъ вопросъ. Родичевъ заявилъ: „я возражать не стану“. Протопоповъ (Самарской губ.) говорилъ: „мы должны сдержать *обѣщаніе* о привлеченіи къ суду этихъ лицъ, *данное нашимъ избирателямъ, но не обременять (!)* адреса спеціальнымъ упоминаніемъ объ этомъ обѣща-

ніи." А докладчикъ комиссіи Набоковъ не столько съ искусствомъ, сколько со смѣлостью и бюрократической изобрѣтательностью опытнаго докладчика, вышелъ изъ затрудненія такимъ заявленіемъ: „Первое указаніе о томъ, что должностныя лица не должны быть оставлены безнаказанными, мы считали невозможнымъ включать въ отвѣтный адресъ по тому соображенію, что это *указаніе* не есть обращеніе *ни къ Монарху, ни къ странѣ. Несомнѣнно*, вопросъ этотъ будетъ возбужденъ и *несомнѣнно* получитъ утвердительное рѣшеніе. Но это не законодательная задача, и вотъ поэтому въ адресъ включать такое указаніе мы не считали нужнымъ"....

Указаніе на преданіе суду виновниковъ нарушенія манифеста 17 октября—не есть обращеніе (!) ни къ Монарху, ни къ странѣ!... А къ кому же? Нарушеніе манифеста 17 октября не касается ни Монарха, ни страны?... Лучше поступилъ Родичевъ, заявивши, что онъ просто „не станетъ возражать" на щекотливое съ точки зрѣнія ка-детской „тактики" предложеніе.... Но чтобы успокоить и Думу, и страну, Набоковъ истинно министерскимъ языкомъ обѣщаетъ, что „вопросъ этотъ будетъ несомнѣнно возбужденъ" и—что болѣе удивительно—„несомнѣнно получитъ утвердительное рѣшеніе"....

Вся „тактика" к.-д. свелась ни къ чему: правительство все же должно было остаться въ увѣренности, что ему не миновать суда, если власть перейдетъ въ руки думскаго боль-

шинства, т.-е. въ руки почти исключительно конституціонно-демократической партіи! Почему бы ужъ въ такомъ случаѣ не заявить о таковой „несомнѣнности" и въ адресѣ? Неужели же потому, что „это незаконодательная задача"? А упоминаніе, при томъ какъ-будто-бы самое настойчивое, объ амнистіи? Развѣ это—особенно съ точки зрѣнія конституціонно-демократической партіи — законодательная задача?....

Такимъ образомъ, въ отношеніи конституціонно-демократической партіи къ вопросу объ амнистіи въ Думѣ мы не видимъ не только опредѣленной, ясной политической мысли, но не видимъ даже опредѣленныхъ политическихъ мотивовъ. Мало того, въ рѣчахъ наиболѣе выдающихся и—такъ сказать—признанныхъ ораторовъ этой партіи мы видимъ стремленіе къ устраненію политическаго характера и политическихъ мотивовъ предложенія объ амнистіи,—вплоть до такой явной уклончивости, какую мы видѣли въ объясненіяхъ Набокова. К.-д. партія свела вопросъ объ амнистіи на такую ничего не стоющую въ политическомъ отношеніи почву, какъ требованія чести, совѣсти, сердца, милосердія.... Такимъ отношеніемъ къ этому огромному вопросу к.-д. партія, въ лицѣ господствовавшаго большинства ея въ Думѣ, показала, что амнистія для нея была далеко не такимъ близкимъ ея сердцу, вѣрнѣе—ея кровнымъ классовымъ и политическимъ интересамъ—вопросомъ, какимъ оказался напр. другой основной воп-

росъ, затронутый въ отвѣтномъ адресѣ,— вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ. Конечно, мы не имѣемъ основаній не вѣрить—по крайней мѣрѣ, основаній прямыхъ— что если бы осуществилось болѣе энергичное стремленіе к.-д. партіи,—отвѣтственное министерство, то осуществилась бы и полная политическая амнистія. Но съ точки зрѣнія политической опредѣленности, послѣдовательности и прямоты, отношеніе конституціонно-демократической партіи къ вопросу объ амнистіи въ первой Думѣ останется чрезвычайно характернымъ для этой партіи историческимъ памятникомъ.

Посмотримъ теперь, какъ отнеслись къ тому же вопросу другія партіи и группы первой Думы.

Оказалась ли болѣе ясной, опредѣленной и послѣдовательной въ политическомъ отношеніи прежде всего трудовая группа, какъ представительница политическаго радикализма, окрашеннаго къ тому же въ соціалистическій оттѣнокъ?

Вслѣдъ за лидеромъ конституціонно-демократической партіи, Родичевымъ, въ засѣданіи Думы 29 апрѣля выступили лидера трудовой группы, Аникинъ и Аладьинъ.

„Вы слышали призывъ къ милосердію— началъ свою рѣчь Аникинъ—я не буду *такъ* говорить, я не буду говорить о милосердіи, я буду говорить о *справедливости*. Здѣсь говорили о томъ, что нужно простить *заблудшихъ*, а я скажу—нужно освободить *невин-*

ныхъ"... И далѣе пошли доказательства *невиновности* заключенныхъ, — доказательства, едва ли убѣдительныя съ точки зрѣнія „законности", на которой, какъ извѣстно, съ героической твердостью оставалась и продолжаетъ оставаться „старая властъ": „....Тамъ голодаютъ, тамъ умираютъ, тамъ расшибаютъ себѣ головы о стѣнки... Брали людей по подозрѣнію (!), брали людей по указаніямъ подонковъ общества, брали людей по указаніямъ продажныхъ (?) людей"... А если брали людей за дѣйствительное ихъ участіе въ активной работѣ „противоправительственныхъ" партій, — что, конечно, и было въ огромномъ большинствѣ случаевъ? Если „подозрѣніе" оказывалось основательнымъ? При чемъ тутъ „указанія" подонковъ общества и продажныхъ людей? Чаще „указывали" весьма почтенные люди, состоявшіе даже въ чинахъ и степеняхъ извѣстныхъ—по министерству внутреннихъ дѣлъ и по отдѣльному корпусу жандармовъ—и совсѣмъ не „продажные", а лишь получавшіе болѣе или менѣе приличные „оклады" и наградныя отъ соотвѣтственныхъ вѣдомствъ!..

На такую почву вопроса объ амнистіи тоже переводить не было основаній. Въ затруднительное положеніе поставилъ себя ораторъ трудовой группы и въ своемъ оправданіи крестьянъ, „изголодавшагося темнаго народа...... который... наконецъ не выдержалъ и сдѣлалъ *все* (?), что возможно въ положеніи нашего крестьянина. Голодный и *забитый*,

темный, *ничего не понимающій* (?!), лишенный возможности сказать и услышать разумное слово, онъ пошелъ жечь. Да, это нехорошо, да—это плохо. Но нельзя *такъ* (?) наказывать, нельзя такъ судить"!..

А *какъ* же можно было наказывать? Какъ можно было судить?.. И какая „*справедливость* требуетъ, чтобы самая широкая (полная?) амнистія была распространена" на всѣхъ политическихъ и аграрныхъ заключенныхъ?...

Болѣе рѣшительно и категорически поставилъ вопросъ Аладьинъ. „Я не буду говорить вамъ ни о прощеніи, ни о справедливости... Мы предоставляемъ послѣдній случай, послѣднюю возможность понять нась и примирить насъ актомъ, который ускоритъ появленіе нашихъ братьевъ въ нашей собственной средѣ"...

Но рѣчь Аладьина отличалась явнымъ преувеличеніемъ силы первой Думы, явнымъ оптимизмомъ въ сторону *революціи*, какъ рѣчи ка-детовъ отличались явнымъ оптимизмомъ въ сторону *конституціи*. Аладьинъ говорилъ: „Я обращаюсь къ тѣмъ, у кого есть еще время хоть на одинъ моментъ понять, *съ кѣмъ* (!) они имѣютъ дѣло и съ кѣмъ они встрѣтились лицомъ къ лицу. *За нами страна*... Наши братья въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ, на каторгѣ *могутъ быть увѣрены*, что *мы сами* возьмемъ ихъ оттуда..."

Казалось бы, что если такъ, то слѣдовало бы не тратить словъ по-пустому тамъ, гдѣ нужно власть употребить. Это было бы до конца по-

слѣдовательно. А между тѣмъ закончилъ свою рѣчь Аладьинъ все же обращеніемъ къ старой власти: „Я обращаюсь къ тому, *кто можетъ*, съ простыми ясными словами: *пощадите* нашу родину, возьмите дѣло въ свои (?) руки и не заставьте насъ взять его въ свои собственныя“!

Этотъ оборотъ политической мысли по существу своему уже мало чѣмъ отличается отъ „тактики“ ка-детовъ, является только болѣе яркимъ и рѣзкимъ по формѣ. Сила, сознающая себя дѣйствительной силой, не станетъ предлагать своему явному сопернику „брать дѣло въ свои руки“, тѣмъ болѣе въ такой острый моментъ, когда тысячи единомышленниковъ ждутъ своего освобожденія.

Съ бо́льшимъ политическимъ реализмомъ и послѣдовательностью освѣтилъ вопросъ третій ораторъ и представитель трудовой группы, Жилкинъ, рѣчь котораго, однако, отличалась наклонностью къ тому же нѣсколько избыточному паѳосу и къ той же цвѣтистости, какими отличались рѣчи к.-д. лидера, Родичева. Настаивая на „требованіи“ (а не „просьбѣ“) амнистіи, Жилкинъ говорилъ: „Я мирный человѣкъ, я слабый человѣкъ, но всѣмъ сердцемъ, всей душой я чувствую, что *къ великому ужасу* (!), къ великому огорченію время просьбъ прошло и кануло безвозвратно. Народъ теперь требуетъ, требуетъ отъ всего изстрадавшагося сердца и измученнаго тѣла. Не можетъ онъ просить, не можетъ онъ жаловаться однѣми слезами, ко-

гда его (?) братья, отцы, сестры, матери сейчасъ, въ настоящую минуту, томятся по тюрьмамъ, по рудникамъ далекой Сибири"...

И приглашая Думу къ единодушному воплю, крику—„немедленная амнистія",—Жилкинъ считаетъ, что этотъ вопль нуженъ только для народа, чтобы онъ могъ сказать, что „мы честно, открыто и мужественно сказали то великое слово, которое онъ требуетъ. Это будетъ залогомъ, что *мы скажемъ дальнѣйшія слова!..* Если наши требованія не будутъ удовлетворены, мы — можетъ быть—уйдемъ отсюда, отойдемъ, можетъ быть, въ сторону, но пусть тогда народъ встанетъ лицомъ къ лицу съ тѣми, которые не удовлетворили нашихъ требованій".

Политическій реализмъ мысли Жилкина привелъ его къ малоутѣшительной формулировкѣ не только даннаго вопроса, но и вопроса о положеніи и сущности первой Думы вообще: роль Думы свелась къ тому, чтобы твердо, прямо, честно *сказать слово*, котораго *требуетъ* народъ, и тѣмъ доказать народу, что первой Думой будутъ *сказаны* и дальнѣйшія *слова!* Указать на реальныя и активныя политическія силы и средства для выполненія народныхъ „требованій", заявленныхъ первой Думой, ни одинъ реальный политикъ Думы не могъ. Но... требованія оставались требованіями, а не просьбами,—и единственной, хотя мало опредѣленной и мало активной, но все же реальной силой, которая могла бы поддержать эти требованія,

былъ самъ же народъ, съ которымъ старая власть и должна была столкнуться въ случаѣ рѣшимости ея игнорировать народныя требованія.

Болѣе опредѣленныя указанія на реальныя, активныя политическія силы для поддержки требованій страны могли указать только представители рабочаго класса, насколько рабочіе депутаты первой Думы могли считать себя истинными представителями пролетаріата. Рабочій депутатъ Казанской губ., Ершовъ, призывалъ Думу къ единодушію въ вопросѣ объ амнистіи, имѣя въ виду сочувствіе пролетаріата,—этой могучей поддержки „въ борьбѣ съ темной реакціей“: „пролетаріатъ, какъ борецъ за свободу, будетъ сочувствовать этому первому почину, и вы будете смотрѣть на себя, какъ на истинное народное представительство, за спиной котораго будетъ стоять и пролетаріатъ, и крестьянство“.

Но пока—пролетаріатъ не стоитъ за спиной Государственной Думы, и—можетъ быть—именно поэтому слова, толки, разговоры объ амнистіи и даже „требованія“ ея ни къ чему не приводятъ. Эту горькую истину констатируетъ другой рабочій депутатъ (Екатериносл. губ.), Михайличенко, въ засѣданіи Думы 4 мая: „Сколько мы здѣсь толкуемъ объ амнистіи!.. Какая причина заставляетъ насъ мучиться нѣсколько дней, объ амнистіи толкуя, и все разногласіе и разногласіе!.. Весь народъ ждалъ амнистіи, но ея до сихъ поръ

нѣтъ. Я думаю, что рабочіе сумѣли бы выпустить изъ тюремъ и умѣли бы защитить своихъ братьевъ. А мы здѣсь защищаемъ свои матеріальныя средства" (?)...

Положеніе рабочихъ депутатовъ въ первой Думѣ оказалось тоже трагическимъ: они не имѣли возможности говорить отъ имени всего пролетаріата! они тоже не имѣли за собой дѣйствительной и организованной политической силы; они только чувствовали мощность этой силы и свою хотя бы косвенную связь съ ней; они уже по одному этому говорили въ первой Думѣ все же болѣе рѣшительно, болѣе опредѣленно, болѣе категорически. Но и они должны были чувствовать, что они явились въ Думу только для того, чтобы „сказать слово"...

Отчетливо радикальный и политически реальный взглядъ на амнистію проводилъ и еще одинъ представитель трудовой группы, курскій депутатъ Шапошниковъ. Политическихъ заключенныхъ онъ сравнивалъ съ „заложниками": „а разъ устанавливается перемиріе, заложники должны возвратиться въ свои страны... Они томятся въ тюрьмахъ не потому, что они преступники, а потому, что они борцы, потому что добивались того, чего мы здѣсь добиваемся... *Эти люди сдѣлали больше, чѣмъ мы сдѣлаемъ здѣсь, сидя въ Думѣ*"... А потому святой долгъ Думы настаивать на освобожденіи этихъ борцовъ.

Оренбургскій депутатъ Сѣдельниковъ, трудовой группы, опредѣлялъ амнистію не какъ

милосердіе и не какъ справедливость, а какъ *необходимость*, — чтобы „предупредить окончательный разсчетъ" со стороны, главнымъ образомъ, крестьянскихъ массъ, уже вовлеченныхъ въ революціонную борьбу: „мы, представители народа, по порученію его требуемъ амнистіи во имя блага народа, иначе произойдетъ то, о чемъ и думать *страшно*"...

Здѣсь уже проскальзываетъ и идеализація революціоннаго крестьянства и страхъ передъ „окончательнымъ разсчетомъ"...

Какъ бы то ни было, во всѣхъ этихъ заявленіяхъ представителей трудовой и рабочей группъ Думы мы не можемъ не признать болѣе опредѣленнаго и болѣе рѣзкаго подчеркиванія прежде всего *политическаго* характера и *политическихъ* мотивовъ амнистіи. Трудовая группа категорически отвергла мотивъ „милосердія", на которомъ думали было исключительно базировать не только слабо представленныя въ Думѣ „умѣренныя" партіи и группы, но даже и партія конституціонно-демократическая. Это существенное—съ политической точки зрѣнія—дополненіе трудовой группы въ вопросѣ объ амнистіи, конечно, едва ли могло встрѣтить возраженіе со стороны к.-д. партіи, которая больше изъ соображеній „тактики" тщательно продолжала уклоняться отъ болѣе прямолинейной постановки вопроса. Правда, въ началѣ, подъ впечатлѣніемъ особенно рѣчи Аладьина, к.-д. ораторъ, проф. Гредескулъ открыто призналъ правильность этой постановки. Къ мотивамъ

милосердія, справедливости и народнаго требованія, Гредескулъ присоединилъ еще мотивъ „отчаянія“.

„То, что сказалъ депутатъ Аладьинъ, есть совершенная правда, которую мы всѣ должны признать и которую оттолкнуть отъ себя невозможно“: дѣйствительно, народъ самъ освободитъ заключенныхъ—„это дѣло чести для русскаго народа“.

Терминъ „отчаяніе“ Гредескулъ употребилъ, конечно, въ чисто политическомъ смыслѣ: „положеніе таково, что народъ долженъ или добиться этого, или погибнуть“. И добиться не только амнистіи: „Мы должны сказать здѣсь всю истинную правду, обрисовать настоящее положеніе вещей“, которое „заключается въ томъ, что всѣ насилія и беззаконія, которыя дѣлались, нужны были *лишь* одной кучкѣ людей, можетъ быть, чрезвычайно небольшой, что они *по существу дѣла* (?) совершенно ненужны самому Монарху...“ Гредескулъ, высказавши такую чисто ка-детскую общую политическую точку зрѣнія, остается однако увѣреннымъ въ побѣдѣ народа даже въ случаѣ столкновенія съ „грубой физической силой“. Но если бы побѣдила и грубая сила — „народъ долженъ идти и при этихъ условіяхъ, чтобы попытаться устранить то, что теперь совершается“.

Исходя однако изъ той общей точки зрѣнія на сущность политическаго положенія Россіи, которую мы привели выше, Гредескулъ „ничего не имѣетъ противъ“ того, что-

бы обращеніе по вопросу объ амнистіи было облечено и въ форму „просьбы о милости", если это нужно. „Мы должны только помнить, что если въ формѣ милости русскому народу это не будетъ дано, то депутатъ Аладьинъ окажется правъ. Народъ добьется амнистіи въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ самъ захочетъ".

Эту рѣчь Гредескулъ говорилъ 29 апрѣля. Здѣсь была какъ бы попытка примирить туманность мотивировки и уклончивость постановки вопроса со стороны ка-детовъ съ радикализмомъ трудовой группы, доходившимъ — въ рѣчи Аладьина — до революціонности, правда, выразившейся только въ формѣ угрозъ, не имѣвшихъ за собой реальныхъ политическихъ силъ и средствъ къ ихъ осуществленію. Въ этой попыткѣ примиренія, уже не повторявшейся при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса объ амнистіи, сказалась одна изъ характерныхъ чертъ к.-д. „тактики" въ Думѣ: к.-д. какъ бы находились подъ вѣчнымъ страхомъ передъ „мнѣніемъ страны", которая, выражаясь словами депутата Миклашевскаго въ засѣданіи 3 мая, могла бы „не понять" истиннаго смысла к.-д. тактики и сказать, что „ка-деты начинаютъ съ компромисса".

Однако, тонъ угрозъ, по существу, конечно, не имѣвшій никакого политическаго смысла, широко примѣнялся конституціонно-демократической партіей,—чуть ли не больше даже чѣмъ трудовой группой, только не въ такой

рѣзкой формѣ. Рѣчи Родичева, напр., какъ мы уже и видѣли отчасти, даютъ для подтвержденія этого достаточный матеріалъ. Политическое безсиліе первой Думы невольно вызывало наклонность воспользоваться угрозами, въ качествѣ не столько политическаго, сколько психологическаго, или „тактическаго" средства борьбы. Дума наивно была увѣрена, что уже по первому ея слову въ засѣданіи 27 апрѣля, амнистія будетъ дана. Прошло два дня, но амнистіи не было. Въ засѣданіи 29 апрѣля начался потокъ рѣчей, убѣждавшихъ и Думу, и правительство въ томъ, что амнистію нужно дать, чтобы не было „поздно" и т. д. Напрасно варшавскій депутатъ Новодворскій предостерегалъ Думу отъ излишнихъ доказательствъ того, что было совершенно ясно безъ всякихъ доказательствъ, словами: „чѣмъ меньше мы будемъ говорить, тѣмъ больше наше слово будетъ мощно и сильно", а депутатъ архангельской губ., Галецкій указывалъ, что „излишнія слова, не вызванныя сущностью дѣла, нѣсколько ослабляютъ то впечатлѣніе единодушія, которымъ проникнуто наше желаніе на счетъ амнистіи".

Въ засѣданіи 29 апрѣля еще разъ единогласно, при оглушительныхъ апплодисментахъ всей Думы, было принято предложеніе указать на „безусловную необходимость объявленія нынѣ же полной амнистіи и пріостановки смертной казни..." Но амнистіи не послѣдовало.

Нетерпѣніе Думы возростало. Въ засѣданіи 30 апрѣля членъ трудовой группы Корнильевъ,—въ виду совершенной выясненности вопроса объ амнистіи и отмѣнѣ смертной казни, и въ виду того, что составленіе адреса, куда долженъ быть включенъ пунктъ объ амнистіи, можетъ затянуться, и „въ виду того, что страна безмѣрно мучается этими вопросами, не мирится съ отсрочками и ожидаетъ немедленнаго проведенія въ жизнь этихъ вопросовъ", — предложилъ Думѣ „немедленно выразить свою *непреклонную волю*, или что то же—волю всего народа"...—черезъ предсѣдателя Думы Государю.

Это радикальное предложеніе грѣшило тѣмъ же, чѣмъ грѣшили и всѣ думскія угрозы— отсутствіемъ реальныхъ силъ и средствъ для осуществленія. „Непреклонная" воля убѣдительна тогда, когда она можетъ быть исполнена. Повтореніе же „непреклонной воли" уже въ сущности—въ третій разъ только подрывало ея престижъ.

Но предложеніе Корнильева вызвало въ Думѣ чрезвычайно интересные—въ смыслѣ политической характеристики партій — дебаты, такъ какъ оно выдвинуло на сцену политической дѣятельности первой Думы новый моментъ, игравшій такую видную роль въ жизни Думы—моментъ „конфликта". Съ одной стороны—заманчивость „единодушія", съ другой стороны—опасность „конфликта"— вотъ тѣ двѣ основныя струнки, на которыхъ разыгрывалась чуть не на протяженіи всей

Думы компромиссная тактика господствовавшаго въ Думѣ большинства.

Первыми начали игру на этихъ стрункахъ представители конституціонно-демократической партіи. Проф. Шершеневичъ нашелъ „въ высшей степени рискованнымъ“ выдѣлять амнистію въ особое предложеніе. Не сомнѣваясь въ томъ, что „всѣ здѣсь присутствующіе охвачены однимъ желаніемъ, чтобы были освобождены тѣ, которые понапрасну (!) томятся въ тюрьмахъ“, Шершеневичъ продолжаетъ: „Но если мы выдѣлимъ этотъ вопросъ особо, то мы идемъ на конфликтъ. Конфликта бояться намъ нечего, но вопросъ въ томъ, какой конфликтъ и на какой почвѣ его устраивать“. Депутатъ не сомнѣвается, что „всѣ, имѣющіе уши“, слышали выраженное Думой „народное желаніе, и не на Думѣ будетъ лежать уже отвѣтственность за то, что не исполнено это народное желаніе“. А между тѣмъ, если Дума пошлетъ особую депутацію по вопросу объ амнистіи, конфликтъ „неизбѣженъ“: „мы, уважая себя, уважая свои *права* (!), должны будемъ пойти на конфликтъ“,—а это нежелательно, по меньшей мѣрѣ, до предъявленія „требованія о землѣ и волѣ“. При этомъ Шершеневичъ проводитъ вполнѣ реальный политическій взглядъ: „Не надо же обманывать себя, что въ настоящую минуту мы и правительство составляемъ двѣ, скажемъ прямо, *враждующихъ* стороны. Понятно, что *каждая* сторона выбираетъ моментъ, наиболѣе выгодный для сра-

женія". И Шершеневичъ открыто заявилъ отъ имени партіи народной свободы, что она не будетъ избѣгать конфликта, но „пусть этотъ конфликтъ произойдетъ тогда, когда мы *съ увѣренностью* можемъ сказать, что съ нами *безусловно* (!) *весь* (!) народъ"—при чемъ, уже далеко не съ такимъ политическимъ реализмомъ, Шершеневичъ опредѣлилъ и требуемый моментъ: „вотъ когда мы *поставимъ* (!) аграрный вопросъ, вопросъ о свободахъ, тогда мы можемъ быть увѣрены (!), что съ нами народъ, тогда *и только тогда* мы можемъ *требовать*, сейчасъ же мы еще не увѣрены въ томъ, чтобы наши заявленія могли бы быть признаны требованіями". „Когда правительство дастъ *случай* для конфликта", тогда мы должны будемъ „этотъ конфликтъ поставить окончательно и твердо",—а пока — „подождемъ, когда представится болѣе благопріятная почва для того, чтобы въ конфликтѣ народъ стоялъ за нами".

Карты раскрыты совершенно. „Конфликтъ" можетъ играть двоякую „тактическую" роль: съ одной стороны, авось правительство будетъ побаиваться его, съ другой стороны— когда мы сами будемъ бояться конфликта, мы будемъ говорить, что „мы еще не увѣрены, что весь народъ за нами"; вѣдь эта „увѣренность", при отсутствіи прямой, организаціонной связи съ „народомъ", всегда будетъ оставаться факторомъ субъективнымъ, и упрекнуть насъ въ непослѣдовательности будетъ трудно.

Страшное „слово“ брошено въ оборотъ политической мысли Думы и сыграло свою роль въ ея политическомъ настроеніи. Ка-деты усиленно культивировали это „слово“ съ точки зрѣнія своей двухсторонней „тактики“. Умѣренные и правые ухватились за него, какъ за удобный предлогъ осторожно тормозить вопросъ объ амнистіи и прикрывать этимъ свое если не отрицательное, то во всякомъ случаѣ равнодушное отношеніе къ политической амнистіи. Трудовая группа оказалась сбитой съ своихъ болѣе опредѣленныхъ политическихъ позицій, подчинившись гипнозу страшнаго „слова“ и вообще всей „тактики“ кадетовъ. И только М. М. Ковалевскій не убоялся конфликта и поддержалъ предложеніе Корнильева, конечно, не воспользовавшись его формулировкой, говорившей о „непреклонной волѣ Думы, или—что то же—всего народа“. Ковалевскій предложилъ „Думѣ черезъ своего предсѣдателя *довести до свѣдѣнія* Государя Императора о единогласномъ *желаніи* Думы чтобы Государь *воспользовался* (!) своимъ верховнымъ правомъ помилованія и освободилъ политическихъ заключенныхъ“.

Ковалевскій хотѣлъ „примирить то, что кажется непримиримымъ“, изложивъ при этомъ свой взглядъ на роль Думы въ такихъ словахъ: „мы здѣсь для того, чтобы быть *посредниками* между народомъ и Царемъ, для того, чтобы доводить до *свѣдѣнія* Царя наши просьбы и ходатайства тѣхъ, кто уполномочилъ насъ явиться сюда“.

Недопустимость такого „примиренія“ уже съ точки зрѣнія политической программы рѣзко подчеркнулъ лидеръ ка-детовъ И. И. Петрункевичъ, заявивъ: „Мы не желаемъ быть ходатаями, мы *хотимъ* быть законодателями“. Другой ораторъ к.-д., проф. Щепкинъ, представитель лѣваго крыла конституціонно-демократической партіи, воспользовался вызовомъ, брошеннымъ со стороны представителя „умѣренной“ партіи демократическихъ реформъ, чтобы и подчеркнуть политическій характеръ вопроса объ амнистіи, и развить взгляды на основные вопросы переживаемаго политическаго момента.

„Мы *просимъ* амнистіи *принципіально*; мы просимъ амнистіи прежде всего потому, что мы не считаемъ больше такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ—преступниками. Ихъ обвиняли въ томъ, что они стремились къ ниспроверженію существовавшаго строя... Но, господа, *этого строя больше не существуетъ*“!..

Эта весьма характерная для к.-д. фраза была покрыта апплодисментами.

„Мы не можемъ также не просить амнистіи принципіально, потому что мы *нравственно* раздѣляемъ *извѣстную* долю отвѣтственности этихъ людей, заключенныхъ и сосланныхъ“... Послѣ такого благороднаго заявленія о „нравственномъ“ раздѣленіи „извѣстной“ доли отвѣтственности, ка-детскій ораторъ, конечно, добавляетъ: „Правда, мы *рѣзко* отдѣляемся отъ такъ называемыхъ революціонныхъ пар-

тій. Мы идемъ *своимъ* особеннымъ, *самобытнымъ* путемъ постепеннаго развитія, путемъ эволюціоннымъ", но и съ революціонными партіями „мы нравственной солидарностью связаны... какъ охотники въ горахъ связываютъ себя канатами".....

Установивъ „нравственную" связь конституціонно-демократической партіи съ болѣе лѣвыми, Щепкинъ протестуетъ противъ предложенія Ковалевскаго, какъ затемняющаго „принципіальный смыслъ амнистіи". Но главнымъ аргументомъ Щепкина, какъ ка-дета, является то, что предложеніе Ковалевскаго „прежде всего сходитъ съ почвы *чисто конституціонной* точки зрѣнія. Съ точки зрѣнія конституціонной для насъ личность Монарха является безотвѣтственной"... Считая, очевидно, что „чисто конституціонный" строй въ Россіи *уже* существуетъ и что именно поэтому личность Монарха *уже* безъотвѣтственна, т.-е. что отвѣтственность *уже* не только можетъ, но и должна быть перенесена на министерство, ораторъ довольно искусственно связываетъ вопросъ объ амнистіи съ вопросомъ о программѣ дѣятельности Думы, а потому находитъ, что „*прошеніе* объ амнистіи безъ присоединенія нашей программы будущей дѣятельности утрачиваетъ, конечно, свой принципіальный характеръ". Если же къ „прошенію" будетъ приложена и программа,— „тогда будетъ совершенно ясно для той Верховной Власти, передъ которой мы должны быть совершенно *откровенны,* что по нашимъ

политическимъ воззрѣніямъ, по тѣмъ задачамъ, которыя поставлены по отношенію къ земельному вопросу, мы теоретически (?) стоимъ гораздо ближе къ тѣмъ, которыхъ карали, нежели къ ихъ тюремщикамъ". Наконецъ,—„если бы задача политическаго обновленія Россіи, которую взяли на себя мы... не осуществилась, то зачѣмъ было бы освобождать заключенныхъ? Вѣдь не для того, чтобы готовить эти мѣста для новыхъ, можетъ быть, для насъ самихъ"?...

Въ заключеніе Щепкинъ основательно призывалъ Думу „не обманывать себя *иллюзіями*, мечтою, что мы однимъ словомъ, одною просьбою можемъ достичь того правового переворота, который мы призваны совершить"... Но на этомъ глубоко вѣрномъ соображеніи политическая мысль к.-д. оратора оборвалась, и онъ такъ и не выяснилъ, чѣмъ же „мы можемъ достичь правового переворота"...

На этотъ вопросъ далъ—до нѣкоторой степени—отвѣтъ другой к.-д. ораторъ, Гредескулъ. Подъ впечатлѣніемъ нетерпѣливаго предложенія Корнильева и нервныхъ предсказаній рабочаго депутата Савельева, утверждавшаго (30 апрѣля), что „завтра будетъ большое и сильное кровопролитіе" на улицахъ Петербурга и Москвы, такъ какъ кличемъ рабочихъ манифестацій будетъ „Амнистія",—Гредескулъ сначала сдѣлалъ совершенно вѣрное признаніе: „*если бы въ нашихъ рукахъ находились средства* къ тому, чтобы немедленно выпустить заключенныхъ... я ни на минуту

не возражалъ бы противъ этихъ средствъ, *каковы бы они ни были*"... Но „заявленіе", хотя бы и „исходящее отъ чрезвычайно авторитетной части палаты—отъ крестьянъ и рабочихъ", не представляетъ еще такого „средства"... Вѣдь еще раньше вся „палата" въ цѣломъ единогласно поддержала „великій крикъ души объ этой самой амнистіи". Значитъ – „наше требованіе ясно и понятно... для тѣхъ... на комъ лежитъ отвѣтственность". Какой же смыслъ ставить „ультиматумъ"? Ораторъ не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ, которые считаютъ, что „стоитъ только его поставить, и все будетъ достигнуто". Но въ то же время ораторъ согласенъ съ Шершеневичемъ, что „конфликтъ неизбѣженъ, если амнистія не будетъ дана". Основной вопросъ о средствахъ, которыми располагаетъ Дума для „санкціи своихъ требованій", Гредескулъ рѣшаетъ такимъ образомъ: „У насъ нѣтъ *готовой арміи*, организованныхъ физическихъ силъ, которыя мы могли бы двинуть въ случаѣ отказа. *Но за насъ стоитъ народъ, весь народъ. Это ясно и понятно*"... Гредескулъ не говорилъ, какъ Шершеневичъ, что „сейчасъ мы еще не можемъ быть увѣрены, что съ нами безусловно весь народъ"; но онъ, вѣроятно, правильно дополнилъ мысль своего товарища по партіи, сказавши, что—въ случаѣ народу придется самому добиваться своихъ требованій — „будетъ двинутъ въ ходъ *ужасный механизмъ, котораго мы всѣ боимся*, и желаемъ, чтобы дѣло обошлось безъ него,

такъ какъ *мобилизовать его еще рано* (!).. Сейчасъ не слѣдовало бы дѣлать кровавой манифестаціи, т.-е. начинать мобилизовать этотъ механизмъ"...

Итакъ, средства указаны; это—во-первыхъ, „весь народъ", который „за насъ стоитъ", во-вторыхъ—„ужасный механизмъ, котораго мы всѣ боимся"...., т.-е., повидимому, средства чисто революціонныя, чего ка-деты однако не договариваютъ, такъ какъ они „рѣзко отдѣляются отъ такъ называемыхъ революціонныхъ партій". Въ результатѣ, если на дѣло посмотрѣть совершенно спокойно и объективно, „средствъ" у ка-детовъ нѣтъ, такъ какъ одного—они боятся, въ другомъ „еще не увѣрены". Вполнѣ правильно поэтому заключеніе Гредескула: „мы должны сознавать, что немедленнаго результата отъ предъявленія требованій мы неполучимъ". Правильно заключеніе и объ ультиматумѣ: „Тому, отъ кого это зависитъ, мы не будемъ ставить ультиматума, который *самъ по себѣ невольно отталкиваетъ (!)* Мы представимъ лишь *указанія* на то, что амнистія должна быть дана немедленно, *подъ угрозою*, что этотъ народный процессъ начнется, можетъ быть, завтра (!). Такимъ образомъ мы *не затруднимъ* благопріятнаго исхода нашихъ *пожеланій*" (!!).

Выразивши такую пріятную надежду, ораторъ дополнилъ ее почти „конфиденціальнымъ сообщеніемъ": „очевидно, что вопросъ долженъ быть рѣшенъ немедленно, и это не только наше заявленіе: *объ этомъ уже размы-*

шляютъ, гдѣ слѣдуетъ".... И въ увѣренности „благопріятнаго исхода нашихъ пожеланій", к.-д. ораторъ проявляетъ даже нѣкоторое великодушіе къ „враждующей сторонѣ": „Предоставимъ же эту *льготу* (!), пусть подумаютъ нѣсколько дней, пусть подумаютъ о всѣхъ грозныхъ призракахъ переживаемаго нами времени.... Мнѣ кажется, что ультиматумъ намъ ставить совершенно не слѣдуетъ *еще въ теченіе нѣсколькихъ дней*".

Послѣднія слова являются документомъ, подтверждающимъ, что и въ конституціонно-демократической партіи жива была мысль о томъ, что ультиматумъ по такому основному и острому политическому вопросу, какъ вопросъ объ амнистіи, былъ необходимъ, являлся требованіемъ политической совѣсти.

Другой, не менѣе интересный документъ, проскользнулъ въ рѣчи Кокошкина, который находилъ возможнымъ, хотя и не желательнымъ, дать „иной ходъ" вопросу объ амнистіи—„*составить соотвѣтствующій законопроэктъ*", что, конечно, замедлило бы ходъ дѣла. Впослѣдствіи конституціонно-демократическая партія въ Думѣ отрицала возможность такого направленія вопроса объ амнистіи. Характерно и еще одно мѣсто въ рѣчи Кокошкина по поводу предложенія Корнильева. Кокошкинъ боялся, что „если это заявленіе встрѣтитъ самый благопріятный пріемъ, то получится нежелательное для насъ и всей страны впечатлѣніе, что между правительствомъ и Государственной Думой состоялось

полное единеніе, полное примиреніе, все только на почвѣ одной амнистіи, всѣ же остальные вопросы отодвигаются на задній планъ (?!).—Конечно, это удивительное соображеніе являлось только „политическимъ“ пріемомъ въ чисто словесномъ спорѣ, все изъ желанія доставить побѣду тому мнѣнію, которое выдвинуто к.-д. партіей.

Депутатъ Имшенецкій, поддерживая точку зрѣнія своей партіи, сказалъ: „Мы начали здѣсь свои *разговоры* словомъ „амнистія“... Принятіе предложенія (Корнильева) не прибавитъ ничего къ уже сдѣланному... Не использовавъ тѣхъ *средствъ, которыя у насъ есть*, мы не имѣемъ нравственнаго права вступать на этотъ путь (конфликта)“.

Какія „средства“ видѣлъ депутатъ Имшенецкій въ рукахъ Думы, остается неяснымъ; вѣроятно, подъ *средствами* онъ разумѣлъ *законопроэкты*, въ судьбѣ которыхъ онъ однако долженъ бы былъ такъ же мало сомнѣваться, какъ и въ судьбѣ „ультиматума“.

Хотя рѣчи Гредескула и Щепкина до извѣстной степени восполняли тотъ пробѣлъ, какой явно обнаруживала конституціонно-демократическая партія въ своемъ отношеніи къ вопросу объ амнистіи, именно—придавали этому вопросу и опредѣленную политическую окраску, но эти рѣчи совершенно потонули на общемъ фонѣ другихъ ка-детскихъ рѣчей, сводившихъ амнистію къ милосердію. Кромѣ того и рѣчи Гредескула и Щепкина въ концѣ концовъ мирились съ компромис-

ской формой „просьбы“, а политическая ихъ часть была полна политическаго „идеализма“, полу-искренняго, полу-тактическаго конституціоннаго монархизма, уклончивости и непослѣдовательности.

Трудовая группа, загипнотизированная страшнымъ „словомъ“, даже не поддержала предложенія своего члена Корнильева,—подчинилась „тактикѣ“ кадетовъ. Жилкинъ выступилъ съ проэктомъ „примиренія“ и нашелъ его въ томъ, что „намъ нужно умолять комиссію, чтобы она приступила къ работѣ немедленно... Пусть работаетъ непрерывно, пусть работаетъ день и ночь“.... Правые и умѣренные скромно молчали. Только графъ Гейденъ прочелъ нотацію: „Уважать свои права мы обязаны. Но также и *прежде всего* мы должны уважать чужія права... Вездѣ и всюду дарованіе амнистіи есть прерогатива Верховной Власти. Требовать амнистіи отъ Верховной Власти мы не имѣемъ никакого права“. Графъ Гейденъ, конечно, былъ противъ торопливости и нервности въ вопросѣ объ амнистіи. А эта нервность все возрастала, по мѣрѣ того, какъ каждый новый день приносилъ все новыя разочарованія въ надеждѣ, что „тамъ уже серьезно думаютъ, что тамъ поймутъ“ и т. п.

Депутаты начинаютъ уже выражать совсѣмъ наивныя опасенія—*какъ бы не опоздать* съ заявленіемъ объ амнистіи. Когда въ засѣданіи 2 мая „правые“ и „умѣренные“, слѣдуя своей обычной „тактикѣ“ затягиванія,

предлагали поступить точно такъ же и съ проэктомъ адреса, въ которомъ однимъ изъ основныхъ пунктовъ была амнистія, Родичевъ „второй разъ обратилъ вниманіе (Думы) на то, что въ настоящее время на насъ обращены глаза не только всей страны, но всего міра, и это не шутка — упреки, обращенные къ намъ, что мы затягиваемъ пренія...“ Графъ Гейденъ не безъ язвительности использовалъ „нетерпѣніе всего міра“, а М. Ковалевскій напомнилъ, что „не цѣлый міръ ждетъ нашего отвѣта, а тѣ 75 тысячъ человѣкъ, которые въ настоящее время находятся еще въ темницахъ и которые ждутъ отъ насъ слова защиты...“ Депутатъ Назаренко въ засѣданіи 2 мая предупреждалъ Думу: „Если мы будемъ только тратить время на разсужденія, тогда получится то, что Государственный Совѣтъ составитъ свой адресъ и попроситъ Государя Императора о томъ, чтобы онъ простилъ преступниковъ, и мы не сегодня-завтра получимъ Высочайшій манифестъ, въ которомъ будетъ сказано: „снисходя къ просьбѣ Государственнаго Совѣта, Мы сдѣлали то-то и то-то“, и тогда Дума пусть подумаетъ о томъ, что скажутъ, кто далъ свободу тѣмъ преступникамъ, о которыхъ мы цѣлый день въ ладоши хлопаемъ и больше ничего не дѣлаемъ!..“

Родичевъ даже въ засѣданіи 4 мая указывалъ на „необходимость поторопиться съ окончаніемъ адреса“. Родичевъ взывалъ: „Господа, мы *накануне опозданія* съ нашимъ адресомъ. Если мы не окончимъ его скоро, мы

можемъ оказаться въ томъ положеніи, при которомъ подача адреса съ амнистіей явится *запоздалою...*" Родичевъ намекалъ при этомъ на то же, о чемъ говорилъ Назаренко, только не въ такой наивной формѣ. Самарскій депутатъ, Племянниковъ, съ горячимъ чувствомъ просилъ: „Христа ради — не затягивайте преній! Не забудьте, что въ нашемъ отвѣтѣ есть просьба о томъ, чтобы остановить смертныя казни. Сегодня (4 мая) мы не подали отвѣта на тронную рѣчь, а быть можетъ сегодня кого-нибудь казнили..."

Всѣ эти рѣчи, ярко отражавшія всю глубину политическаго оптимизма и политической наивности Думы, сопровождались бурными апплодисментами. Но амнистіи — не было!..

Наконецъ, въ памятную для первой Думы ночь на 5 мая принятъ былъ отвѣтный адресъ на тронную рѣчь, заключительныя строки котораго говорили объ амнистіи:

„Ваше Императорское Величество! Въ преддверіи всякой нашей работы стоитъ одинъ вопросъ, волнующій душу всего народа, волнующій насъ, избранниковъ народа, лишающій насъ возможности спокойно приступить къ первымъ шагамъ нашей законодательной дѣятельности. Первое слово, прозвучавшее въ стѣнахъ Государственной Думы, встрѣченное кликами сочувствія всей Думы, было слово — амнистія. Страна жаждетъ амнистіи, распространенной на всѣ предусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ дѣянія, вытекавшія изъ

побужденій религіозныхъ или политическихъ, а также на всѣ аграрныя правонарушенія. Есть требованія народной совѣсти, въ которыхъ нельзя отказывать, съ исполненіемъ которыхъ нельзя медлить. Государь, Дума ждетъ отъ Васъ полной политической амнистіи, какъ перваго залога взаимнаго пониманія и взаимнаго согласія между Царемъ и народомъ".

Въ этомъ „обращеніи къ Монарху" есть указанія на „волненія души" и на „жажду" страны, но нѣтъ указаній на политическіе мотивы и политическій характеръ амнистіи, если не считать послѣднихъ словъ о „*первомъ* залогѣ взаимнаго пониманія и взаимнаго согласія между Царемъ и народомъ", т.-е. и объ *отсутствіи* до даннаго момента такого взаимнаго пониманія и согласія. „Обращеніе" пыталось дѣйствовать не только на чувства, но и на убѣжденія—хотя бы въ косвенной и туманной формѣ. Больше Дума ничего не сказала... Амнистіи не послѣдовало...

Большинство первой Думы, такъ горячо подписавшее это свое „обращеніе", только съ покаянной грустью можетъ смотрѣть теперь на эти строки, отразившія „волненіе души" его и его политическую наивность!..

Глава II.

ОТВѢТНЫЙ АДРЕСЪ.

Вопросу объ амнистіи Дума не придала политическаго характера, свела этотъ вопросъ къ акту простой милости, которой можно было только просить, и политическую роль народнаго представительства ограничила только правомъ или даже и обязанностью— указать Верховной Власти на необходимость этой милости для блага страны и... для блага самой же Верховной Власти.

При такой постановкѣ вопроса политическія особенности и различія партій и группъ, представленныхъ въ Думѣ, могли не играть въ сущности никакой роли, могли даже совершенно не обнаруживаться. Къ милости могли оказаться склонными какъ крайніе революціонеры, такъ и крайніе реакціонеры. И если политическій характеръ и политическіе мотивы этой милости тщательно устранялись, замалчивались или замаскировывались, то для партійной группировки въ данномъ вопросѣ не было мѣста. Такова и была

въ началѣ „тактика“ лидера конституціонно-демократической партіи въ Думѣ, Родичева. Конечно, тактика эта даже для к.-д. партіи, какъ цѣлаго, оказалась неосуществимой или даже—для болѣе лѣвыхъ элементовъ партіи—непріемлемой. Тѣмъ болѣе не пріемлема она была для болѣе радикальныхъ элементовъ Думы—для трудовой группы. Отсюда тѣ далеко не малочисленные „разговоры“ по такому, казалось бы, для всѣхъ ясному и простому вопросу, на которыхъ мы останавливались въ предыдущей главѣ. Въ силу характера самой постановки вопроса и рѣчи объ амнистіи носили отмѣченный нами нѣсколько туманный, неопредѣленный въ политическомъ отношеніи характеръ.

Истинный политическій обликъ партій и группъ Думы начинаетъ обнаруживаться только при обсужденіи отвѣтнаго адреса Думы на тронную рѣчь Государя. Здѣсь, въ этомъ адресѣ должна была уже вылиться—хотя и въ особенныхъ, высоко торжественныхъ, а потому, можетъ быть, и недостаточно опредѣленныхъ формахъ—основная политическая программа Думы, какъ цѣлаго, или программа господствующаго большинства ея. Здѣсь долженъ былъ сказаться взглядъ Думы на сущность переживаемаго Россіей политическаго момента; на отношенія нарождающагося новаго строя къ умирающему старому; на отношеніе къ Верховной Власти, положеніе которой такъ тѣсно связано и съ старымъ, и съ новымъ строемъ; на отношеніе

къ правительственному механизму, судьба котораго такъ тѣсно связана съ судьбой стараго строя; на основныя положенія, по которымъ будетъ воздвигаться зданіе новаго строя, во всѣхъ его наиболѣе важныхъ частяхъ; на направленіе существеннѣйшихъ соціально-экономическихъ реформъ, которыми неизбѣжно должно сопровождаться созиданіе новаго политическаго строя; наконецъ—и на тѣ реальныя средства и пути, по которымъ и при помощи которыхъ Дума предполагала приступить къ обновленію Россіи.

И мы видѣли уже, что развитіе, раскрытіе своей политической программы Дума начала съ явной иллюзіи—съ настойчиваго подчеркиванія *конституціонности* государственнаго строя Россіи, *конституціонныхъ* правъ Думы и *парламентскаго* характера ея работы.

Первая рѣчь предсѣдателя Думы, Муромцева, санкціонировала эту иллюзію: какъ только Муромцевъ упомянулъ въ своей рѣчи о прерогативахъ „конституціоннаго“ Монарха, — раздался дружный гулъ апплодисментовъ. Народные представители, далеко еще не чувствовавшіе на себѣ, а тѣмъ болѣе—на странѣ, дыханія дѣйствительной конституціи, поддались искусительному соблазну замѣнить реальность—словомъ, дѣйствительность—иллюзіей, трезвое и мужественное отношеніе къ предстоящей *борьбѣ* за конституцію—убаюкивающимъ дѣйствіемъ самообмана... Политическое слабосиліе Думы сказалось уже въ этомъ первомъ ея шагѣ, въ этомъ первомъ проявленіи ея политической психологіи...

Начало иллюзіи было сдѣлано. Уроки политической дѣйствительности, больно уколовшіе Думу въ первые же дни ея существованія,— въ вопросѣ объ амнистіи,—нисколько не подѣйствовали на Думу: когда Набоковъ, въ засѣданіи 2 мая, приступая къ чтенію проекта отвѣтнаго адреса, сказалъ: „въ первый разъ отъ имени всей страны народные представители говорятъ передъ конституціоннымъ Монархомъ",—слова Набокова, какъ и слова Муромцева въ засѣданіи 27 апрѣля, были покрыты дружными апплодисментами.

Казалось, здѣсь происходилъ такой психологическій процессъ: „у насъ нѣтъ, конечно, конституціи—долженъ былъ думать каждый сколько-нибудь сознательный членъ Думы,— но если мы будемъ постоянно твердить, что она уже есть,—она будетъ! Всѣ привыкнутъ къ тому, что мы нашу не-конституцію называемъ конституціей, и примирятся, наконецъ, съ неизбѣжностью дѣйствительной конституціи"!..

И эта дорогая слабому сердцу иллюзія подкупила и охватила сразу не только конституціонно-демократическую партію, но и болѣе радикальную трудовую группу. Уже въ засѣданіи 29 апрѣля одинъ изъ представителей трудовой группы, Бондаревъ, не запинаясь говоритъ: „если бы *русскій парламентъ* представлялъ собою продолженіе свободъ предыдущаго русскаго парламента"... — тогда бы можно было тратить время на формальности, съ которыхъ—считая себя парламентомъ—

начала Дума: Кокошкинъ, внося 29 апрѣля предложеніе о „наказѣ“, говорилъ: „Само собою разумѣется (!), *одной изъ первыхъ* задачъ Думы должна быть выработка наказа. *Во всей Западной Европѣ* порядокъ дѣятельности предварительныхъ выборовъ и обязанности и должности опредѣляются наказомъ или регламентами, которые вырабатываются самимъ *парламентомъ*. То же самое *и у насъ* практикуется“...

Сила иллюзіи — особенно на первыхъ порахъ—была такъ велика, что она повела даже къ знаменитому комическому инциденту съ „упрекомъ“ въ засѣданіи 29 апрѣля: когда депутатъ Сѣдельниковъ, возмущаясь затягивавшимися преніями о формальностяхъ, когда на очереди стояли такіе вопросы, какъ вопросъ объ амнистіи, сказалъ: „Въ печати я прочелъ упреки по отношенію къ Государственной Думѣ въ томъ, что за вчерашній день“...—предсѣдатель не далъ Сѣдельникову кончить даже фразы и наставительно—подъ аплодисменты Думы—произнесъ: „Никто не можетъ дѣлать упрековъ съ этой кафедры Государственной Думѣ по поводу сдѣланныхъ ею постановленій. Ея авторитетъ выше нашего личнаго авторитета.

Сѣдельниковъ. Этотъ упрекъ не съ моей стороны. *Предсѣдатель.* Я прошу слова „упрекъ“ не повторять по отношенію къ Государственной Думѣ.

Конституціонную иллюзію различныя партіи и группы Думы поддерживали нѣсколько

на различный ладъ. Конституціоналисты-демократы, наиболѣе отвѣтственные творцы этой иллюзіи, начали проводить и поддерживали ее съ завидной самоувѣренностью, спокойствіемъ, почти съ апломбомъ, рѣзко подчеркивая и отчеканивая любимое слово. М. Ковалевскій, съ спокойствіемъ ученаго конституціоналиста, говорилъ въ засѣданіи 4 мая: „У насъ нѣтъ никакого основанія, въ виду несовершенства нашего представительнаго устройства, не настаивать на томъ, чтобы *въ нашей конституціи*, какъ и въ конституціи всѣхъ европейскихъ народовъ, рядомъ съ неприкосновенностью личности, со свободой слова, мысли и т. д., свободой собраній, было указано и на *свободу петицій*, т.-е. письменныхъ обращеній къ намъ, членамъ Государственной Думы, представителямъ русскаго народа".

Представитель еще болѣе умѣреннаго теченія, нижегородскій депутатъ, Остафьевъ, говоря о томъ, что „мы долго ждали... Думу... и дождались тогда, когда Россія явилась предъ нами совершенно расшатанной, обѣднѣвшей, разоренной, и когда законъ и порядокъ въ Россіи вполнѣ отсутствуютъ",—продолжаетъ: „поэтому, *получивъ* (!) *конституціонныя права*, которыхъ мы такъ долго ждали, мы должны *осторожно, разумно* использовать ихъ"... Но „получивъ конституціонныя права", мы тѣмъ не менѣе „должны въ отвѣтъ на тронную рѣчь рельефнѣе высказать то, что мы признаемъ въ настоящее время: что въ

Россіи въ настоящее время уже *долженъ бы быть* конституціонный образъ правленія безъ всякихъ уступокъ и оговорокъ съ конституціоннымъ Монархомъ во главѣ". Въ заключеніе своей рѣчи Остафьевъ снова смѣшиваетъ то, что „должно бы быть" съ тѣмъ, что дѣйствительно есть: „Я считаю нужнымъ, чтобы Государь Императоръ зналъ ясно, чего желаетъ Государственная Дума, и совершенно прямо, искренно заявить, что возврата назадъ нѣтъ, а въ настоящее время есть только конституціонная монархія, съ конституціоннымъ Монархомъ во главѣ".

Еще болѣе умѣренный депутатъ, представитель польской (землевладѣльческой) группы, виленскій епископъ, баронъ Роопъ, тоже играетъ „конституціей" на совершенно своеобразный ладъ, соотвѣтственный развѣ профессіи депутата: Государь „соединилъ свою тронную рѣчь съ тѣмъ Государемъ, который стоитъ выше всѣхъ насъ, выше его и передъ которымъ мы всѣ будетъ судимы.., Богъ съ самаго начала при сотвореніи міра далъ міру *конституцію* (!)"... Правда, —„конституція, данная Богомъ, состоитъ изъ 10 заповѣдей"... „Въ этомъ освѣщеніи (т.-е. съ точки зрѣнія „взаимной любви") слѣдуетъ смотрѣть на отвѣтъ на тронную рѣчь Государя Императора"... Но суть рѣчи барона Роопа сводилась все-таки къ аграрному вопросу, на который депутатъ рекомендовалъ „смотрѣть не только съ точки зрѣнія крестьянъ, но также должно желать, чтобы одни не обижали дру-

гихъ... Мы не желаемъ насилія, не желаемъ борьбы внутренней... Мы желаемъ пріобрѣсти земли больше, чѣмъ сегодня имѣемъ, но все-таки не нарушая правъ чужихъ"...

Божья „конституція" прекрасно уживается съ защитой крупнаго землевладѣнія въ устахъ епископа, польскаго консервативнаго депутата.

Наконецъ, даже представитель „настоящихъ правыхъ", Способный, прославившій себя рѣчью противъ отмѣны смертной казни, упоминаетъ—можетъ быть, впрочемъ, только въ ироническомъ смыслѣ—о томъ, что „мы—первый русскій парламентъ". Правда, отрицательное отношеніе вообще къ политическимъ реформамъ, въ рѣчи Способнаго (2 мая) совершенно очевидно: „я нахожу, что пока классовая борьба не войдетъ въ должныя границы, а классовые интересы не получатъ должнаго удовлетворенія, *политическія реформы ни къ чему хорошему не приведутъ*". Способный даже не отрицаетъ, что „сами политическія реформы въ рукахъ рабочаго класса и крестьянскаго сословія являются не цѣлью, а средствомъ достигнуть осуществленія въ государственной жизни своихъ *законныхъ* интересовъ",—и тѣмъ не менѣе стоитъ противъ политическихъ реформъ. Утвержденіе „законности" интересовъ трудящихся классовъ съ отрицаніемъ „средства" къ удовлетворенію этихъ интересовъ—политическихъ реформъ,—спокойно уживается въ головѣ оригинальнаго „марксиста", убѣжденно возставшаго

противъ господствовавшаго въ Думѣ „идеалистическаго" пониманія исторіи совершающагося въ Россіи момента. Обращая вниманіе на причины нынѣшняго плачевнаго состоянія государства", Способный отмѣчаетъ: „здѣсь прежде всего говорится о нашемъ стремленіи обновить Россію, создать въ ней государственный порядокъ, основанный на законѣ. Дальше говорится, что страна сознала, что главной язвой является самовластіе чиновниковъ. Мнѣ кажется, что такое пониманіе движенія послѣдняго времени невѣрно. *Я вижу причину современнаго движенія въ неравновѣсіи классовыхъ интересовъ. Классовая борьба* создала то положеніе, въ которомъ мы нынѣ находимся".

Казалось бы, что исходя изъ такой точки зрѣнія, при признаніи „законности" классовыхъ интересовъ рабочихъ и крестьянства, депутатъ долженъ бы былъ встать на самую рѣшительную защиту тѣхъ „политическихъ реформъ", которыя, если не являются *цѣлью* классовой борьбы, то служатъ *средствомъ* для достиженія преслѣдуемыхъ этой борьбой интересовъ. Но, совершенно непостижимо — съ точки зрѣнія прямой и честной логики— „правые" оказываются въ рядахъ самой темной реакціи, попирающей самые „законные" интересы трудовыхъ классовъ.

Въ первой Думѣ только что цитированная рѣчь депутата Способнаго была единственной сколько-нибудь программной рѣчью со стороны „правыхъ". Оцѣнивать и характери-

зовать группу „правыхъ“ въ первой Думѣ—въ программномъ отношеніи—мы только и можемъ на основаніи этой рѣчи. Путемъ совершенно непонятныхъ логическихъ скачковъ,—искреннихъ или завѣдомо фальшивыхъ, обманныхъ—не знаемъ,—представители „правыхъ“ даже изъ вѣрныхъ посылокъ приходятъ къ прямо противоположнымъ выводамъ, къ полному отрицанію политическихъ реформъ, къ упорному, но совершенно тупому, отстаиванію того, въ измѣненіи чего заинтересованы прежде всего тѣ народныя массы, защитой интересовъ которыхъ нерѣдко любятъ прикрываться эти не столько консервативныя, сколько реакціонныя теченія. Создается своеобразная атмосфера обмана и самообмана, опутывающая не только темныя массы, но и самихъ руководителей. Въ то же время отсутствіе логики и послѣдовательности въ самомъ ходѣ политическаго мышленія „правыхъ“ направленій лишаетъ ихъ даже самой элементарной почвы для довѣрія къ нимъ и для ихъ авторитетности. Сознательные вожди этихъ направленій, поскольку они существуютъ, преслѣдуя свои узко-классовые интересы, могутъ дѣйствовать на массу только обманомъ, пользуясь темнотой массы. Отсутствіе искренно убѣжденныхъ и въ то же время сознательныхъ вождей лишаетъ „правыя“ направленія, кричащія о себѣ въ настоящее время, всякаго сколько-нибудь серьезнаго политическаго значенія.

Въ первой Думѣ мы и видѣли блестящее подтвержденіе этого положенія: не только партіи, но даже группы „правыхъ" въ первой Думѣ не было, не могло образоваться. „Безпартійные" крестьяне представляли совершенно неоформленную въ политическомъ отношеніи массу, которая безсистемно и разрозненно шла за всѣми другими представленными въ Думѣ теченіями, кромѣ „настоящихъ правыхъ", изъ вождей которыхъ выступилъ чуть ли не единственный разъ Способный, бросившій неосмысленный вызовъ даже просто нравственному чувству Думы своей защитой смертной казни, и съ тѣхъ поръ надолго замолчавшій и стушевавшійся. Ерогинъ, именемъ котораго окрестили гипотетическихъ „настоящихъ правыхъ", такъ и остался сфинксомъ, не проронившимъ ни слова. Ярко реакціонныя мысли пытался бросать депутатъ, священникъ Концевичъ (Волынской губ.), твердо заявлявшій, что „отвѣтный адресъ въ томъ видѣ, какъ онъ есть, не вызоветъ симпатіи громадной массы русскаго народа, такъ какъ въ этомъ адресѣ есть *духъ космополитизма.* Я указываю, что въ этомъ адресѣ почетное мѣсто должно быть отдано *русскому языку и народу*, какъ тому народу, который имѣетъ на то право, какъ творецъ Россіи и какъ непосредственно вынесшій на своихъ плечахъ весь гнетъ и всю борьбу за свое существованіе и свободу". Въ засѣданіи же 4 мая Концевичъ дошелъ до того, что предложилъ свою нагло-

шутливую „поправку“ къ адресу: „Государственная Дума озаботится о широкомъ удовлетвореніи этихъ нуждъ, чтобы Россія, населенная многочисленными племенами и народностями, потеряла свое своеобразіе и даже самое свое имя“.

Духовный санъ не помѣшалъ этому представителю нашей неосмысленной и тупой реакціи выступить въ роли шута въ такой моментъ, какимъ былъ для первой Думы и для всей Россіи моментъ выработки и принятія отвѣтнаго адреса!

Такими силами, какъ Способный и Концевичъ, въ сущности только и могло гордиться рѣзко „правое“ теченіе въ первой Думѣ. Никакого политическаго ни образа, ни значенія оно не имѣло, и возвращаться къ нему въ настоящей главѣ мы совершенно не будемъ.

Итакъ, всѣ партіи и группы первой Думы— отъ наиболѣе радикальной трудовой группы, до безформенныхъ „правыхъ“—вступили въ Думу и начали въ ней свои первые шаги съ политической иллюзіей „конституціонныхъ правъ“ и „конституціоннаго строя“. Эта, основанная на софизмахъ, а еще болѣе на политической наивности и искусственно подогрѣваемомъ оптимизмѣ, иллюзія явилась между тѣмъ чрезвычайно важнымъ и характернымъ—для малосильной Думы—исходнымъ пунктомъ, наложившимъ свою печать рѣшительно на всѣ дальнѣйшіе шаги Думы.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ рѣшенія основного политическаго вопроса—„есть у насъ уже

конституція, или ее еще нужно завоевать"— зависѣли всѣ отношенія Думы и къ представителямъ стараго государственнаго строя, и къ самой себѣ, къ народному представительству. Если Дума призвана работать при существующемъ уже, хотя бы и „несовершенномъ", какъ говорилъ М. Ковалевскій, конституціонномъ строѣ,—то народному представительству не оставалось ничего другого, какъ такъ или иначе приспособиться къ „несовершенной конституціи", медленно и терпѣливо, шагъ за шагомъ, „разумно и осторожно", какъ говорилъ Остафьевъ, добиваться постепенныхъ усовершенствованій въ этой конституціи, не выходя, конечно, изъ предѣловъ „подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха" и въ то же время „на почвѣ совершеннаго осуществленія *правъ* Государственной Думы, истекающихъ *изъ самой природы* народнаго представительства", какъ сказалъ въ первой же своей рѣчи предсѣдатель Думы, Муромцевъ.

Конечно, это было бы возможно только при томъ условіи, если бы „права" Государственной Думы были такъ же гарантированы, какъ гарантированы были въ данный моментъ и „права" того стараго строя, на смѣну котораго выступало народное представительство.

Но, вѣдь съ первыхъ же шаговъ жизни Думы, членъ ея, лучшій знатокъ конституціоннаго права, М. М. Ковалевскій, въ засѣ-

даніи 3 мая говоритъ: „вы, на мой взглядъ, недостаточно обратили вниманіе на *необходимость требовать* и для себя, и для всего этого собранія *тѣхъ правъ*, которыхъ оно *не имѣетъ* и безъ которыхъ оно *не можетъ* осуществить возложенныхъ на него надеждъ всего населенія... пока у васъ не будетъ права почина законовъ... пока... всѣ законопроекты не будутъ поступать непосредственно въ народную палату, т.-е. въ Государственную Думу, такъ чтобы *никакая* верхняя палата не могла вносить измѣненій въ эти законопроекты, принятые палатой народныхъ представителей..., пока... палатѣ народныхъ представителей... не будетъ принадлежать... право утвержденія росписи или государственнаго бюджета" и т. д. Вѣдь тотъ же компетентный членъ Думы признаетъ, что „контроль за администраціей *немыслимъ* и *невозможенъ* до тѣхъ поръ, пока всѣ ваши права въ этомъ отношеніи будутъ сводиться къ обращенію къ министрамъ съ *просьбами* о сообщеніи *свѣдѣній* и разъясненій", а „въ той формѣ, въ которой право запроса признано въ законахъ 6 августа и 20 февраля, оно является не болѣе, какъ *насмѣшкой* надъ народными представителями". Если, такимъ образомъ и теоретическій анализъ тѣхъ основныхъ законовъ, которые санкціонированы Верховной Властью, къ прерогативамъ которой Дума рѣшила относиться съ подобающимъ уваженіемъ, а еще того болѣе—трезвый анализъ реальной политической дѣйствительности, реальныхъ условій

работы народнаго представительства, съ достаточной убѣдительностью говорить, что „Конституціонныя права“ Думы существуютъ больше въ пріятномъ воображеніи пылкихъ, но легковѣрныхъ ораторовъ, чѣмъ въ дѣйствительности, и „конституція“ — чистѣйшая и едва ли для кого бы то ни было и для чего бы то ни было полезная иллюзія; если, поэтому, конституцію нужно еще завоевывать, — то передъ Государственной Думой прежде всего долженъ былъ во всемъ своемъ грозномъ, но совершенно спокойномъ и ясномъ величіи встать вопросъ: на основаніи какихъ *правъ*, по *чьему полномочію*, при чьей реальной политической *поддержкѣ* Дума призвана завоевывать конституцію? Какимъ собраніемъ является Дума — совѣщательнымъ, законодательнымъ или же учредительнымъ? Какое изъ этихъ трехъ собраній *можетъ* осуществить предстоящую политическую задачу — завоеваніе конституціи?

Отношеніе Думы къ этому основному политическому вопросу при обсужденіи проекта отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь представляетъ основной пунктъ и основной интересъ этого „акта торжественнаго и отвѣтственнаго, акта всего русскаго народа“, какъ назвалъ адресъ депутатъ Котляревскій (Саратовской губ.), членъ конституціонно-демократической партіи. И, конечно, уже судя по тому энтузіазму, съ которымъ были приняты отчетливыя, увѣренныя заявленія Муромцева и Набокова о работѣ Думы въ со-

гласіи съ „конституціоннымъ" Монархомъ, мы уже не можемъ ожидать сколько-нибудь сильнаго теченія въ Думѣ—противъ конституціонныхъ иллюзій и въ пользу противоположной крайности—въ пользу учредительнаго собранія. Партіи, вполнѣ опредѣленно стоящія за учредительное собраніе,—соціалъ-демократическая и соціалъ-революціонная, въ Думѣ, особенно въ первый періодъ ея дѣятельности, не были представлены почти совершенно. Трудовая группа была еще загипнотизирована иллюзіей „перваго русскаго парламента"... Вотъ почему ярко выраженной мысли объ учредительномъ собраніи—при выработкѣ отвѣтнаго адреса—Дума не услышала. Первый ораторъ, выступившій только съ намекомъ на эту мысль, не рѣшился даже произнести: „учредительное собраніе". Въ засѣданіи 3 мая, рабочій депутатъ, Михайличенко, выступая, какъ „представитель отъ рабочихъ", говорилъ: „Мы идемъ искать справедливости; на нашемъ знамени написано *что-то* высокое, не то, что здѣсь говорится, что-то половинчатое, какія-то недоговорки, какая-то нерѣшительность... Мы еще дальше идемъ, не считаясь съ тѣмъ, что насъ здѣсь маленькая группа—12 или 14 человѣкъ. Нѣтъ, мы объ этомъ не безпокоимся, у насъ на улицѣ масса, которая поддержитъ насъ. У насъ больше, чѣмъ это народное собраніе, и на знамени нашемъ написано нѣчто большее. *Тѣ два слова* (!) почему-то не договариваются, а выбрасываются,

Я не буду ихъ здѣсь произносить, но вся Россія говоритъ объ этомъ, что *только такое учрежденіе* можетъ насъ удовлетворить... Нашу соціалъ-демократическую программу весь народъ, вся Россія знаетъ"...

Рѣзко, но безъ всякой мотивировки, выступилъ въ засѣданіи 4 мая другой рабочій депутатъ, Ильинъ (Псковской губ.), вся рѣчь котораго цѣликомъ состояла изъ слѣдующихъ словъ: „Господа народные представители! Ни для кого не тайна, что рабочіе добиваются учредительнаго собранія, созваннаго на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Поэтому я считаю своимъ долгомъ говорить отъ имени всего пролетаріата, что мы, рабочіе, протестуемъ не только противъ Государственнаго Совѣта, но и противъ всего этого адреса". Въ томъ же засѣданіи и Михайличенко заявилъ: „мы, какъ представители рабочихъ, должны подчеркнуть, что мы *требуемъ* учредительнаго собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ"...

Эти совершенно отрывочныя заявленія депутатовъ „отъ рабочихъ" не представляли собой, конечно, никакой политической программы; это былъ брошенный передъ Думой политическій лозунгъ, съ которымъ и сами говорившіе не знали, какъ поступить,—оставаясь въ положеніи членовъ Государственной Думы. Не удивительно, что Аладьинъ выступилъ „съ убѣжденіемъ" „товарищей рабочихъ". „Мнѣ кажется — говорилъ Аладь-

инъ—что есть вещи, которыхъ и не просятъ, и даже не требуютъ, которыя—устраиваютъ. Къ числу такихъ вещей принадлежитъ учредительное собраніе. Когда нація доведена до того момента, что революція становится неизбѣжной; когда побѣдоносный народъ взялъ въ свои руки все, тогда учредительное собраніе учреждается безъ просьбъ, само собой". Не находя, очевидно, всѣхъ этихъ условій въ тотъ данный моментъ, Аладьинъ подчиняется овладѣвшей Думой иллюзіи и считаетъ возможнымъ сдѣлать большое дѣло и при наличныхъ условіяхъ—при той Думѣ, какая есть: „мнѣ кажется, что у насъ есть теперь возможность *расковать*, попытаться, по крайней мѣрѣ, расковать рабочій классъ и крестьянство. Всѣ законы, которые мѣшаютъ рабочему классу организоваться, *должны быть отмѣнены* (!?). Рабочій классъ *немедленно долженъ* взять въ свои руки *все свое дѣло* и создать рядъ организацій, въ которыхъ онъ дѣйствительно нуждается... Наша же обязанность устроить лучшую Думу, такую Думу, въ которой онъ, т.-е. рабочій классъ, будетъ представленъ, какъ слѣдуетъ".

Для категорическаго „должно" у Аладьина, очевидно, не было никакой реальной силы, реальныхъ условій,—по крайней мѣрѣ, ни этой силы, ни этихъ условій онъ не указалъ,—и едва ли могъ указать. Точка зрѣнія Аладьина въ этомъ случаѣ по существу мало чѣмъ отличалась отъ точки зрѣнія к.-д., дышавшихъ иллюзіей.

Категорическія заявленія Аладьина о томъ, что „должно“ произойти, притомъ „немедленно“, можно въ сущности толковать, какъ замаскированный переходъ отъ „учредительнаго собранія“ къ „учредительнымъ функціямъ“, съ которыми вступала въ Думу конституціонно-демократическая партія, но о которыхъ она тоже старалась избѣгать говорить открыто. За нее сдѣлалъ это членъ трудовой группы, депутатъ Сѣдельниковъ, который въ засѣданіи 3 мая говорилъ: „Не нужно забывать, при какихъ условіяхъ мы начинаемъ нашу работу. Мы опутаны со всѣхъ сторонъ ограниченіями, которыя изданы бюрократіей послѣ 17 октября изъ *опасенія* (!), чтобы народные представители не слишкомъ ограничили господство этой бюрократіи. *Учредительныя функціи* намъ *категорически запрещены* постановленіемъ 23 апрѣля. Если бы мы могли хотя на минуту согласиться съ *неприкосновенностью* этихъ законовъ, то намъ нечего было бы здѣсь дѣлать. Но мы не можемъ согласиться, и это мы должны сказать въ адресѣ“. Однако, тутъ же, подчинившись охватившей тогда Думу иллюзіи о „законныхъ“ правахъ, о „строго конституціонномъ“ образѣ дѣйствій Думы и т. п., и Сѣдельниковъ отдаетъ дань этой иллюзіи, говоря: „Адресъ—это единственный путь, когда мы, оставаясь на легальной, законной (!) почвѣ, можемъ поставить на видъ необходимость коренныхъ реформъ государственнаго строя, какъ того хочетъ народъ“.

Конечно, говорить о *законности* (легальности) *заявленія* Думы путемъ адреса можно только въ томъ смыслѣ, что адресъ не является обычнымъ, обусловленнымъ закономъ актомъ Думы, а лишь простымъ „обращеніемъ", закономъ не предусмотрѣннымъ, а потому—какъ бы допускающимъ любое содержаніе: угодно будетъ Верховной Власти обратить вниманіе на такія заявленія—хорошо, неугодно—она въ правѣ игнорировать эти заявленія, не считая однако Думу нарушившей *законъ*. Съ этой точки зрѣнія Дума могла въ адресѣ „поставить на видъ" даже необходимость такой „коренной реформы государственнаго строя", какъ замѣна монархіи республикой, если бы была убѣждена, что „того хочетъ народъ". Очевидно, такая чисто формальная точка зрѣнія, молчаливо раздѣлявшаяся и конституціонно-демократической партіей въ Думѣ, являлась только уклончивымъ прикрытіемъ политическаго безсилія Думы, которое сознавалось или чувствовалось ею. Вотъ почему выдающіеся ораторы конституціонно-демократической партіи старались просто не останавливаться на опредѣленіи политической сущности адреса, а ограничивались такими „описательными" опредѣленіями, какое сдѣлалъ, напр., въ засѣданіи 2 мая докладчикъ комиссіи по составленію адреса, Набоковъ. Упомянувъ съ твердой увѣренностью конституціоналиста о томъ, что „въ первый разъ отъ имени *всей* страны народные представители говорятъ

передъ конституціоннымъ Монархомъ", Набоковъ даетъ также оцѣнку адреса: „Обращеніе направлено на двѣ стороны: Монарху оно говоритъ о томъ, чего *ждетъ* отъ него Дума; странѣ—оно открываетъ задачи, которыя ставитъ себѣ Дума". Болѣе обстоятельная, программная рѣчь Родичева, сказанная въ томъ же засѣданіи и детально проанализированная нами во главѣ объ амнистіи, точно также не заключала въ себѣ сколько-нибудь ясныхъ, прямыхъ, опредѣленныхъ указаній на то, какъ понимаетъ политическое положеніе Думы конституціонно-демократическая партія, какимъ путемъ Дума, или к.-д. партія въ Думѣ, можетъ и будетъ проводить, осуществлять тѣ „учредительныя функціи", съ которыми партія вступила въ Думу. Только по частому употребленію термина „требовать", въ перемежку съ терминами „просить, заявлять, указывать, напоминать" и т. п., можно догадываться, что к.-д. партія не отказывается отъ осуществленія „учредительныхъ функцій" Думой.

Но такъ какъ примиреніе „учредительныхъ функцій" съ „подобающимъ уваженіемъ къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха", особенно послѣ изданія новыхъ „основныхъ законовъ" наканунѣ открытія Думы, даже и для конституціонно-демократической партіи представлялось довольно затруднительнымъ, то ей не оставалось ничего другого, какъ только замалчивать, обходить описательными оборотами присвоенное себѣ партіей „право" учредительныхъ функцій.

Конечно, Сѣдельниковъ былъ совершенно правъ, указавъ Думѣ на то, что „учредительныя функціи намъ категорически запрещены“. Выходъ отсюда является только чисто революціонный: „мы не можемъ согласиться“ на такое запрещеніе. Попытка указать Верховной Власти на такое несогласіе Думы съ запрещеніемъ ей учредительныхъ функцій, конечно, могла быть включена въ адресъ, какъ въ „внѣзаконодательный“ актъ Думы, какъ въ ея личное обращеніе къ Монарху въ отвѣтъ на его личное привѣтствіе. Но если бы Монархъ не призналъ такого „несогласія“ Думы, ей ничего не оставалось бы, какъ только — или подчиниться дѣйствію новыхъ основныхъ законовъ, лишь медленно создавая почву для измѣненія этихъ законовъ по почину самой Верховной Власти, или — такъ или иначе — вступить на революціонный путь *присвоенія* „учредительныхъ функцій“.

На первой точкѣ зрѣнія, — на точкѣ зрѣнія принципіальнаго подчиненія утвержденнымъ Верховной Властью „основнымъ законамъ“, — стояли — и то не вполнѣ послѣдовательно — „умѣренныя“ группы Думы, лучшимъ представителемъ которыхъ являлся графъ Гейденъ.

Въ засѣданіи 2 мая, гр. Гейденъ говорилъ: „Я нахожу, что приступать къ разсмотрѣнію адреса въ такомъ приподнятомъ духѣ (какъ Родичевъ) врядъ ли есть основаніе... Мы должны говорить съ Монархомъ — вполнѣ реально, стоять на почвѣ вполнѣ твердой и

правильной, ясно себѣ давать отчетъ въ томъ, что мы хотимъ сказать и не допускать никакихъ преувеличеній"... Гейденъ защищаетъ далѣе „наше старое, дорогое земство, которое сыграло громадную историческую роль въ освобожденіи русскаго народа", и „объективно" оцѣниваетъ „тѣ учрежденія, которыя теперь намъ дарованы", находя, что и Дума, и Государственный Совѣтъ являются только „первыми попытками на поприщѣ народнаго представительства. Никогда никакія учрежденія не входятъ сразу въ жизнь въ полномъ совершенствѣ; намъ дано здѣсь начало, и мы должны этимъ началомъ воспользоваться и его усовершенствовать"... Нечего поэтому „вспоминать о прошлыхъ неправдахъ", „возбуждать" народъ, а „взывая къ Государю съ просьбой объ амнистіи, съ своей стороны... заложить... въ своей груди чувство полнаго примиренія".

На второй путь—на путь „присвоенія" Думѣ „учредительныхъ функцій", т.-е. на путь по существу — революціонный, однако безъ признанія его таковымъ, вступила конституціонно-демократическая партія. Болѣе умѣренные ея представители тщательно замалчивали однако сущность этого пути, обозначали его только описательнымъ способомъ. Болѣе лѣвые к.-д. пытались ставить вопросъ и болѣе прямо, но такъ какъ исходная точка и у нихъ оставалась та же, то прямыхъ выводовъ и изъ ихъ рѣчей не получалось. Такова напр. рѣчь Щепкина въ засѣданіи 3 мая.

Въ яркихъ краскахъ описавъ несовершенства стараго строя, и вполнѣ опредѣленно подчеркивая необходимость дѣйствительно коренныхъ реформъ для утвержденія новаго строя, Щепкинъ переходитъ и къ вопросу о политическомъ положеніи Думы: „Намъ бросаютъ послѣдній, обычный упрекъ, что нашимъ адресомъ мы сѣемъ въ толпѣ опасные принципы и исподтишка направляемъ революціонное движеніе на правительство". Но, вмѣсто того, чтобы отвѣтить на этотъ упрекъ такъ прямо, серьезно и обстоятельно, какъ онъ того заслуживаетъ, Щепкинъ прибѣгаетъ къ поэтическому сравненію „стараго бюрократическаго строя" съ „старой запрудой съ ветхой плотиной", а „революціонеровъ, предвкушающихъ прорывъ всей запруды" — съ „шалунами"! Оттѣняя свои добродѣтели, Щепкинъ говоритъ: „Мы неспособны, какъ революціонеры, *любоваться (!)* водопадами изъ мертвыхъ тѣлъ и гибнущихъ жизней, но и не вѣримъ, какъ бюрократы, чтобы эту ветхую плотину можно было починить старымъ мусоромъ". Роль „не-революціонеровъ" Щепкинъ сводитъ только къ тому, чтобы—когда волны все-таки прорвутъ плотину и „размоютъ ее съ дряхлыми сторожами и ихъ старымъ мусоромъ"—имѣть „по совѣсти" право „сказать *властителю земли:* Государь, мы ихъ предупреждали"! Объ отношеніи Верховной Власти къ этой „старой плотинѣ съ ея дряхлыми сторожами и ихъ старымъ мусоромъ" Щепкинъ или не задумывается, или просто

умалчиваетъ, можетъ быть, изъ соображеній ка-детской „тактики“ — чтобы „властитель земли“ охотнѣе перешолъ на „нашу“ сторону. Умолчалъ Щепкинъ также и о томъ, что роль Думы—по программѣ конституціонно-демократической партіи—ни въ какомъ случаѣ не ограничивалась однимъ „предупрежденіемъ“ Государя о негодности старой плотины, но и „учредительными функціями“, которыя Государемъ Думѣ предоставлены не были. Такимъ образомъ, этого основного политическаго вопроса, стоявшаго передъ Думой и передъ конституціонно-демократической партіей, и рѣчь болѣе лѣваго представителя этой партіи все-таки вполнѣ опредѣленно не разрѣшала.

Еще болѣе радикальный характеръ носила рѣчь другого представителя лѣваго крыла конституціонно-демократической партіи, депутата Сафонова (Костромской губ.): „Въ адресѣ должно выкристаллизоваться все общественное мнѣніе страны... Это *не просто* адресъ, не простая любезность людей съ Монархомъ, не обычная программа ближайшей нашей сессіи, *это—провозглашеніе принциповъ...* Это обращеніе важно... не столько для Государя, сколько для страны. Народъ долженъ знать наши намѣренія... мы должны указать тѣ *пути*, по которымъ *мы должны* вывести страну изъ той бездны, въ которую бросило ее старое правительство... Мало этого, — въ адресѣ долженъ вылиться весь народный гнѣвъ, все народное горе, всѣ его страданія—

недаромъ первую Думу „называютъ *Думой народнаго гнѣва*"...

Далѣе Сафоновъ объясняетъ, почему Дума должна была имѣть тотъ характеръ, какой она имѣла: „*Мы не можемъ итти наперекоръ странѣ*... это грозило бы *разрывомъ* съ народомъ, это былъ бы *проигрышъ* всей политической кампаніи". Но, сознавая такую зависимость направленія первыхъ народныхъ представителей отъ настроенія народныхъ массъ, Сафоновъ въ то же время находитъ возможнымъ, чтобы Дума стремилась „ввести народное движеніе въ берега, направить его по одному руслу, дать ему *правильное* теченіе... дать всему народу мирный исходъ".

Откуда же у Думы *право* на такую широкую постановку своей задачи? Сафоновъ отвѣчаетъ: „*Народъ* снабдилъ насъ чрезвычайными полномочіями, и если мы не обладаемъ *формальной* силой власти, то въ его представленіи мы олицетворяемъ *принципъ народовластія*, въ его представленіи мы—реальная сила, *могущая* осуществить все то, что сказано. *Вотъ почему (!)* въ адресѣ все то, что будетъ написано, *будетъ (!)* не простое обращеніе и не пустая, звонкая фраза, а то, что *должно* быть исполнено и можетъ быть исполнено".

Сафоновъ не замѣтилъ логической ошибки въ этомъ своемъ построеніи: надо было сначала доказать, что взглядъ народа на Думу, какъ на „реальную силу, могущую осуще-

ствить все то, что сказано", — справедливъ, а тогда уже продолжать: „вотъ почему!.." Болѣе объективное и реальное отношеніе къ дѣйствительности должно бы было подсказать обратное пониманіе взаимоотношенія силъ: Дума должна была смотрѣть на народъ, какъ на ту реальную силу, которая только и можетъ осуществить все то, что для народа жизненно необходимо! Дума должна была убѣдиться въ томъ, что народъ уже готовъ поддержать *свои* требованія, выразителемъ которыхъ могла явиться Дума, и тогда уже сказать: „вотъ почему всѣ наши требованія должны быть исполнены!.." Но тогда Дума, если бы она дѣйствительно „олицетворяла принципъ народовластія", и если бы она дѣйствительно имѣла за собой уже политически подготовленную реальную силу въ лицѣ народа,—превратилась бы въ учредительное собраніе, которому едва ли бы пришлось посылать „при всеподданнѣйшей запискѣ" своего предсѣдателя такой адресъ, какой послала Дума.

Депутатъ Сафоновъ, однако, тоже связываетъ Думу съ народомъ: „Не воспользоваться *настроеніемъ* страны, ея глубокой *вѣрой* въ Думу нельзя. На этомъ мы должны заложить свой фундаментъ, положить это въ основу своихъ дѣйствій въ будущемъ, мы съ перваго шага *должны спаять себя со страной*, жить ея желаніемъ, дѣйствовать ея волей, и въ этомъ будетъ наша сила".

Сафоновъ, повидимому, не замѣчалъ ненадежности такого политическаго построенія: на „настроеніи" страны и на ея „вѣрѣ" въ Думу еще нельзя было построить своей силы. Дума не могла строить своей силы, она должна была явиться уже съ готовой силой, т.-е. быть дѣйствительной выразительницей народной *воли*, результатомъ политическаго проявленія которой и явилось бы собраніе народныхъ представителей — Дума. Не могла Дума „строить" своей силы уже по одному тому, что ей бы *не дали* ея строить,—и дѣйствительно не дали. Только по оплошности „враждующей" стороны, экспериментъ „построенія силы" путемъ „спайки со страной" продлился не дни, а болѣе двухъ мѣсяцевъ,—и только на возможности такой оплошности и можно было строить такіе разсчеты, какіе указывалъ Сафоновъ, и какими—сознательно или инстинктивно — руководилась конституціонно-демократическая партія, а за ней и почти вся Дума.

Сафоновъ, въ надеждѣ на то, что „въ этомъ *будетъ* наша сила", чувствовалъ себя и—видимо—предлагалъ и Думѣ чувствовать себя такъ, какъ будто эта сила уже *есть*. Отсюда бодрость и увѣренность, что, напр., даже земельный вопросъ — „развѣ этотъ жгучій вопросъ не *рѣшенъ* нами въ пользу трудящагося населенія?.. Мы этотъ вопросъ рѣшили такъ, какъ его нужно рѣшить съ крестьянской точки зрѣнія, рѣшили такъ, какъ его не могла рѣшить бюрократія".

И какъ бы боясь упрека въ томъ, что такое „рѣшеніе“ земельнаго вопроса могутъ объяснить „тактикой“ при „построеніи“ своей силы, Сафоновъ говоритъ: „Не тактическія соображенія — увлечь за собой народъ побудили насъ такъ поступить, а идея общегосударственнаго интереса, общаго блага. Это— обязанность *государственная*—встать на защиту трудящагося населенія...“ Т.-е. ораторъ убѣждалъ—что и вытекало изъ иллюзіи „конституціоннаго строя“ — что „рѣшеніе“ Думы уже есть рѣшеніе „государства“. Но въ глубинѣ сознанія, конечно, все еще таится червь сомнѣнія; вѣдь всѣ „рѣшенные“ вопросы еще въ дѣйствительности не рѣшены, а только написаны на бумагѣ. Отсюда — тонъ если не угрозъ, то во всякомъ случаѣ —тонъ грозный: „Если этотъ адресъ будетъ принятъ Думой, то пусть знаютъ всѣ, что это — выраженіе воли народа, воли *непреклонной*, и *потому* всѣ его требованія должны быть исполнены; противостоять ему было бы слѣпымъ безуміемъ...“

Тотъ же внутренній червь сомнѣнія подсказываетъ Сафонову далеко не звучащій оптимизмомъ конецъ его рѣчи: „И въ тотъ моментъ, когда страна *продолжаетъ* жить подъ гнетомъ насилія и произвола, когда на каждомъ шагу *попираются* наши права, когда нарушаются *даже* (?!) права членовъ Государственной Думы, я думаю, что въ этотъ тяжелый моментъ—адресъ, раздавшійся съ народной трибуны, есть *благая вѣсть*, это

будетъ тотъ благовѣстъ, который возвѣщаетъ русскому народу новую жизнь".

Не давая, можетъ быть, себѣ отчета, радикально настроенный представитель конституціонно-демократической партіи свелъ адресъ съ положенія „непреклонной воли народа" въ положеніе „благовѣста", т.-е. чего-то весьма мало опредѣленнаго и во всякомъ случаѣ безконечно меньшаго, чѣмъ „выраженіе непреклонной воли народа". И внутренній голосъ сознанія оратора, не подчинявшійся иллюзіи, оказался совершенно правымъ.

Отмѣтимъ еще одну рѣчь представителя, повидимому, лѣваго крыла конституціонно-демократической партіи, заключавшую въ себѣ — конечно, тоже не въ рѣзко очерченныхъ формахъ—общую оцѣнку адреса и характеристику политическаго положенія и политическихъ задачъ первой Думы. Это—рѣчь саратовскаго депутата Токарскаго. Указывая на „недовѣріе другъ къ другу", какъ на „старое наслѣдство" русскаго общества, Токарскій говоритъ: „Раньше, чѣмъ мы еще сюда пріѣхали, это *недовѣріе* было выражено намъ со стороны правительства. За день до того, какъ мы пріѣхали, были изданы основные законы, въ которыхъ было точно выражено недовѣріе къ народнымъ представителямъ. Оно (представительство?) было вложено въ такія рамки, изъ которыхъ выходить нельзя... Въ первомъ отвѣтѣ, который мы, народные представители, даемъ, необходимо выразить именно то, что это *недовѣріе должно*

быть уничтожено. Русская земля только при взаимномъ довѣріи между народомъ и Монархомъ можетъ идти по пути прогресса...“

Ораторъ не останавливается надъ вопросомъ, почему существуетъ это „недовѣріе“, притомъ санкціонированное Монархомъ „за день до того, какъ мы пріѣхали“. Ораторъ какъ будто не сомнѣвается въ томъ, что для этого „недовѣрія“ не было никакихъ основаній, не думаетъ поэтому о томъ, чтобы заслужить довѣріе, какъ бы слѣдовало при „подобающемъ уваженіи къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха“, признавшаго нужнымъ наканунѣ открытія Думы выразить ей „недовѣріе“,—а требовательно заявляетъ: „настоящее народное представительство обращается къ Монарху и говоритъ: „вотъ *на какихъ условіяхъ* можетъ работать народное представительство“.

И далѣе: „*мы* должны будемъ установить то, чего у насъ нѣтъ. Мы должны установить законодательные способы работы этой Думы. Въ настоящее время тѣ *способы* (?), которыми мы могли бы осуществить свои предположенія, у насъ еще не существуютъ“. (А „основные законы“? А „положеніе“ о Думѣ?...) Заключаетъ свою рѣчь Токарскій рѣшительнымъ заявленіемъ: „Безъ этихъ реформъ Думы, реформъ народнаго представительства мы *не можемъ* долѣе работать.“

Саратовскій же депутатъ, Котляревскій, разсматривалъ значеніе адреса съ совершенно особой точки зрѣнія,—онъ видѣлъ въ немъ

дѣйствительное средство къ защитѣ „идеи государственности“, „скомпрометированной политическимъ прошлымъ“. „Утрата идеи государства“—страшнѣе самыхъ тяжелыхъ соціальныхъ и всякихъ другихъ затрудненій, и „самая ужасная вина, которая можетъ быть поставлена нашему политическому прошлому, это то, что оно скомпрометировало идею государственности, пріучило къ мысли, что отъ государства можно ждать только насилій и угнетеній“.... „И вотъ мы должны въ корнѣ передѣлаться. На насъ съ первыхъ шаговъ лежитъ основная задача—*реабилитировать государство*, указать на широкія рамки, безъ которыхъ невозможна ни политика, ни миръ, ни благосостояніе“... А такую задачу Дума можетъ выполнить только при условіи, если въ странѣ утвердится „авторитетъ самого нашего народнаго представительства, этого совершенно юнаго созданія, этой силы; которая должна въ нашихъ общихъ цѣляхъ возрасти и окрѣпнуть. И я думаю, *этотъ адресъ дѣйствительно совершенно достигнетъ цѣли*“.... Думаетъ же такъ Котляревскій, повидимому, потому, что въ адресѣ достигнуто болѣе или менѣе полное „единодушіе“ почти всей Думы, придающее адресу значеніе общенароднаго, общенаціональнаго акта: „въ настоящее время вы здѣсь являетесь не только членами какихъ-нибудь партій, вы являетесь въ отвѣтственной роли *дѣйствительно* народныхъ представителей и вы должны съ величайшей серьезностью, величайшей об-

думанностью вводить только *безусловно* то, что, какъ вы увѣрены, составляетъ *общенаціональное желаніе*"...

Исходя изъ этой фикціи, такъ усердно культивировавшейся конституціонно-демократической партіей, Котляревскій однако опредѣляетъ „единодушное и единогласное, широко разлившееся по странѣ требованіе и желаніе" слѣдующимъ образомъ: „начала свободы, провозглашенной этимъ адресомъ, начала всеобщаго избирательнаго права, начала отвѣтственности правительства передъ закономъ, отвѣтственности исполнительной власти передъ народнымъ представительствомъ, общее начало земельной и рабочей реформы и отмѣна смертной казни",—т.-е. въ сущности программу партіи, не правѣе конституціонно-демократической, только въ такихъ общихъ формахъ, что въ нихъ можетъ вмѣщаться нѣсколько различное содержаніе.

Наконецъ, такіе ораторы конституціонно-демократической партіи, какъ депутатъ Пустошкинъ (Симбирской губ.), весь смыслъ и значеніе Думы сводятъ къ „единенію Царя съ народомъ". Ораторъ начинаетъ съ „благой вѣсти, возвѣщенной въ манифестѣ 17 октября". „Всѣ ликовали, всѣ радостно говорили — „даны свободы, дана конституція",— но чистая радость была омрачена какой-то темной силой... Намъ подали камень вмѣсто хлѣба и змѣю вмѣсто рыбы.... Оказалось, что при самодержавномъ строѣ существуетъ строй, который могъ ограничить волю не-

ограниченнаго Монарха. *Наша обязанность—раскрыть эту таинственную силу передъ Царемъ и просить суда Царя.* Мы, какъ союзники народа, союзники конституціоннаго Монарха, обязаны это сдѣлать.... Мы вѣримъ въ искренность этого призыва (тронной рѣчи), и наши сердца представителей русскаго парламента звучатъ въ унисонъ съ его любящимъ сердцемъ.... Мы постараемся оборвать цѣпкія руки, прилипшія къ Царю, и возстановить довѣріе народа, которое является единственною гарантіей прочности и непоколебимости престола... Только въ союзѣ съ народомъ Царь можетъ передать Россію укрѣпленною и обновленною своему Наслѣднику-сыну. Мы идемъ къ нему съ открытой душой, мы идемъ къ нему съ полнымъ довѣріемъ, несмотря на то, что оно неоднократно колебалось. Можетъ быть, и онъ окажетъ намъ довѣріе тѣмъ, что осуществитъ наши пожеланія.... Можетъ быть, въ заключительномъ словѣ нашего адреса обращеніе и просьба къ Монарху соединиться съ народомъ получатъ отвѣтъ, и тогда мы скажемъ: „Да благо Ти будетъ, и да долголѣтенъ Ты будеши на землѣ"!

Таковъ финалъ и таково существенное содержаніе этой характерной для праваго крыла конституціонно-демократической партіи рѣчи, этого сплошного дифирамба монархизму.

Посмотримъ теперь, какъ оцѣнивала адресъ представительница политическаго радикализма—трудовая группа.

Депутатъ Рыжковъ ограничивается больше описательными сравненіями „гнилыхъ устоевъ, на которыхъ до сихъ поръ создавалось и держалось русское государство", съ тѣми устоями, на которыхъ собираются поставить „новыя учрежденія", и тоже подчеркиваетъ фразу: „мы, собравшіеся здѣсь въ *первомъ русскомъ парламентѣ*"...

Жилкинъ, въ поэтически-повышенномъ тонѣ, говоритъ: „сегодня—жуткій *экзаменъ* для Государственной Думы, сегодня испытаніе нашего мужества, нашей правдивости, нашего пониманія... историческаго момента"... „Адресъ, это съ одной стороны обращеніе кверху, съ другой стороны обращеніе *туда, вдаль, во всѣ глубины* народной жизни. И *всѣмъ сердцемъ*, всѣмъ лицомъ прежде всего мы должны повернуться туда и поглядѣть, какая развертывается передъ нами *великая, потрясающая* картина... Пренія... покажутъ, какіе люди будутъ насъ поднимать все выше и выше къ *свѣтлому, чистому небу*, и какіе—съ прежнимъ упрямствомъ будутъ тащить туда, внизъ, въ ту же самую трясину" и т. д. Жилкинъ—въ томъ же тонѣ—вспоминаетъ „то проклятое прошлое, которое мы будемъ пробовать зачеркнуть навсегда"... Затѣмъ, признавая, что „есть средніе люди, благородныя души (?), которыя физически и естественно не могутъ разорвать тѣ рамки, въ которыя поставила ихъ жизнь", находитъ, что „нашъ адресъ будетъ представлять ту среднюю высоту, которая создалась нашими общими

условіями, при которой одни будутъ тащиться внизъ, а другіе—рваться кверху... Запомните, что намъ нужно сказать это *общее слово*—отъ *всей* Думы, сказать хотя *не полнымъ*, положимъ, голосомъ, *но отъ всего сердца* (!), но все-таки сказать его *единодушно* и представить правдиво, хотя полуоткрыто, но такъ, чтобы народъ его прочиталъ (?), и *прочитали* (!) его тамъ, куда мы его направляемъ. Въ этомъ наша ближайшая задача, въ этомъ нашъ первый долгъ. Не будемъ же на первыхъ порахъ вносить раздора"...

Эта сплошная лирика показываетъ только, какъ сильно охваченъ былъ и Жилкинъ пущеннымъ въ ходъ ка-детами „единодушіемъ", какъ далекъ былъ и онъ тогда отъ той независимости, отъ той активности въ тактикѣ, къ какой стала впослѣдствіи стремиться трудовая группа. Конечно, Жилкинъ не закрывалъ глаза на то, что въ адресѣ „мы не сказали всего, чего желаютъ крестьяне, чего желаютъ рабочіе, — не описали потрясающаго положенія нищеты, произвола и насилія въ Россіи"..., но тѣмъ не менѣе „мы должны единодушно разработать и утвердить этотъ проектъ", въ надеждѣ, что „сдѣлавъ первый шагъ, мы, въ стремленіи къ свѣту, къ свободѣ, будемъ подниматься все выше и выше, и побѣды будутъ за нами, и мы найдемъ эту новую, счастливую жизнь"...

Реальнѣе и нѣсколько спокойнѣе отнесся къ вопросу Аладьинъ. „Я помнилъ, что въ Государственную Думу я посланъ народомъ...

и что буду имѣть силу только тогда, когда за моей спиной выростетъ авторитетъ народной силы, основанной на *нравственномъ* (?) уваженіи къ институту народнаго представительства, и когда къ этой нравственной силѣ присоединится *матеріальная сила организованной страны*". Въ адресѣ Аладьинъ видѣлъ „манифестъ къ странѣ" и, извиняясь за „торжественный" тонъ, находилъ, что „на праздникѣ (!) народной свободы, когда пишется хартія (!!) русскому народу, нѣтъ мѣста будничному тону"... Конецъ своей рѣчи Аладьинъ посвятилъ „рабочему вопросу", заключивъ рѣчь словами: „дайте рабочимъ свободу и самодѣятельность, и все остальное они сами съумѣютъ пріобрѣсти".

Аладьинъ, хотя и подчеркнулъ „матеріальную силу организованной страны", какъ единственный источникъ силы народнаго представительства,—совершенно не развернулъ этого основного положенія во сколько-нибудь ясную и опредѣленную политическую программу, а напротивъ—сталъ говорить объ адресѣ, какъ о „хартіи русскому народу", которая будтобы „писалась" на „праздникѣ народной свободы". Это подчиненіе тому особенному, безпричинно повышенному настроенію, которымъ заразили Думу „пламенные" ораторы конституціонно-демократической партіи, лишило и рѣчь Аладьина почти всякаго политическо-программнаго характера и значенія. Интереснѣе въ этомъ отношеніи рѣчь депутата Семенова, принадлежащаго къ той же трудовой группѣ.

Семеновъ не удовлетворенъ адресомъ: „Мнѣ кажется, что въ этомъ адресѣ *недостаточно рѣшимости* и недостаточно мотивировки о необходимости тѣхъ требованій, которыя выставлены. Адресъ имѣетъ характеръ чего-то средняго. Я думаю, что большинство въ Думѣ не есть еще выразитель большинства страны... Нельзя преполагать, чтобы можно было какими-нибудь средними мѣрами удовлетворить крестьянство и народныя требованія... Въ адресѣ наиболѣе всего указывалось, что строго конституціонное правленіе, парламентаризмъ, могли бы быть хорошимъ рулемъ государственной жизни, хорошимъ кормчимъ. Но въ *такое бурное время*, которое мы переживаемъ, *одинъ парламентаризмъ недостаточенъ*... Я полагаю, что только та власть, которая будетъ облечена *полнымъ* довѣріемъ народа, которая будетъ рѣшать все только въ интересахъ всего народа и которая будетъ имѣть всю власть, все могущество народа, только такая власть, только такое правительство можетъ вывести насъ изъ того крайняго положенія, въ которомъ находится Россія".

Однако, Семеновъ не дѣлаетъ логическаго вывода изъ этой своей мысли, не говоритъ, что только учредительное собраніе можетъ дать такую власть, такое правительство. Напротивъ, онъ становится на обычную въ первой Думѣ точку зрѣнія и говоритъ: „*намъ* нужно примирить совѣсть народа съ закономъ... Нужно *создать* такіе законы... И если *мы* этого достигнемъ, тогда только можетъ умиротвориться русская земля"...

„Но всего этого въ адресѣ нѣтъ... Можетъ быть, многіе думаютъ, что народъ остановится на полдорогѣ... Это — страшная ошибка... Онъ идетъ до конца: или онъ получитъ то, чего желаетъ, или вся страна будетъ ввергнута въ анархію и разрушеніе. Это—тотъ *ослѣпленный Самсонъ*, у котораго отросли волосы и который можетъ, сорвавъ столбы, погребсти подъ разрушенными сводами себя и всѣхъ присутствующихъ“...

Этимъ красивымъ сравненіемъ,—впослѣдствіи такъ прославившемъ депутата-крестьянина Лосева,—Семеновъ заканчиваетъ изложеніе основного политическаго пункта своей рѣчи—принципа полнаго народовластія, изъ котораго Семеновъ не сдѣлалъ однако такихъ же полныхъ выводовъ. Переходя затѣмъ къ вопросу объ амнистіи, Семеновъ мотивируетъ ее тоже не вполнѣ удачно: „Народъ жаждетъ полной амнистіи, ибо сознаетъ, что *онъ* здѣсь являлся совершенно *невмѣняемымъ* лицомъ, совершенно невиновнымъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ. Вся масса событій, его окружающихъ, привела его къ этому *преступленію*“.

Въ заключеніе, Семеновъ находитъ, что „когда мы въ частности... *поправимъ* нашъ адресъ и представимъ весь этотъ голосъ народа, всѣ его требованія, никто не усомнится въ томъ, что это есть дѣйствительно требованіе народа. Тогда *единодушный* крикъ вездѣ будетъ привѣтствовать этотъ адресъ; онъ раздастся и здѣсь, *на берегахъ Невы*, его *услышатъ*, и тогда *примутъ строгія—рѣшительныя*

мѣры къ упорядоченію на мѣстахъ отвѣтственности всякихъ должностныхъ лицъ, чтобы не говорилъ народъ, что у насъ земля безсудная"...

Такими совершенно уже идиллическими надеждами заканчиваетъ свою рѣчь представитель трудовой группы, начавшій вполнѣ опредѣленно съ принципа полнаго народовластія.

Депутатъ Бондаревъ тоже возлагаетъ большія надежды на адресъ, какъ на „благовѣстъ" для страны, но подчеркиваетъ то, чего не подчеркивали к.-д. ораторы: „Только смерти погибшихъ борцовъ за свободу мы обязаны этими возвѣщенными (манифестомъ 17 октября) свободами. Наша вѣра въ исполненіе возвѣщенныхъ свободъ была конечно наивна, необоснована... нелѣпа, но вѣра эта была искренняя"... И далѣе—опять та же „вѣра": „Въ *русскомъ парламентѣ* раздается свободное слово, свободно звучитъ свободное слово „почти" неприкосновеннаго депутата"... Правда—„нельзя сказать, что этотъ строй, который недавно былъ, теперь уже палъ. Нѣтъ, этотъ строй безотвѣтственнаго самовластія чиновничества... какъ паутина, какъ сѣть... и до сихъ поръ хватаетъ со страшной болью за сердце и безъ того уже изстрадавшагося, измученнаго народа"... И, конечно, это „самовластіе, этотъ строй произвола имѣетъ не временное и не случайное происхожденіе... Это есть исторически организованное господство меньшинства надъ громаднымъ

большинствомъ... Бюрократическій произволъ соединяется со всѣмъ тѣмъ, что имѣетъ преимущество: съ историческими привиллегіями, съ крупной земельной собственностью и съ крупнымъ капиталомъ"...

„То, что переживается въ настоящее время, есть дѣло политической важности. Можетъ быть, это есть вступленіе къ *нравственному возрожденію* (!), но прежде всего и главнѣе всего это есть *вступленіе трудящихся массъ на политическую арену* для закрѣпленія и упроченія *политической власти* за собою на благо и счастье трудящихся массъ... Трудящіеся классы поняли наконецъ, что безъ упроченія за собою политической власти невозможно рѣшеніе ни одного вопроса, способствующаго улучшенію ихъ экономическаго положенія, а также политическаго и культурнаго ихъ развитія... Испробовавъ всевозможныя средства, трудящіяся массы берутся за послѣднее, за самое важное, за *единственное*, которое можетъ ихъ привести къ желанной цѣли,... за... полноту законодательной власти; пользуясь полнотой законодательной власти, онѣ употребятъ эту политическую власть для обезпеченія блага и счастья народа".

Рѣчь Бондарева явилась какъ бы дополненіемъ—чисто теоретическаго характера—того принципа полнаго народовластія, на которомъ останавливался Семеновъ. Это была уже *почти* строго классовая точка зрѣнія на значеніе политической борьбы и на зна-

ченіе совершающагося момента. Говоримъ „почти",—потому что Бондаревъ говорилъ, не раздѣляя понятій болѣе точно, и о „трудящихся *массахъ*", и о „трудящихся *классахъ*".

Однако, рѣчь Бондарева совершенно не заключала въ себѣ *политической* программы, мало касалась даже самого адреса, а поскольку касалась его,—была проникнута все тѣмъ же, владѣвшимъ Думой, оптимизмомъ.

Еще опредѣленнѣе къ классовой точкѣ зрѣнія приблизился депутатъ Бусловъ. „*Земля и воля*—вотъ знамя, подъ которымъ сошлись легіоны освободительной арміи. За древко этого знамени крѣпко уцѣпились могучія руки *рабочаго класса...* и подъ шелестъ этого знамени мы разсматриваемъ адресъ... Адресъ этотъ—не тѣхъ, кто составляетъ главную силу освободительнаго движенія, это адресъ Думы—въ цѣломъ. Страна понимаетъ, что *не бумажной регламентаціей* и конституціями дѣлается жизнь, исторія творится въ нѣдрахъ *классовой борьбы*. Отъ Думы рабочіе классы ожидаютъ не счастья, а ожидаютъ только того, чтобы Дума сняла съ нихъ несчастье, а счастье они завоюютъ сами". Тѣмъ не менѣе и Бусловъ возлагаетъ на Думу едва ли выполнимую задачу: „Дума должна дать раскрѣпощеніе этимъ классамъ—крестьянству и пролетаріату, закрѣпощеннымъ у земли и у капитала": А роль „этихъ классовъ" Бусловъ распредѣляетъ такимъ образомъ: „Если юный, *могучій* пролетаріатъ *еще* недостаточно *созрѣлъ* (!), чтобы

сказать это слово, то крестьянство это слово уже выговорило по отношенію къ землѣ и, конечно... требованіе крестьянъ не можетъ быть половинчатымъ"...

Бусловъ видитъ, такимъ образомъ, главную реальную политическую силу для „раскрѣпощенія" страны въ крестьянствѣ, а не въ пролетаріатѣ,—точка зрѣнія, которая преобладала въ трудовой группѣ, но—несмотря на это—даже мало была выяснена и развита представителями этой группы въ Думѣ. Весьма мало былъ освѣщенъ и тотъ путь, которымъ Дума могла бы опереться въ своихъ „требованіяхъ" на крестьянство, какъ на классъ, на реальную политическую силу.

Остальные ораторы трудовой группы, касавшіеся общаго значенія адреса, только выражали обычное въ рѣчахъ этой группы недовольство адресомъ, не внося ничего новаго въ программномъ отношеніи.

Кутомановъ говорилъ: „Много въ этомъ проектѣ, господа, хорошихъ вещей, но такъ какъ онъ будетъ читаться во всей странѣ и будетъ читаться такъ, какъ онъ тутъ написанъ, то едва ли они что-нибудь тамъ вынесутъ отсюда. Слишкомъ много недоговореннаго, слишкомъ много скромности, можетъ быть, почтенія даже, тогда какъ страна кричитъ, страна стонетъ подъ тѣмъ игомъ и тѣми порядками, которые существуютъ теперь". Изъ предложеній Кутоманова оригинальнымъ явилось предложеніе объ образованіи *милиціи*—„на мѣстахъ выборныхъ отъ

всѣхъ гражданъ комитетовъ для организаціи гражданской вооруженной стражи"...

Литвиновъ находилъ, что „проектъ адреса носитъ неопредѣленный характеръ, потому что хотѣли примирить непримиримое, хотѣли примирить всѣ партіи"...

Меркуловъ „представлялъ себѣ автора доклада со скрещенными руками и поникшей головой, молящаго о пощадѣ, просящаго о милости и какъ бы боящагося каждую минуту обидѣть повелителей, у которыхъ онъ проситъ: онъ просьбъ своихъ не выражаетъ ясно, а дѣлаетъ недомолвки... Онъ спѣшитъ обмолвиться теплымъ словечкомъ съ властями и выбираетъ удобный моментъ для того, чтобы напомнить о своихъ нуждахъ; поэтому изложеніе ихъ неполно и неопредѣленно... Когда онъ говоритъ объ аграрной реформѣ, то кажется, что эти слова не есть истинное желаніе, а какое-то вынужденное заявленіе"...

Тесля находилъ, что отъ „проекта почтеннѣйшей комиссіи" вѣетъ „холоднымъ равнодушіемъ, спокойствіемъ, удовлетворенностью... и онъ скорѣе потому походитъ на извиненіе передъ тѣмъ вѣроломнымъ правительствомъ, которое по своей снисходительности дало намъ возможность засѣдать здѣсь"...

Курскій депутатъ Шапошниковъ далъ наиболѣе яркую отрицательную оцѣнку адреса, въ засѣданіи 4 мая. Приводимъ короткую, но яркую рѣчь Шапошникова цѣликомъ. По поводу предложенія М. Ковалевскаго о вклю-

ченіи въ адресъ и „внѣшней политики“, Шапошниковъ сказалъ: „Я высказываюсь противъ того, чтобы включать подобную декларацію въ нашъ отвѣтъ на тронную рѣчь еще и потому, что считаю это безусловно *преждевременнымъ*. Обращаться съ такой деклараціей можно странѣ, *дѣйствительно* обновленной, *дѣйствительно* построившей жизнь на новыхъ началахъ. Нельзя сказать, что мы, *написавъ 5 страницъ* въ отвѣтъ на тронную рѣчь, обновили и построили жизнь на новыхъ началахъ. *Ничего подобнаго мы еще не сдѣлали*; мы не сдѣлали въ этомъ отношеніи *ни одного шага*. Поэтому, если бы мы приняли такую декларацію, то *стали бы на ходули*, были бы въ глазахъ всего міра, не скажу смѣшными, но во всякомъ случаѣ людьми, которые прежде, чѣмъ что-нибудь сдѣлать, начали говорить о томъ, что они сдѣлали“.

Если оцѣнку Шапошникова перенести съ „деклараціи“ о внѣшней политикѣ на весь адресъ въ цѣломъ, то эта оцѣнка наиболѣе правильно выразитъ то отношеніе къ адресу, которое установилось въ трудовой группѣ... впослѣдствіи: „адресъ, это—*написанныя* Думой пять страницъ“...

Наконецъ, небезъинтересно привести рѣчь „безпартійнаго“ крестьянскаго депутата Филякина (Тульской губ.), какъ образецъ чисто крестьянской рѣчи и какъ косвенное доказательство того, что „безпартійные“ крестьяне далеко не представляли собою чего-либо завѣдомо реакціоннаго или консервативнаго,

а могли отражать самые различные оттѣнки политической мысли.

Отмѣчая, что „адресъ составленъ въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ по отношенію къ Монарху“, что отвѣчаетъ настроенію крестьянства, которое „всегда высказывается за царскую власть“,—Филякинъ находитъ, что „проектъ долженъ быть принятъ весь цѣликомъ“,—и далѣе излагаетъ свою политическую программу: „Посылая меня, народъ сказалъ, чтобы были освобождены всѣ невинно сосланные и заключенные; чтобы земельная нужда крестьянъ была удовлетворена, такъ какъ народъ голодаетъ, и чтобы ему были указаны правильные способы землепользованія; чтобы дана была ему безусловная свобода и равноправность и снятъ гнетъ чиновничьей опеки и произвола; чтобы ненавистный бюрократическій строй былъ уничтоженъ и замѣненъ такимъ, въ которомъ народъ принялъ бы самое живое участіе; чтобы налоговая тягота была снята и не расхищались народныя богатства страны; чтобы просвѣщеніе народа было поставлено на должную высоту,—дабы народъ не ходилъ въ потемкахъ, не былъ забитъ и обездоленъ. Вотъ что сказали мнѣ крестьяне. И какъ сказали! Это былъ вопль наболѣвшей души“.

Такова была рѣчь „безпартійнаго“ крестьянскаго депутата. И почти всѣ „безпартійные“, какъ извѣстно, примкнули къ адресу, обманули надежды Гейдена, Стаховича и др., протестъ которыхъ противъ адреса

оказался слишкомъ безцвѣтнымъ и ничтожнымъ.

Для характеристики „безпартійныхъ“ и „умѣренныхъ“ элементовъ Думы небезъинтересна также рѣчь „умѣреннаго“ депутата Румянцева (Новгородской губ.), настаивавшаго на томъ, что „организація демократическихъ учрежденій въ самомъ низу составляетъ нашу силу и не только нашу силу, но и основаніе тѣхъ свободъ, о которыхъ мы говоримъ и которыхъ мы ждемъ, что онѣ намъ могутъ быть даны. Онѣ никакимъ закономъ не могутъ быть даны... Въ дезорганизованной странѣ никакихъ свободъ, никакой неприкосновенности личности быть не можетъ... Мы ждемъ, что что-то намъ свалится въ формѣ закона 17 октября или другого, но мы видимъ, что въ результатѣ не получается ничего: съ одной стороны является свобода общественная, не согласованная со строемъ (?) разныхъ группъ самого народа, съ другой стороны власть теряется, не знаетъ, что ей предпринять, потому что, такъ или иначе, она является отвѣтственной... Выходъ изъ такого положенія „умѣренный“ депутатъ видитъ, однако, въ „организаціи демократическихъ учрежденій въ самомъ низу“...

Совершенно особое положеніе заняла въ Думѣ крѣпко сплоченная и хорошо объединенная національными и классовыми интересами—группа польскихъ депутатовъ, польскаго кола, польскихъ автономистовъ. Политическія цѣли этой группы были отчетливо

и категорически поставлены въ Думѣ еще въ засѣданіи 30 апрѣля, когда 27 членовъ этой группы внесли „неотложное предложеніе“—„предоставить члену Думы Гарусевичу *внѣ очереди* огласить заявленіе двадцати семи депутатовъ отъ Царства Польскаго, а также сообщить сіе заявленіе въ комиссію по составленію отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь“. Заявленіе польской группы излагаетъ политическую исторію Царства Польскаго — въ отношеніи постепеннаго лишенія этого края принадлежавшей ему по праву автономности. „Въ новыхъ основныхъ законахъ отъ 23 апрѣля 1906 года названіе Царства Польскаго вполнѣ устранено. Такимъ образомъ, наканунѣ открытія Государственной Думы, Правительство порвало одно изъ началъ общегосударственнаго строя... Противъ этого посягательства и вообще противъ попранія правъ польскаго народа мы здѣсь протестуемъ и протестъ свой обращаемъ къ русскому народному представительству. *Наши* права *неотъемлемы и святы*, и изъ нихъ исходитъ *необходимость автономіи Царства Польскаго*, какъ завѣтное требованіе всего населенія нашего края. Съ *этимъ* требованіемъ являемся мы въ Государственную Думу *бороться* за наши права и за *общую* свободу“.

Блестящимъ дополненіемъ къ этому заявленію польской группы служила рѣчь минскаго депутата Ледницкаго, члена конституціонно-демократической партіи. Рѣчь его имѣла въ виду исключительно—прибавить „въ гам-

му освободительнаго движенія голосъ національнаго горя, національнаго гнета и обезличенія". Признавая, что „Дума, объединенная однимъ общимъ началомъ, необходимостью возстановленія демократическаго принципа и принципа справедливости, не измѣнитъ имъ", Ледницкій заявляетъ: „во имя этихъ общихъ началъ мы пришли сюда, мы пришли, чтобы исполнить торжественный завѣтъ, чтобы безъ различія національности бороться за одинъ общій идеалъ, за демократическіе принципы, за одну общую свободу"... „Мы не только привѣтственно кланяемся представителямъ русскаго народа, но и почитаемъ долгомъ заявить, что отъ этого русскаго народа мы ждемъ удовлетворенія нашихъ національныхъ требованій. Я *привѣтствую* самодѣятельность рабочихъ, удовлетвореніе потребностей трудового крестьянства, *но не въ одномъ этомъ* наша задача и не одно это создастъ умиротвореніе и успокоеніе страны; нужно не только раскрѣпощеніе классовъ, но и раскрѣпощеніе всѣхъ народовъ".

Мы попытались очертить отношеніе различныхъ партій и группъ Думы,—насколько это возможно было сдѣлать на основаніи рѣчей представителей этихъ партій и группъ,—къ основнымъ политическимъ вопросамъ переживаемаго Россіей момента. Отвѣтный адресъ на тронную рѣчь, разъ ему былъ приданъ политическій характеръ, не могъ не коснуться этихъ вопросовъ, не могъ не отразить и общаго характера тѣхъ партій и

группъ, которыя были представлены въ Думѣ.

Взглядъ Думы на сущность переживаемаго Россіей политическаго момента, на отношенія нарождающагося новаго строя къ старому и на отношенія Думы, какъ народнаго представительства, къ Верховной Власти, былъ насквозь пропитанъ иллюзіей, блестящія, цвѣтистыя формы которой только прикрывали внутреннее политическое безсиліе Думы и даже отсутствіе въ ней сколько-нибудь опредѣленной и послѣдовательной—хотя бы теоретической—политической мысли.

Этотъ колоритъ иллюзіи, свидѣтельствующій о внутреннемъ безсиліи, отразился какъ во всемъ адресѣ въ цѣломъ, такъ и на отдѣльныхъ частяхъ его, касавшихся различныхъ сторонъ общаго вопроса, разрѣшить который считала себя призванной Дума.

Отношеніе Думы къ тѣмъ общеполитическимъ вопросамъ, на которыхъ мы останавливались до сихъ поръ, выразилось въ первой, такъ сказать, вступительной части адреса, которую мы приведемъ здѣсь цѣликомъ:

„Ваше Императорское Величество! Вашему Величеству *благоугодно* было въ рѣчи, обращенной къ представителямъ народа, заявить о рѣшимости Вашей охранять *непоколебимыми* установленія, коими народъ призванъ осуществлять законодательную власть въ единеніи со своимъ Монархомъ. Государственная Дума видитъ въ этомъ торжественномъ *обѣщаніи* Монарха, данномъ народу, *прочный*

залогъ укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія порядка законодательства, соотвѣтствующаго *строго конституціоннымъ началамъ.* Государственная Дума *съ своей стороны* приложитъ усилія къ усовершенствованію *началъ* народнаго представительства и внесетъ на утвержденіе Вашего Величества законъ о народномъ представительствѣ, основанный, согласно единодушно проявляющейся волѣ народа, на началахъ *всеобщаго избирательнаго права.*

Призывъ Вашего Императорскаго Величества къ сплоченію въ работѣ на пользу родины находитъ *живой* откликъ *въ сердцахъ* всѣхъ членовъ Государственной Думы. Государственная Дума, имѣя въ своемъ составѣ представителей *всѣхъ классовъ* (!) и всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, объединена общимъ горячимъ *стремленіемъ обновить* Россію и создать въ ней государственный порядокъ, основанный на мирномъ сожитіи *всѣхъ классовъ* и народностей и на прочныхъ устояхъ гражданской свободы.

Но Государственная Дума *пріемлетъ* долгъ указать, что условія, въ которыхъ живетъ страна, дѣлаютъ невозможной истинно плодотворную работу, направленную къ возрожденію лучшихъ силъ страны".

Таково вступленіе къ адресу. Съ политической точки зрѣнія оно построено на иллюзіи существованія *уже* „строго конституціонныхъ началъ", которыя Думѣ остается только „усовершенствовать",—конечно, путемъ обычной, нормальной законодательной работы того на-

роднаго представительства, которое и теперь уже имѣетъ „въ своемъ составѣ представителей *всѣхъ классовъ!*“ Этимъ Дума какъ бы примирилась съ тѣмъ „представительствомъ“ *рабочаго класса*, какое было въ Думѣ. Дума выразила готовность на „плодотворную“ органическую работу, не смущаясь тѣмъ, что въ ней не былъ представленъ даже тотъ громадный классъ, который вынесъ на себѣ самые тяжелые удары освободительной борьбы. Мало того, она утверждала въ адресѣ, что „всѣ классы“ представлены въ Думѣ.

Характерно въ этомъ смыслѣ и отношеніе Думы къ „началамъ всеобщаго избирательнаго права“,—на чемъ мы сейчасъ остановимся болѣе подробно. Теперь же прослѣдимъ дальнѣйшій потокъ цвѣтистыхъ, мало искреннихъ, мало правдивыхъ, дипломатическихъ фразъ, въ форму которыхъ думское большинство облекло свою уклончивую, туманную политическую мысль.

„Страна сознала, что главною язвою всей нашей государственной жизни является *самовластіе чиновниковъ, отдѣляющихъ Царя отъ народа*. И, охваченная единодушнымъ *порывомъ*, страна громко заявила, что обновленіе жизни возможно лишь на основѣ свободы, самодѣятельности и участія самого народа въ осуществленіи власти законодательной и въ контролѣ надъ властью исполнительной. Вашему Императорскому Величеству *благоугодно* было въ Манифестѣ 17 октября 1905 г. возвѣстить *съ высоты Престола твердую* рѣши-

мость положить эти именно начала въ основу дальнѣйшаго устроенія судебъ земли русской. И *весь* народъ единодушнымъ *кликомъ восторга* встрѣтилъ эту вѣсть.

Однако уже первые дни свободы омрачились тяжелыми испытаніями, въ которыя ввергли страну тѣ, кто, *все еще преграждая народу путь къ Царю* и попирая всѣ основы Высочайшаго Манифеста 17 октября, покрыли страну позоромъ безсудныхъ казней, погромовъ, разстрѣловъ и заточеній".

Съ одной стороны—дарованныя строго конституціонныя начала; съ другой—тѣ, кто все еще преграждаетъ народу путь къ Царю, а въ центрѣ — Монархъ, которому благоугодно было возвѣстить съ высоты Престола твердую рѣшимость охранять непоколебимыми строго конституціонныя установленія...

Такова сущность основной политической мысли большинства первой Думы. Пути къ „обновленію Россіи" очевидны: если до сихъ поръ чиновники отдѣляли Царя отъ народа и ссорили его съ нимъ, то теперь народные представители должны будутъ отдѣлить Царя отъ чиновниковъ и поссорить его съ ними. Таковъ именно смыслъ имѣетъ подчеркнутая фраза въ дальнѣйшемъ отрывкѣ адреса: „И слѣдъ отъ этихъ дѣйствій администраціи за послѣдніе (!) мѣсяцы такъ глубоко осѣлъ въ душѣ (!) народа, что никакое умиротвореніе страны невозможно дотолѣ, доколѣ не станетъ ясно народу, что отнынѣ не дано (!) властямъ творить насилія, *прикрываясь именемъ*

Вашего Императорскаго Величества, доколѣ всѣ министры не будутъ отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ и сообразно съ этимъ не будетъ обновлена администрація на всѣхъ ступеняхъ государственной службы".

Гвоздемъ этой мысли, разукрашенной странными въ устахъ *народныхъ* представителей бюрократически-витіеватыми „дотолѣ... доколѣ... отнынѣ".., является подчеркнутая фраза: Дума „раскрывала глаза" Монарху на предательскій характеръ дѣйствій всѣхъ его властей, которыя только „прикрываются" его именемъ! Разъ онѣ только прикрываются— надо ихъ удалить, надо „обновить" администрацію.

За характеромъ этой эквилибристики безсильной политической мысли большинства первой Думы мы прослѣдимъ ниже, анализируя пренія по вопросу объ отвѣтственности министровъ, теперь же остановимся на преніяхъ о „всеобщемъ избирательномъ правѣ"— этомъ пробномъ камнѣ для испытанія „демократизма" партій и группъ Думы.

Докладчикъ комиссіи, Набоковъ, выступая на защиту „сокращенной" формулы „всеобщаго избирательнаго права", отмѣтилъ образованіе въ комиссіи по этому вопросу большинства и меньшинства. „Меньшинство стояло за раскрытіе этой формулы... за всеобщее, прямое, тайное и равное голосованіе, безъ различія пола, національностей и вѣроисповѣданія. Большинство полагало, въ особенности въ виду того, что мы говоримъ о *еди-*

ногласно выраженной и *установленной* волѣ народа, что мы поступимъ болѣе осмотрительно и осторожно, если оставимъ внесенную нами формулу, которая всего болѣе подойдетъ къ *дѣйствительно* выраженной волѣ народа; но если мы внесемъ сюда какіе-либо дополнительные признаки, то мы не сможемъ съ увѣренностью сказать не только, что это есть единодушная воля всего народа, но даже рискуемъ (!) не получить единогласія въ Думѣ, и поэтому большинство осталось при терминѣ „всеобщаго избирательнаго права".

Явный софизмъ „единодушія" и „единогласія" былъ положенъ въ основу уклоненія конституціонно-демократической партіи въ Думѣ, при обсужденіи адреса, которому придавалось больше всего именно этой партіей такое громадное *политическое* значеніе,—все въ силу той же ка-детской „тактики". Полная практическая безполезность такого пріема тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что тотъ же Набоковъ, послѣ рѣчей представителей трудовой группы, въ томъ же засѣданіи 3 мая, заявилъ—въ сущности—отъ имени своей партіи: „мы будемъ голосовать за формулу комиссіи, то-есть за всеобщее избирательное право, и въ близкомъ будущемъ вносимъ проектъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ,— правѣ равномъ, тайномъ, безъ различія пола, національностей и вѣроисповѣданій".

Если предположить, что въ этомъ заявленіи Набокова только случайно пропущено и право *прямое*, то конституціонно-демократи-

ческая партія этимъ заявленіемъ давала обѣщаніе стоять за полную формулу и—въ союзѣ съ трудовой группой и частью „безпартійныхъ"—гарантировала судьбу своего законопроекта. Тогда уступка въ пользу неопредѣленной формулы въ адресѣ теряла всякій практическій смыслъ. Если же обѣщанный Набоковымъ законопроектъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, дѣйствительно, исключалъ право *прямое*, тогда настойчивость конституціонно-демократической партіи въ сохраненіи сокращенной формулы избирательнаго права въ адресѣ имѣетъ полный практическій смыслъ, но говоритъ о мысли уклониться отъ своей оффиціальной программы, гарантировавшей и *прямое* избирательное право.

Можетъ быть, не случайно Набоковъ еще разъ—по поводу утвержденія, что „весь народъ" признаетъ полную избирательную формулу—рѣшительно подчеркнулъ: „для насъ, т.-е. для большинства, полнаго и опредѣленнаго убѣжденія въ этомъ нѣтъ"; а князь Шаховской говорилъ: „если бы вопросъ о *прямыхъ* [1]) выборахъ былъ поставленъ на голосованіе нашего (ярославскаго) крестьянства, то, конечно по недоразумѣнію, но отвѣтъ вѣроятно получился бы отрицательный". Князь Шаховской убѣждалъ Думу: „Зачѣмъ намъ подвергать баллотировкѣ этотъ вопросъ... безъ надлежащаго *выясненія*? Зачѣмъ намъ

---

[1]) Курсивъ стенографическаго отчета.

ослаблять впечатлѣніе, принимая голосованіе въ такой моментъ, когда нѣкоторые по *тактическимъ* соображеніямъ не хотятъ вносить дополненій, когда всѣ аргументы большинства здѣсь не высказаны? Мнѣ кажется, что *нужно оставить извѣстную свободу рѣшенія вопросовъ* до того момента, когда мы будемъ вырабатывать самые законопроекты... Я... не могу признать убѣдительной силу тѣхъ аргументовъ, которые мы здѣсь выслушали въ пользу прямыхъ выборовъ и политическихъ правъ женщины"...

Представитель лѣваго крыла к.-д., Френкель (Костромской губ.), даже „въ комиссіи возбуждавшій вопросъ о необходимости выступить съ развернутой формулой", въ Думѣ горячо отстаивалъ сокращенную формулу, принятую большинствомъ комиссіи, состоявшимъ изъ к.-д. и болѣе правыхъ. Вся сила аргументаціи Френкеля сводилась тоже къ „единодушію", котораго однако—по признанію самого же Френкеля—не удалось достигнуть даже въ комиссіи. Но—„мы вѣдь не можемъ судить такъ легко, какъ здѣсь судятъ... Общее заявленіе... не можетъ быть разрѣшаемо съ точки зрѣнія той горячности, которая вносится отстаивающими здѣсь другое мнѣніе"... Френкель дѣлалъ намекъ на „горячность" депутата Заболотнаго, приводившаго ариѳметическую справку: въ Россіи 140 мил. жителей, изъ нихъ 70 мил. женщинъ—„и вы, конечно, согласны—говорилъ Зоболотный—что эти 70 мил. женщинъ сто-

ятъ за свои права“. Френкель отмѣтилъ, что „этого нельзя сказать, если не считать и всѣхъ младенцевъ женскаго пола“. Въ заключеніе Френкель такъ формулировалъ „тактику“ своей партіи: „Мы желаемъ единодушія, чтобы представители Думы *полностью* высказались за адресъ, и думаемъ, что сейчасъ надо говорить *по возможности* (?) отъ лица всей Думы, а не отъ лица большинства, чтобы выставить авторитетъ и силу всего народнаго представительства, для *противовѣса* тѣмъ, которые еще не дали всеобщаго избирательнаго права по закону 11 декабря“.

Однако, противъ руководящаго центра конституціонно-демократической партіи—по этому вопросу—выступили ея же члены—Ломшаковъ и Миклашевскій. Ломшаковъ считалъ необходимымъ „сказать въ обращеніи къ Монарху о томъ, что всеобщее избирательное право должно включать въ себя полный демократическій принципъ“,—возражалъ противъ слишкомъ буквальнаго толкованія „единодушной“ воли народа, „ибо если стать на ту точку зрѣнія, что единодушно проявляющаяся воля народа непремѣнно должна заключать въ себѣ весь народъ безъ исключенія, то я не могъ бы говорить о самомъ адресѣ, а также о конституціонномъ строѣ, ибо мы знаемъ, что есть защитники неограниченнаго самодержавія, признающіе конституцію гибелью отечества... Настоящая *палата* является представительницей... большинства избравшихъ, и выраженіе „воли“ этого

большинства является дѣйствительнымъ отраженіемъ воли избирателей, воли *народа* (?). Посему я считаю для себя необходимымъ поддерживать поправку къ формулѣ о развитіи полнаго демократическаго принципа безъ какихъ бы то ни было ограниченій, включая сюда и женщинъ“.

Миклашевскій, находя, что „близкая къ намъ группа въ *парламентѣ*“ (трудовая) хочетъ поставить точку надъ і“, считаетъ, что „какъ только поставлена эта точка, такъ сейчасъ же исчезаетъ партійная дисциплина и выступаетъ на сцену партійный принципъ. Если бы сейчасъ пришлось голосовать и если бы голосовали за постановленіе комиссіи, то мы понимали бы здѣсь *въ парламентѣ*, что это значитъ. Но ясно, что это не было бы понято въ странѣ и что намъ сейчасъ бы сказали, что кадеты начинаютъ съ компромисса“ (Стенографическій отчетъ отмѣчаетъ: *Голоса*. При чемъ тутъ Государственная Дума?..). Миклашевскій указалъ, что отъ принятія сокращенной формулы выигралъ бы только Союзъ 17 октября, который тоже на предвыборныхъ собраніяхъ защищалъ „всеобщее избирательное право“.

Но если Ломшаковъ и Миклашевскій внесли диссонансъ въ единодушіе ка-детской партіи по вопросу о всеобщемъ избирательномъ правѣ, за то партія встрѣтила совершенно неожиданную поддержку со стороны... Аладьина, который согласился съ „тактикой“ ка-детовъ—для того, чтобы „мы могли ска-

зать, что дѣйствительно въ этомъ адресѣ мы ни на іоту не превзошли воли народа, чтобы мы могли сказать, что въ этомъ адресѣ встрѣтили даже *сочувствіе крайнихъ правыхъ*"...

Поэтому упорство изъ-за полной формулы Аладьинъ находилъ даже „одной изъ крупныхъ политическихъ ошибокъ, можетъ быть, наиболѣе вредныхъ для тѣхъ, для которыхъ всего дороже эта четырехчленная формула".

Нѣкоторое несочувствіе своему выступленію по вопросу объ избирательной формулѣ Аладьинъ предупредилъ словами: „Когда *мѣняешь лозунги* на практическія мѣры, въ большинствѣ случаевъ не *срываешь* апплодисментовъ. И я не думаю сорвать ихъ сегодня". За то многіе ка-деты находили выступленіе Аладьина свидѣтельствомъ пониманія имъ „политическаго такта"...

Конечно, трудовая группа въ цѣломъ рѣшительно стояла за полную формулу. Аникинъ—попутно — объяснилъ и причину „нашей слабости". Защищая *прямое* избирательное право, то самое, о которомъ почему-то умолчалъ въ своемъ заявленіи Набоковъ, Аникинъ говорилъ: „Если бы было прямое избирательное право, то я съ полнымъ правомъ могъ бы сказать, что всѣ знаютъ своего избранника, и избранъ одинъ человѣкъ, плоть отъ плоти всей народной массы. *Теперь этого нѣтъ*, и въ этомъ нашъ недостатокъ, и *въ этомъ наша слабость*. Я думаю, что мы должны это помнить, если не хотимъ быть дальше слабыми, если не хотимъ, чтобы нашъ

первый русскій парламентъ превратился въ нѣчто *жалкое* и *слабое...*“

Заболотный находилъ, что „дѣло русскаго народа находится въ страшной опасности и... какъ представитель большинства русскаго народа — крестьянства“ обращался „къ *случайному* большинству *палаты* съ ходатайствомъ отъ имени этого народа“. „Сегодняшній нашъ отвѣтъ разнесется по всей Россіи, и поникнутъ головы русскихъ крестьянъ и русскихъ рабочихъ, такъ какъ они увидятъ, что и первое русское народное собраніе, собранное не на основаніи равнаго избирательнаго права, но на основаніи *общаго* избирательнаго права, отрицаетъ ихъ права...“

Октябристы и правые, конечно, весьма охотно поддерживали призывъ ка-детовъ къ „единодушію“. Апплодисменты „сорвалъ“ прежде другихъ „безпартійный“ крестьянскій депутатъ Кругликовъ (Воронежской губ.), утверждавшій, что „женщинамъ у насъ (крестьянъ) не до общаго избирательнаго права; женщина у насъ для того, чтобы смотрѣть за хозяйствомъ, чтобы смотрѣть за дѣтьми и за печкой“.

Графъ Гейденъ говорилъ, что онъ „уполномоченъ отъ своихъ товарищей по губерніи заявить, что они не раздѣляютъ мнѣнія г. Заболотнаго, что безъ прямой, равной, тайной и всеобщей подачи голосовъ *нельзя жить* (!); они находятъ, что можно жить и при *всеобщей* подачѣ голосовъ, и житейскій опытъ находитъ, что не нужно еще непремѣнно

распространять равныя права и на женщинъ...“

Князь Волконскій откровенно заявилъ, что онъ „предпочитаетъ“ редакцію комиссіи полной формулѣ. „Если вы не желаете *насиловать* насъ, не пришедшихъ къ этому убѣжденію, то лучше было бы остаться при предложеніи комиссіи“. То же — своего рода „тактика“—со стороны „меньшинства!..“

Изъ „партіи“ демократическихъ реформъ высказался только Федоровскій, конечно—за редакцію комиссіи. Признавая, что „внѣ сомнѣнія, ничего не можетъ быть стройнѣе и цѣльнѣе, какъ четырехгранная формула“, Федоровскій однако „по долгу совѣсти“ утверждалъ, что „не всѣ, кто послалъ меня, раздѣляютъ мой взглядъ; есть противники четырехчленной формулы, а не только (!) съ добавленіемъ „безъ различія *національности, вѣры* и пола“. „Я, какъ личность, имѣю право вѣрить въ то, что составляетъ мое божество, но своихъ боговъ я навязывать другимъ не могу, и здѣсь заявляю, что многіе молятся инымъ богамъ...“ Поэтому, Федоровскій за „единодушіе“...

Такъ побѣдило ка-детское единодушіе въ борьбѣ противъ „полнаго демократическаго принципа“, хотя бы только въ „написанныхъ Думой пяти страницахъ“ адреса, препровожденнаго „при всеподданнѣйшей запискѣ“ предсѣдателя Думы.

За то, необыкновенную твердость обнаружила конституціонно-демократическая партія

въ вопросѣ объ отвѣтственномъ министерствѣ, правда — уже по отношенію только къ противникамъ справа, а не по отношенію къ друзьямъ слѣва.

Мы привели уже выше тотъ отрывокъ адреса, въ которомъ говорилось объ отвѣтственности министровъ передъ народнымъ представительствомъ. Дальше слѣдовало: „Государь, только перенесеніе отвѣтственности передъ народомъ на министерство можетъ укрепить въ умахъ мысль о *полной безотвѣтственности Монарха;* только министерство, пользующееся довѣріемъ большинства Думы, *можетъ* укрѣпить довѣріе къ правительству, и лишь при такомъ довѣріи возможна спокойная и правильная работа Государственной Думы. Но прежде всего необходимо освободить Россію отъ дѣйствія тѣхъ чрезвычайныхъ законовъ — усиленной и чрезвычайной охраны и военнаго положенія,—подъ прикрытіемъ которыхъ особенно развилось и продолжаетъ проявляться самовластіе безотвѣтственныхъ чиновниковъ".

Противъ отвѣтственности министерства передъ народнымъ представительствомъ выступилъ Стаховичъ. „Я не сторонникъ, особенно въ настоящее время (?), парламентарнаго режима для Россіи... Еще Бисмаркъ говорилъ, что отвѣтственность передъ палатою — самое удобное условіе для безсовѣстнаго министра. Случайно или ловко проведя любую гадость, министръ покрытъ голосованіемъ палаты, т.-е. одобреніемъ народа".

Этому софизму Стаховичъ не противопоставилъ объясненія того, чѣмъ и какъ покрываются „любыя гадости“ министровъ при отсутствіи парламентарнаго режима. Вмѣсто этого онъ сталъ говорить о томъ, что „бываютъ даже цѣлые періоды государственной жизни, когда не сущность (?) вопроса царитъ и рѣшаетъ дѣло въ палатахъ, а возбужденіе политическихъ страстей“.

Что имѣлъ при этомъ въ виду Стаховичъ, онъ такъ и не выяснилъ. Повидимому, онъ признавалъ „возбужденіе политическихъ страстей“ и въ настоящее время, въ первой Думѣ, а потому говорилъ: „Будущее себя покажетъ; тогда мы, *можетъ быть*, будемъ имѣть убѣдительныя основанія ходатайствовать (!) о присвоеніи намъ права верховнаго управленія Россіей, но покуда Дума себя не выказала на дѣлѣ, я считаю эту *претензію* преждевременной. Мы только *свяжемъ руки Государю*, если, какъ лойяльный *конституціонный* Монархъ, онъ будетъ слѣдовать нашимъ голосованіямъ и мѣнять министерства послѣ каждаго провала... Мы такъ ревниво переимчивы (!), что—я не сомнѣваюсь—переймемъ и этотъ обычай (смѣны министерствъ) уже за то, что онъ чужой... Я стою за упрощеніе и ускореніе какъ запроса, такъ и контроля за министрами, но на первое время не считаю возможнымъ подчинить ихъ Думѣ, а не Государю“...

Причину „ужасовъ и неправдъ прошлаго режима“ Стаховичъ видитъ „не въ томъ, что

Царь потакалъ министрамъ, или сочувствовалъ имъ, а въ томъ, что Царь *не зналъ*, что некому было уличать передъ нимъ этихъ беззаконниковъ и насильниковъ. Теперь мы должны *и можемъ* обличать виноватаго или нерадиваго (!) правителя передъ Монархомъ,... не отнимая верховнаго правленія у Верховной Власти, не требуя отвѣтственности министровъ передъ Думой"...

Первымъ противъ Стаховича выступилъ Федоровскій—изъ партіи демократическихъ реформъ. „Я вѣрилъ въ возможность мирной работы. Но... картины крови, труповъ... сотни и тысячи заключенныхъ... Кто отвѣтственъ за это? Если принять предложеніе Стаховича, то отвѣтственнымъ должно явиться лицо, стоящее на вершинѣ власти. Я глубоко протестую противъ этого! Исполнительная власть, вотъ кто отвѣтственъ за все то, что совершается. Особа Монарха царитъ надъ всѣмъ. Монархъ царствуетъ, но не управляетъ,—такова формула"!..

Винаверъ находилъ, что „не только съ точки зрѣнія безотвѣтственности Монарха, но *преимущественно съ точки зрѣнія интересовъ народа* слѣдуетъ самымъ энергичнымъ образомъ протестовать противъ предложенія, внесеннаго представителемъ Орловской губерніи, въ немъ слышатся давно знакомые звуки—народу мнѣніе, Царю власть".

Высказавши эту достаточно опредѣленную мысль, Винаверъ однако спѣшитъ укрѣпить свою позицію и на „точкѣ зрѣнія безотвѣт-

ственности Монарха", гдѣ аргументація его уже далеко не такъ убѣдительна: „*Нельзя* говорить о томъ, что Монархъ будетъ стѣсненъ въ исполненіи своихъ функцій, Монархъ *не можетъ быть стѣсненъ* въ томъ, что онъ будетъ прямо знать волю народа, не будетъ стѣсненъ, потому что *мы исходимъ изъ предположенія*, что его воля согласна съ волей народа. Изъ-за этого (? Изъ-за чего?) не стоитъ сохранять всѣ перспективы и призраки убитыхъ тѣлъ (?), а нужно опредѣленно поставить вопросъ въ Государственной Думѣ... Мы собрались не только для того, чтобы писать законы объ устройствѣ земли русской, но и для того, чтобы *доказать* (!) Монарху, что порядокъ будетъ только тогда, когда его министры будутъ дѣйствовать согласно съ волей страны и народа. Если мы не добьемся власти этимъ путемъ (? Путемъ „доказательства" ?), то безспорно, не только всѣ наши благія пожеланія будутъ низведены, но даже право запроса падетъ въ бездну".

Другой представитель конституціонно-демократической партіи, проф. Карѣевъ, возражалъ Стаховичу съ исторической точки зрѣнія, находя большое сходство переживаемаго Россіей момента съ 1789 годомъ во Франціи, когда Мирабо основной своей задачей считалъ „образованіе парламентарнаго министерства, которое было бы соединительнымъ звеномъ между монархомъ и народными представителями"... „Мы переживаемъ такой моментъ, когда *только полное единеніе Монарха*

и націи можетъ вывести страну изъ того историческаго тупика, въ который она попала"... при томъ—даже „безъ всякихъ внутреннихъ столкновеній между отдѣльными властями",—какъ это возможно будетъ при парламентарномъ министерствѣ.

Особенно рѣшительнымъ и отчетливымъ сторонникомъ парламентаризма выступилъ князь Шаховской, возражавшій ранѣе противъ возможности единодушія въ вопросѣ о прямомъ избирательномъ правѣ. Отвѣтственное министерство гораздо ближе сердцу князя Шаховского: „Я считаю разбираемый вопросъ *самымъ центральнымъ* во всемъ адресѣ, и не только во всемъ адресѣ, но я считаю, что тѣ мысли, которыя здѣсь изложены, являются самыми коренными во всей дѣятельности Государственной Думы... Подчинить министровъ Думѣ—*только* (!) въ этомъ наша задача, въ этомъ главная потребность страны. (*Апплодисменты*). А *какъ мы это сдѣлаемъ? Мы еще не знаемъ*, но отказаться отъ этого, отъ выраженія необходимости справиться съ этой задачей, было бы равносильно лишить нашъ адресъ всякаго содержанія".

Шаховской находилъ, что „мысль эта выражена въ адресѣ" даже „недостаточно сильно", и былъ во всякомъ случаѣ противъ смягченія ея. Князь Шаховской бросаетъ упреки въ сторону „русскихъ славянофиловъ". Они готовы опоэтизировать прошлое русскаго народа, мечтать о его будущемъ, но когда дѣло подходитъ къ настоящему, мы отъ нихъ

всегда видимъ презрѣніе къ русскому народу... Я думалъ, что суровая дѣйствительность самаго неисправимаго мечтателя все-таки убѣдитъ въ томъ, что *въ томъ слоѣ, изъ котораго министерства созидаются, больше ничего не осталось*"...

Возражаетъ Стаховичу князь Шаховской и на удѣленіе имъ Думѣ только одной законодательной и отчасти контролирующей роли: „Когда мы будемъ чувствовать отвѣтственность за исполненіе этихъ законовъ, мы дѣйствительно будемъ законодателями настоящими, и только при этихъ условіяхъ мы можемъ сдѣлать свою работу не чѣмъ-то отвлеченнымъ, безсильнымъ, преисполненнымъ только юношескаго жара, а дѣйствительно полезнымъ дѣломъ для всей страны".

Носившая дѣловой, трезвый, парламентскій характеръ рѣчь князя Шаховского совершенно не касалась скользкой почвы — полной безотвѣтственности Монарха и единенія его съ народомъ,—отъ которой не удержался или не могъ удержаться Винаверъ.

Рѣчь М. Ковалевскаго представляла цѣлую лекцію объ отвѣтственности министровъ и безотвѣтственности Монарха. „Было бы неосторожностью съ нашей стороны отказываться отъ постановки въ отвѣтномъ адресѣ вопроса о *политической* отвѣтственности министровъ, когда, повидимому, *тѣ*, которые руководятъ нашими судьбами, *сами начинаютъ понимать* всю опасность того положенія, при которомъ министры отвѣтственны (?) только

передъ судомъ (?) и неотвѣтственны политически передъ палатой. Эта *опасность* троякаго рода: опасность *для Монарха*, опасность для совѣта министровъ, опасность для палаты". Въ Англіи только съ установленія политической отвѣтственности министровъ, т.-е. не ранѣе середины 18 вѣка, формула „король не можетъ дѣлать зла" получила „*дѣйствительный* смыслъ и значеніе". А формула эта означала, что „король, какъ и всякій человѣкъ, можетъ совершать акты неодобрительные и даже *преступные*, но отвѣтственность за эти акты несутъ министры, выражающіе свою отвѣтственность путемъ скрѣпы этихъ актовъ".

Опредѣливъ такимъ образомъ понятіе „безотвѣтственности Монарха", Ковалевскій еще подчеркиваетъ его: „Монархъ долженъ парить надъ партіями. Его нельзя дѣлать отвѣтственнымъ за измѣнчивое направленіе политики, — отвѣтственность за него несутъ министры. Его имя продолжаетъ оставаться предметомъ *общаго* уваженія *и тогда*, когда его подданные начинаютъ страдать отъ политики его министровъ,"—такъ какъ устранить эти страданія долженъ парламентъ. „Какое бы измѣненіе въ политикѣ ни послѣдовало, и какіе бы люди ни стояли у кормила правленія, *никакая* тѣнь не падаетъ на Монарха, и все зло, причиненное политикой его правительства, считается падающимъ на самое это правительство. Такимъ образомъ, политическая отвѣтственность министровъ

ослабляетъ или сводитъ до ничего отвѣтственность Монарха передъ народомъ".

Къ чему сводится при этомъ роль Монарха въ глазахъ народа и значеніе его въ государственной жизни, Ковалевскій не выяснилъ.

Что касается удобства политической отвѣтственности для самихъ министровъ, выражающейся въ фактѣ скрѣпы ими всѣхъ указовъ и личныхъ повелѣній Государя, то она „имѣетъ еще то важное значеніе въ ихъ глазахъ (помимо свободы отъ уголовнаго суда), что она даетъ имъ относительную свободу по отношенію къ Монарху", какъ это „прекрасно выразилъ Гладстонъ". Не желая принимать на себя отвѣтственности за скрѣпу извѣстнаго акта, министръ можетъ настаивать передъ государемъ на своей отставкѣ.

Наконецъ, политическая отвѣтственность министровъ имѣетъ существенное значеніе и для палаты. „До тѣхъ поръ, пока у васъ будетъ увѣренность, что вы можете быть *только критикой существующихъ въ Россіи нестроеній,* вы не будете устанавливать справедливыя *границы между легко осуществимыми* и вполнѣ назрѣвшими *реформами* и тѣми реформами, которыя отвѣчаютъ вашимъ *отвлеченнымъ* политическимъ и общественнымъ идеаламъ... Разъ вы будете близки къ власти и той отвѣтственности, которую она создаетъ, вы не позволите себѣ настаивать на ближайшемъ принятіи тѣхъ или другихъ программъ, которыя въ дѣйствительности неосуществимы при данныхъ условіяхъ"...

Конечно, Ковалевскій не объясняетъ болѣе опредѣленнымъ образомъ, что онъ понимаетъ подъ *осуществимостью и неосуществимостью* реформъ, и его мысль остается безъ реально-руководящаго начала, положительное ея значеніе уменьшается.

Мысль эта, въ свое время—если бы Дума дѣйствительно перешла къ законодательной работѣ, могла бы послужить только еще однимъ основаніемъ для той „тактики", какой отличалась конституціонно-демократическая партія въ первой Думѣ. Партія, несомнѣнно, воспользовалась бы мыслью своего „друга справа".

„Вы видите такимъ образомъ—говорилъ Ковалевскій въ заключеніе своей рѣчи,—что со всѣхъ сторонъ политическая отвѣтственность есть необходимость въ настоящее время. *Трудно существованіе монархіи безъ политической отвѣтственности.* Одно изъ главныхъ различій между *монархіей* и *республикой* есть въ настоящее время то, что *президентъ республики отвѣтственъ передъ народомъ*, тогда какъ *монархъ передъ народомъ безотвѣтственъ*, такъ какъ отвѣтственность за всѣ его дѣйствія падаетъ на министровъ".

Не объясняя, къ чему ведетъ устанавливаемое имъ различіе между монархіей и республикой, Ковалевскій просто продолжаетъ: „Такъ какъ большинство изъ васъ—монархисты, такъ какъ вы *не представляете* себѣ возможности въ настоящее время другого образа правленія въ Россіи, какъ конститу-

ціонная монархія, вы остановитесь, по всей вѣроятности, на той мысли, что лучшее средство обезпечить мирное существованіе конституціонной монархіи, это—внести парламентскую или политическую отвѣтственность министровъ".

Текстъ адреса объ отвѣтственности министровъ передъ народнымъ представительствомъ былъ принятъ въ редакціи комиссіи. Поправка Стаховича, говорившая о „сохраненіи отвѣтственности министровъ передъ Государемъ Императоромъ", была отвергнута всей палатой—противъ 14-ти.

Дальнѣйшій поводъ къ партійнымъ столкновеніямъ дало то мѣсто адреса, въ которомъ говорилось о Государственномъ Совѣтѣ. Принята была Думой такая редакція:

„Рядомъ съ укорененіемъ начала отвѣтственности администраціи передъ избранниками народа, для плодотворной дѣятельности Государственной Думы необходимо опредѣленное проведеніе основного начала *истиннаго* народнаго представительства, *состоящаго* въ *томъ*, что только единеніе Монарха съ народомъ является источникомъ законодательной власти. Поэтому *всѣ средостѣнія* между Верховною Властью и народомъ *должны* быть устранены. Не можетъ также быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народнаго представительства въ единеніи съ Монархомъ. Государственная Дума считаетъ долгомъ совѣсти заявить Вашему

Императорскому Величеству отъ имени народа, что весь народъ только тогда съ истинною силою и воодушевленіемъ, съ истинною вѣрою въ близкое преуспѣяніе родины будетъ выполнять творческое дѣло обновленія жизни, когда между нимъ и престоломъ не будетъ стоять Государственный Совѣтъ, составленный изъ назначенныхъ сановниковъ и выборныхъ отъ высшихъ классовъ населенія, когда установленіе и взиманіе налоговъ и податей будетъ подчинено волѣ народнаго представительства и когда никакими особыми узаконеніями не будетъ положенъ предѣлъ законодательной компетенціи народнаго представительства".

И форма, и содержаніе этого отдѣла адреса особенно ярко свидѣтельствуютъ о политическомъ безсиліи первой Думы. То мѣсто, гдѣ Дума намекала на необходимость отмѣнить изданные 23 апрѣля новые основные законы, можно найти только по догадкамъ, и несомнѣнно, что „весь народъ", который „съ истинною силою и воодушевленіемъ... будетъ выполнять творческое дѣло обновленія жизни", такъ и не разберется, въ какихъ именно словахъ своего адреса, Дума подчеркивала необходимость отмѣны новыхъ основныхъ законовъ, въ которыхъ многіе депутаты усматривали „вызовъ" и „насмѣшку" надъ народными представителями. А эти слова таковы: „*Не можетъ также быть* той области законодательства, которая была бы *навсегда* закрыта *свободному* (?) пересмотру народнаго предста-

вительства *въ единеніи съ Монархомъ*". Послѣднія подчеркнутыя слова вставлены, конечно, изъ дипломатическихъ соображеній: вѣдь извѣстно, что *всю* свою работу Дума предполагала совершать „въ единеніи съ Монархомъ" и повторять это въ каждомъ частномъ случаѣ не было надобности; но чтобы *смягчить* до возможной степени вторженіе Думы въ ту область, которая—казалось бы—должна относиться къ „прерогативамъ конституціоннаго Монарха", комиссія и вставила эти усиленно подчеркивающія единеніе Думы съ Монархомъ слова. Фактически проявившееся стремленіе Думы къ „учредительнымъ функціямъ" тщательнѣйшимъ образомъ было замаскировано въ цвѣтистыхъ описательныхъ формахъ выраженія адреса.

Чѣмъ руководствовалось большинство комиссіи, прибѣгая къ этому замаскировыванію, къ этой вѣрноподданнической цвѣтистости и къ уклончивой описательности, всего лучше показываютъ откровенныя слова докладчика комиссіи, Набокова, сказанныя имъ въ засѣданіи 3 мая по поводу одной изъ поправокъ М. Ковалевскаго: „По одному изъ нихъ (предложеній М. Ковалевскаго), относительно *права почина закона*, сужденіе было еще третьяго дня, и комиссія показала, что намъ не нужно, *въ нашихъ же интересахъ*, указывать въ адресѣ, что мы *считаемъ* наше право почина связаннымъ. *Въ нашихъ интересахъ—считать*, что право почина закона *принадлежитъ* намъ въ *полномъ* объемѣ, и

если законъ въ статьяхъ 55-й и 57-й учрежденія Государственной Думы насъ *формально* (?) связываетъ, то мы *полагали*, что *отъ насъ же зависитъ* расширить эти путы, *обойти* (!) ихъ и воспользоваться этимъ правомъ въ полномъ размѣрѣ. Если же мы эти ограниченія внесемъ, то мы лишимъ себя возможности воспользоваться этимъ правомъ до тѣхъ поръ, пока *сверху* это право не будетъ расширено. Такимъ образомъ мы считали *политически* болѣе цѣлесообразнымъ, болѣе соотвѣтствующимъ нашимъ ближайшимъ задачамъ—объ этомъ *не упоминать въ адресѣ*, *а осуществлять на дѣлѣ*".

Вотъ какой путь „большинство" считало „политически болѣе цѣлесообразнымъ"—путь искуснаго „обхода" закона, путь расширенія рамокъ этого закона „осуществленіемъ" своихъ „правъ" „на дѣлѣ", хотя „формально" эти „права" и не существуютъ... У „большинства" не хватало смѣлости называть вещи своими именами, не хватало смѣлости открыто заявить, что оно не „обходитъ" законы, а признаетъ ихъ просто „политически не цѣлесообразными" и, подчиняясь волѣ народа, присваиваетъ себѣ право на „учредительныя функціи", почему и „расширяетъ" законъ. Вмѣсто этого—путь бюрократической изворотливости и фальшивой цвѣтистости, смѣшанной, однако, съ достаточной дозой той смѣлости, которая по праву могла бы принадлежать только истиннымъ избранникамъ народа, считающимъ волю народа единствен-

нымъ и высшимъ источникомъ своей законодательной власти.

Такъ отнеслось большинство комиссіи и Думы къ праву почина закона, къ праву измѣненія основныхъ законовъ и вообще къ вопросу объ отношеніи Думы къ Верховной Власти въ законодательной области. Недостатокъ прямоты и „искренности", о которой съ такой теплотой говорили ораторы большинства, слишкомъ уже очевиденъ въ этомъ, наиболѣе щекотливомъ, пунктѣ: большинство не рѣшилось открыто сказать объ „учредительныхъ функціяхъ", съ которыми оно шло въ Думу.

Болѣе рѣшительнымъ, конечно, оказалось отношеніе большинства къ отдѣльнымъ пунктамъ того цѣлаго—новыхъ основныхъ законовъ,—противъ котораго, больше путемъ обходовъ, выступало большинство Думы. Но и здѣсь отношеніе вылилось въ нѣсколько неопредѣленныя формы, конечно, по совершенно другимъ причинамъ и соображеніямъ.

Докладчикъ комиссіи, Набоковъ, такъ формулировалъ отношеніе комиссіи къ поправкамъ о Государственномъ Совѣтѣ: „По вопросу о Государственномъ Совѣтѣ въ комиссіи явилось разногласіе. Комиссія полагала, что та формула, которая есть въ адресѣ, соотвѣтствуетъ мыслямъ комиссіи и Думы. Я думаю, что мы здѣсь не возбуждаемъ вопроса о верхней палатѣ, мы говоримъ о томъ Государственномъ Совѣтѣ, который созданъ по закону 20 февраля, и нами вообще было под-

черкнуто, что мы возражаемъ противъ Государственнаго Совѣта, составленнаго неправильнымъ образомъ и не являющагося *народнымъ* представительствомъ; какъ мы отнесемся къ другому, *преобразованному* совѣту—это *вопросъ будущаго*, который въ постановленіи не затронутъ. Но меньшинство полагало, что нужно эти слова исключить и ограничиться словомъ „Государственный Совѣтъ", а М. М. Ковалевскій предлагаетъ внести указаніе на то, что Государственный Совѣтъ по природѣ своей представляетъ административное учрежденіе, и какъ таковое, оно не можетъ обладать законодательными функціями. Комиссія находила, что указаніе на „административную природу" Государственнаго Совѣта можетъ возбудить недоразумѣнія".

Ковалевскій, однимъ изъ первыхъ обстоятельно говорившій о Государственномъ Совѣтѣ, разсматривая его, какъ учрежденіе административное, однако, нисколько не былъ противъ „верхней палаты". Находя, что „Государственный Совѣтъ, сколько бы его ни восполняли временными выборными, никогда не можетъ сдѣлаться верхней палатой", Ковалевскій продолжалъ: „но отрицая Государственный Совѣтъ, какъ товарища въ осуществленіи законодательной власти, вы въ то же время не должны порождать сомнѣніе въ томъ, что признаете возможнымъ существованіе только единой камеры, дѣйствующей въ согласіи съ Царемъ. Не мнѣ повторять

то, что въ настоящее время считается труизмомъ. Деспотизмъ возможенъ и при единой камерѣ, хотя бы она была составлена изъ лучшихъ элементовъ, хотя бы она была однородна въ своемъ составѣ и не подчинялась никакимъ внѣшнимъ вліяніямъ. Деспотизмъ возможенъ всюду, гдѣ власть остается неограниченной. *Вотъ почему (?!)* всегда считалось желательнымъ, еще со временъ Бенжамена Констана, чтобы рядомъ съ нижней палатой существовала *и верхняя камера*, не имѣющая всѣхъ функцій нижней палаты, напр., въ дѣлѣ финансовомъ, не имѣщая права участвовать въ измѣненіи бюджета, но въ то же время надѣленная *широкимъ* правомъ *контроля* надъ осуществленіемъ нижней палатой ея законодательныхъ функцій".

Ковалевскій—умышленно или неумышленно, сказать трудно—въ своей обстоятельной рѣчи не коснулся однако вопроса о *составѣ* верхнихъ палатъ въ западно-европейскихъ конституціяхъ, о *классовомъ* характерѣ этихъ палатъ и о борьбѣ, которую ведутъ противъ этихъ палатъ партіи, защищающія интересы трудящихся классовъ. Въ другой своей рѣчи, 4 мая, Ковалевскій выступилъ съ защитой Государственнаго Совѣта даже въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ Россіи въ настоящее время: „Я полагаю, что Государственный Совѣтъ не только полезенъ, но и необходимъ... Государственный Совѣтъ всюду существуетъ и призванъ быть высшимъ административнымъ совѣтомъ; какъ

высшій административный совѣтъ онъ осуществляетъ собой ту высшую и отвѣтственную функцію, какой является *изданіе согласнаго законимъ указа* и подводящаго подъ его нормы цѣлый рядъ однохарактерныхъ случаевъ, имъ прямо не предусмотрѣнныхъ... Въ нашихъ новыхъ основныхъ законахъ говорится, какъ вы знаете, что въ промежутокъ между сессіями нашей Государственной Думы, промежутокъ, который можетъ быть *весьма продолжителенъ*, Россія будетъ управляться временными правилами или указами. *Остается* (!) пожелать, чтобы временныя правила, указы и повелѣнія, издаваемы были не иначе, какъ при участіи Государственнаго Совѣта, *восполненнаго* (!) общественными элементами".

Такъ легко примирялся проф. Ковалевскій съ „восполненнымъ" Государственнымъ Совѣтомъ и съ „весьма продолжительными" промежутками между сессіями Думы. Политическая мысль его, въ иныхъ случаяхъ настроенная радикальнѣе мысли к.-д., здѣсь почему-то шла назадъ, въ сторону существеннаго примиренія съ господствомъ бюрократически-сословнаго и классового высшаго государственнаго учрежденія, которому онъ готовъ былъ отвести такую серьезную—для переходнаго времени, переживаемаго Россіей—политическую роль. Этой уступки не искупаетъ настойчивость Ковалевскаго въ отрицаніи законодательныхъ функцій Государственнаго Совѣта: „Я рѣшительно отка-

зываю ему въ участіи на равныхъ правахъ съ Думой въ осуществленіи власти законодательной. Замѣтьте, какую опасность представляетъ такое смѣшеніе властей,—вспомните, что *всякій поворотъ къ неограниченному образу правленія всегда былъ связанъ съ усиленіемъ, съ подчеркиваніемъ законодательныхъ функцій Государственнаго Совѣта*". Такова была роль Государственнаго Совѣта въ первой и второй имперіи во Франціи. „Что представляла собой такъ называемая *Конституція графа Лорисъ-Меликова?*—Да ни болѣе, ни менѣе, какъ оставленіе въ рукахъ Государственнаго Совѣта законодательныхъ функцій съ восполненіемъ его нѣкоторыми общественными элементами, выборными отъ земствъ! То же самое въ болѣе распространенномъ видѣ мы имѣемъ въ настоящее время"...

У Ковалевскаго при этомъ не возникаетъ опасенія, что Государственный Совѣтъ и при той роли, какую онъ ему отводитъ, можетъ явиться соблазномъ для „поворота къ неограниченному образу правленія"...

Эта странная—въ устахъ М. Ковалевскаго—уступчивость въ сторону Государственнаго Совѣта такъ и осталась не объясненной въ рѣчахъ этого оратора первой Думы и какъ-то мало вяжется съ его энергичнымъ выступленіемъ въ защиту, напр., бюджетныхъ правъ Думы: „По моему мнѣнію, обѣщанія манифеста 17 октября, „что впредь въ Россіи не будетъ законовъ безъ Думы", не на-

ходятъ себѣ осуществленія въ тѣхъ нормахъ, которыя говорятъ о бюджетномъ правѣ Думы... Если вы дорожите тѣмъ, чтобы распоряженіе народнымъ кошелькомъ находилось въ вашихъ рукахъ и если вы намѣрены исполнить вашу *прямую обязанность передъ народомъ*, именно—нормальное распредѣленіе податныхъ тягостей, то *не выпускайте изъ вашихъ рукъ* эту драгоцѣнную власть, *власть*, которая принадлежитъ вамъ *по праву*, такъ какъ вы представляете собой массу плательщиковъ... Вы не можете упускать изъ рукъ другого права — права предоставить Думѣ, чтобы взимаемы были съ народа только тѣ налоги и только на тѣ расходы, которые будутъ созданы или утверждены вами. Я *протестую* противъ того правила, по которому, если новый бюджетъ не будетъ принятъ вами къ сроку, можно будетъ взиманіе налоговъ съ населенія производить на основаніи стараго бюджета, бюджета прошлаго года. Это право *вы не можете признать*, это есть *нападеніе* на существенные аттрибуты законодательной власти, признанной за вами манифестомъ 17 октября".

Это уже языкъ чуть не члена Учредительнаго Собранія, а не тотъ языкъ, какимъ М. Ковалевскій говорилъ о „полезности и необходимости" Государственнаго Совѣта.

Такъ же рѣшительно настаивалъ Ковалевскій „на необходимости *требовать* и для себя и для всего этого собранія тѣхъ правъ, которыхъ оно не имѣетъ и безъ которыхъ оно

не можетъ осуществить возложенныхъ на него надеждъ всего населенія",—въ частности также и „права петиціи" (засѣданіе 3 мая). По поводу послѣдняго предложенія Аладьинъ, въ засѣданіи 4 мая, сказалъ: „Права петиціи, мнѣ кажется, *не просятъ*, его просто—*берутъ*... Это право—наше; мы его будемъ такъ или иначе реализовать въ жизни. Я не думаю, чтобы мы нуждались въ какой бы то ни было санкціи для этого права"... Поправка о правѣ петиціи была однако включена въ адресъ.

Но возвратимся къ ходу преній о Государственномъ Совѣтѣ. Еще въ засѣданіи 2 мая ораторъ трудовой группы, Рыжковъ, говорилъ: „Указаніе на то, что Государственный Совѣтъ есть средостѣніе, не есть укоръ, а есть большая справедливость; это есть указаніе на то, что въ новую постройку ставятся гнилыя и старыя бревна, которыя будутъ портить все зданіе. Это необходимо указать. Мы знаемъ, изъ кого состоитъ Совѣтъ, мы знаемъ, что кресла въ Государственномъ Совѣтѣ наполовину заполнены людьми, которые проводили въ жизнь временныя правила и законы, которые мѣшали развиваться русской мысли; поэтому мы не можемъ не указать на то, что это не должно быть въ дальнѣйшемъ развитіи этой *мысли* (?). Вотъ почему, *если бы мы примирились* съ существованіемъ Государственнаго Совѣта наряду съ Думой, то должны сказать, что онъ долженъ пополняться на тѣхъ же началахъ, какъ Государственная

Дума, т.-е. на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія: это не должно быть классовое учрежденіе, если его надо признавать, хотя я думаю, что можно было бы обойтись и безъ него".

Съ такой же точки зрѣнія разсматривалъ Государственный Совѣтъ другой представитель трудовой группы, Заболотный, въ засѣданіи 4 мая: „Въ прошломъ это было административное учрежденіе. Это былъ душитель народныхъ правъ"... Находя, что Государственный Совѣтъ есть самое главное, самое основное „средостѣніе", Заболотный приглашалъ Думу не впадать въ логическое противорѣчіе при упоминаніи въ адресѣ о „всѣхъ" средостѣніяхъ, не настаивая на устраненіи этого главнѣйшаго. Меркуловъ (Курской губ.) предлагалъ поправку: „Государственный Совѣтъ, или какое-либо другое учрежденіе, играющее роль второй палаты". Такъ же энергично, но безъ мотивировки, возставалъ противъ Государственнаго Совѣта и еще одинъ членъ трудовой группы, крестьянскій депутатъ Кукановъ (Орловской губ.). Отъ имени рабочихъ московскій депутатъ Савельевъ заявилъ Думѣ, что рабочіе „никогда не допустятъ никакого Государственнаго Совѣта и никакой второй палаты". Такъ же коротко и рѣшительно отнесся къ Государственному Совѣту и другой рабочій депутатъ Московской губерніи, Чурюковъ: „правительству нужна была Дума, а еще нужнѣе, чтобы она была безправна, но и это безправіе ограждено

всякими законами во главѣ съ Государственнымъ Совѣтомъ... состоящимъ... изъ крупныхъ эксплоататоровъ трудящихся массъ... Не поддадимся же на хитрости правительства!..“ Членъ трудовой группы, крестьянскій депутатъ Назаренко (Харьковской губ.) говорилъ: „Цѣль Думы заключается въ томъ, чтобы осуществить возможность обиженному искать правды, бѣдному дать возможность жить по-человѣчески. Для осуществленія этихъ стремленій Думѣ придется бороться именно съ тѣми, кто не даетъ возможности... осуществить это. Намъ непремѣнно *придется встрѣтиться* съ богатымъ, *съ волею богатыхъ*, потому что эти элементы находятся въ Государственномъ Совѣтѣ... Совѣтъ будетъ тормозить и не давать Думѣ возможности во всей полнотѣ провести желаніе народа“...

Рабочій депутатъ Ильинъ (Псковской губ.), отъ имени рабочихъ, протестовалъ „не только противъ Государственнаго Совѣта, но и противъ всего этого адреса“. Депутатъ Онипко категорически возставалъ противъ Государственнаго Совѣта, или учрежденія, которое имѣетъ цѣлью не „предотвратить незрѣлость законодательныхъ актовъ“, какъ говорятъ сторонники двухпалатной системы, а лишь „держать на уздѣ нижнюю палату и не допускать въ ней демократизма“.

Наконецъ, упомянемъ о нѣсколько оригинальномъ протестѣ противъ Государственнаго Совѣта со стороны члена конституціонно-демократической партіи, Киселева (Пензенской

губ., изъ крестьянъ). Находя, что Государственный Совѣтъ „намъ пока не нуженъ", а „если бы онъ оказался намъ нуженъ, то пусть его выберетъ народъ, а не тѣ, кто его выбралъ сейчасъ", Киселевъ отразилъ стремленіе другихъ ораторовъ ссылаться на иностранные порядки такимъ заключеніемъ своей рѣчи: „Я ѣхалъ сюда съ твердой увѣренностью, что не мы будемъ учиться у Запада, а пусть поучится Западъ у насъ!"

Посмотримъ однако, какъ отнеслись къ Государственному Совѣту другіе ораторы конституціонно-демократической партіи, болѣе точно отражающіе ея взгляды.

Котляревскій выступилъ въ качествѣ сторонника и защитника двухпалатной системы, для котораго „самый вопросъ (объ однопалатной системѣ) далеко еще не опредѣлился. Есть *весьма большія* группы лицъ, *демократическія* убѣжденія которыхъ *ни въ коемъ случаѣ* не могутъ быть заподозрѣны, которыя стремятся внести все то, что послужитъ не къ ослабленію народнаго представительства, а къ его усиленію, и которыя все-таки отстаиваютъ двухпалатную систему, какъ условіе, при которомъ и можетъ энергично развиваться политическая свобода... Я лично сторонникъ двухпалатной системы, при чемъ вторая палата должна также являться демократическимъ представительствомъ, но по моему убѣжденію сейчасъ возбуждать этотъ вопросъ невозможно уже потому, что этотъ пунктъ *въ высшей степени сложенъ*, наша же задача го-

раздо болѣе проста"... Государственный Совѣтъ въ данной его организаціи совершенно не удовлетворяетъ и сторонниковъ двухпалатной системы,—даже болѣе того: „закономъ 20 февраля 1906 г. именно тому теченію политической мысли въ Россіи, которое стояло за двухпалатную систему, нанесенъ былъ страшный ударъ. Государственный Совѣтъ, по установленному закономъ его составу, совмѣщаетъ всѣ черты, присущія самымъ худшимъ вторымъ палатамъ Западной Европы.... и всѣ эти черты будутъ въ высшей степени затруднять дѣло защиты двухпалатной системы тогда, когда придется отстаивать ее при созданіи окончательнаго политическаго порядка въ Россіи. Многіе *предразсудки*, имѣющіе весьма сильное психологическое значеніе, заключаютъ въ себѣ мысль, что верхняя палата, имѣетъ единственной цѣлью тормозить дѣйствіе нижней, что верхняя палата, являясь представительствомъ классовымъ, обрѣзываетъ и ослабляетъ размахъ соціальнаго законодательства нижней палаты. Многіе изъ этихъ *предразсудковъ*,—дѣйствительно, есть всѣ основанія опасаться,—получатъ выраженіе въ практикѣ Государственнаго Совѣта",—почему Котляревскій и стоялъ за редакцію коммиссіи, неостанавливаясь на доказательствахъ того, что „предразсудки" относительно второй палаты не основательны.

Князь Шаховскій тоже находитъ вопросъ „спорнымъ" и даже не можетъ „себѣ представить, *какъ* можетъ кто-нибудь въ этой за-

лѣ ожидать отъ Думы, чтобы она высказалась по вопросу о томъ, быть ли у насъ однопалатной или двухпалатной системѣ представительства, безъ *самаго подробнаго* обсужденія этого вопроса, безъ *полнаго* выясненія всѣхъ аргументовъ за и противъ. Я скажу болѣе, я полагаю, этотъ вопросъ вообще не въ компетенціи настоящаго собранія. Мы должны предоставить рѣшеніе этого вопроса *только* тому собранію, которое будетъ *истиннымъ* народнымъ представительствомъ, созваннымъ на началахъ всеобщаго избирательнаго права",—при опредѣленіи котораго въ томъ же адресѣ, князь Шаховской, какъ мы уже видѣли, настойчиво возставалъ противъ полной формулы, особенно подчеркивая маловѣроятность единодушія народа въ вопросѣ о прямомъ избирательномъ правѣ. Послѣдовательно демократическая точка зрѣнія, казалось бы, требовала бы отъ Думы *только* достиженія именно полной избирательной формулы и предоставленія всѣхъ остальныхъ вопросовъ, дѣйствительно, *только* тому новому собранію народныхъ представителей, о которомъ говорилъ и князь Шаховской. Почему же князь Шаховской не находилъ возможнымъ высказаться за полную избирательную формулу, но нашелъ возможнымъ стоять за „извѣстную свободу въ рѣшеніи вопроса" о Государственномъ Совѣтѣ, какъ государственной ячейкѣ, изъ которой могла бы вырости и развиться вторая палата?

Князь Долгоруковъ находилъ, что сейчасъ не нужно обсуждать вопроса о второй палатѣ. „О второй палатѣ Дума очевидно, будетъ имѣть свое сужденіе, на которомъ придется подробно остановиться. Я только скажу, что *въ данную минуту* я безусловно однопалатникъ. Мы не можемъ ни въ какомъ случаѣ теперь рѣшить вопросъ о второй палатѣ. Современемъ, когда земскія и мѣстныя самоуправленія разовьются и укоренятся глубже въ населеніи, то тогда совершенно органически долженъ будетъ образоваться *объединяющій* органъ... Я думаю, что этотъ органъ долженъ имѣть и нѣкоторыя законодательныя функціи, хотя бы ограниченныя, для того, чтобы самоуправляющіяся и *автономныя* единицы имѣли выраженіе въ общемъ законодательствѣ. Но говорить теперь про это не время".

Заявивъ себя такимъ образомъ безусловнымъ однопалатникомъ „въ данную минуту", и безусловнымъ двухпалатникомъ въ будущемъ, очевидно, не очень отдаленномъ, князь Долгоруковъ сводитъ дѣло къ тому, что „намъ нужно категорически и откровенно сказать въ нашемъ отвѣтномъ адресѣ, что если это учрежденіе (Госуд. Совѣтъ) *останется*, то оно должно имѣть только совѣщательныя функціи. Когда Государственный Совѣтъ былъ учрежденъ 100 лѣтъ тому назадъ, то самъ учредитель его, Сперанскій, никогда не смѣшивалъ Государственный Совѣтъ съ народнымъ представительствомъ. Го-

сударственный Совѣтъ былъ по его проекту исключительно совѣщательнымъ органомъ. Я думаю, что если Верховная Власть *захочетъ*, то она *можетъ и должна* имѣть извѣстный совѣщательный органъ, который *помогъ бы* ей всесторонне разсмотрѣть всѣ законодательные проекты правительства или *даже* законодательные акты Думы.... Это долженъ быть исключительно органъ при главѣ правительства, какъ-бы верховный совѣтъ при Государѣ Императорѣ".

Ничего не имѣя противъ такого Совѣта, несмотря на то, что онъ, очевидно, имѣлъ бы серьезное вліяніе на отношеніе Верховной Власти „даже" къ законодательной дѣятельности народнаго представительства, князь Долгоруковъ тѣмъ не менѣе энергично обрушивается на нынѣшній Государственный Совѣтъ, называя его не только „средостѣніемъ". но и „складочнымъ мѣстомъ для бывшихъ министровъ" и „намордникомъ на народное представительство", котораго „ни народъ, ни представители не могутъ допустить", „Мы не считаемъ нужнымъ прибѣгать къ дипломатическимъ выраженіямъ: дипломатія можетъ быть между совершенно чуждыми элементами, между враждующими сторонами. Мы еще имѣемъ нѣкоторую надежду, что намъ удастся избѣжать во всякомъ случаѣ очень болѣзненнаго для страны конфликта.... Страна устала отъ борьбы, она требуетъ мирной, законодательной, созидательной работы, а мы видимъ, что если Государственный Со-

вѣтъ будетъ функціонировать въ томъ составѣ, въ какомъ онъ теперь состоитъ, то созидательной работѣ будутъ поставлены большія препоны. Мы должны это высказать въ отвѣтномъ адресѣ, какъ можно энергичнѣе, потому что *уничтоженіе основныхъ законовъ можетъ исходить именно отъ Государя*".

Такъ говорили представители конституціонно-демократической партіи, являвшіеся — прямо или косвенно—сторонниками именно двухпалатной системы, а потому добивавшіеся того, чтобы принципъ двухпалатности не нашелъ осужденія въ адресѣ. Что касается сторонниковъ однопалатной системы въ партіи, то они, очевидно, подчинились „партійной дисциплинѣ" и ограничились слѣдующимъ заявленіемъ своего представителя, Якушкина: „Принадлежа къ той *многочисленной* группѣ партіи Народной Свободы, которая стоитъ за однопалатную систему, я позволяю себѣ отъ имени этой группы *поддержать* текстъ, предложенный комиссіей, не находя нужнымъ въ настоящее время переходить къ обсужденію вопроса о двухпалатной системѣ по существу".

Партія, какъ цѣлое, не высказалась поэтому противъ двухпалатности. Болѣе умѣренныя и правыя группы, конечно, охотно поддержали партію „народной свободы".

Графъ Гейденъ тоже находилъ, что „въ нынѣшнемъ составѣ Государственный Совѣтъ не соотвѣтствуетъ тому, что надо отъ него ожидать" и что „*нынѣшняя вторая палата* не

соотвѣтствуетъ составу, который должно представлять народное представительство“, но... „никакъ не слѣдуетъ задѣвать и осуждать нынѣ существующія учрежденія, слѣдуетъ бороться не со словами, а съ мыслью... напримѣръ, всѣ требовали уничтоженія III-го отдѣленія. И что же? Оно было уничтожено, но возродилось въ видѣ департамента полиціи!.. Я стою за установленіе такой редакціи, которая могла бы устранить возможность произвести *дурное впечатлѣніе*“...

Ярцевъ (Рязанск. губ.) считалъ, что „если Государственная Дума приметъ предложеніе упразднить Государственный Совѣтъ при первомъ начинаніи ею дѣлъ государственныхъ, то она совершитъ большую несправедливость... Я считаю исключеніе верхней палаты совершенной несправедливостью. Вѣдь мы еще только приступаемъ на первыхъ дняхъ къ нашимъ занятіямъ и не можемъ еще сказать о своихъ достоинствахъ въ преобразованіи какихъ-либо законныхъ путей для государства“.

Князь Волконскій началъ свою рѣчь съ заявленія о своемъ неудовольствіи: „Мнѣ не нравится указаніе въ адресѣ на недостатки Государственнаго Совѣта, указаніе на эти недостатки сейчасъ, когда они на практикѣ не успѣли еще обнаружиться... Мнѣ кажется, и Дума имѣетъ недостатки, но Государственный Совѣтъ составляетъ къ ней пока *не худое дополненіе*“.

Священникъ Концевичъ, наиболѣе рѣши-

тельный представитель крайнихъ правыхъ, находя, что „Дума, при недостаткахъ способовъ проведенія нашего избирательнаго права въ жизнь, можетъ оказаться не общимъ выраженіемъ желаній громадной массы народа", признавалъ полезную роль Государственнаго Совѣта, который „будетъ фильтромъ работъ Думы... Изъ нѣкоторыхъ выраженій я заключаю, что въ составъ Государственнаго Совѣта входятъ люди слишкомъ старые, съ сѣдыми головами. Я думаю, что этому мы должны только радоваться, такъ какъ эти головы могутъ исправить своею мудростью ошибки Думы, въ составѣ которой мы видимъ много горячихъ и молодыхъ головъ". Поэтому Концевичъ предлагалъ такую поправку: „всѣ средостѣнія между верховной властью и народомъ должны быть устранены, *кромѣ Государственнаго Совѣта*, при общей нашей увѣренности, что никакимъ особымъ узаконеніемъ не будетъ положенъ предѣлъ законодательной компетенціи народнаго представительства".

Этой поправкой вопросъ о „*всѣхъ* средостѣніяхъ" едва было не былъ выведенъ на правильную, реальную почву: если бы удалось исключить изъ числа „средостѣній" Государственный Совѣтъ, то Думѣ пришлось бы отказаться отъ неопредѣленнаго выраженія „всѣ" и указать болѣе прямо, какія именно „средостѣнія" она имѣла въ виду въ своемъ адресѣ? Но этотъ вопросъ такъ и остался невыясненнымъ...

Государственный Совѣтъ былъ осужденъ Думой только въ данномъ его составѣ, но не какъ классовое представительство, не какъ вторая палата. Настойчивое желаніе конституціонно-демократической партіи, при поддержкѣ умѣренныхъ и правыхъ, осуществилось.

Мы не будемъ здѣсь говорить объ остальной части адреса, отчасти потому, что она имѣетъ меньшій интересъ въ смыслѣ общей характеристики партій и группъ Думы въ политическомъ отношеніи, отчасти—потому, что отношеніе различныхъ партій и группъ къ вопросамъ, задѣтымъ въ этой части адреса, напр. аграрный вопросъ, вопросъ о свободахъ и т. д., заслуживаетъ отдѣльнаго и обстоятельнаго разсмотрѣнія.

Теперь намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ инцидентѣ съ непринятіемъ Государемъ думской депутаціи съ адресомъ.

Разговоры о „неизбѣжномъ конфликтѣ" исчезли, даже были забыты. Отъ имени к.-д. партіи Новгородцевъ только заявилъ, что „форма (подачи адреса) имѣетъ такое безконечно малое значеніе по сравненію съ величественной важностью акта, который мы совершили", что нечего о ней и говорить, что „это великій историческій актъ" и что самое лучшее—„не останавливаясь на формѣ, перейти къ нашимъ *великимъ*, неотложнымъ, *историческимъ* очереднымъ дѣламъ".

Аладьинъ, въ согласіи съ к.-д., говорилъ, что „у насъ, если и нѣтъ никакихъ формальныхъ правъ, то, по крайней мѣрѣ, есть

полное *моральное право быть выслушанными*, и выслушанными безъ замедленія"... Но и этого не случилось. А между тѣмъ „привиллегированныя группы всегда выслушивались". „Когда же теперь выступаетъ на сцену не группа, а *весь* русскій народъ, выступаетъ мирно, не думая *пока* выступать другимъ образомъ, *горя* желаніемъ *спасти страну* отъ необходимости пройти по страшному пути испытаній *революціи*, когда представители этого народа выразили послѣ долгихъ и упорныхъ преній другъ съ другомъ *единодушное* желаніе всей страны, я думаю, что у насъ есть *моральное право* для того, чтобы быть принятыми, быть выслушанными безъ замедленій, хотя бы это и было внѣ правилъ этикета".

И все-таки—моральное право не было принято во вниманіе, депутаціи Думы было отказано въ пріемѣ. Поэтому Аладьинъ „пользуется даннымъ случаемъ" для того, чтобы „съ этой трибуны, слова съ которой доносятся всюду и вездѣ, будетъ ли это Верховная Власть, или министерство, или администрація, или страна, — чтобы съ этой трибуны обратиться прежде всего къ тѣмъ, которые меня послали сюда, и обратить вниманіе на *серьезность положенія*... Я не хочу сказать, чтобы на нашемъ пути воздвигнуто было то непреодолимое препятствіе, которое лишаетъ насъ возможности продолжать нашу работу... Препятствіе несомнѣнно *крупное*, но недостаточное для того, чтобы остановить насъ въ нашей *созидательной* работѣ. Но, съ другой стороны,

я считаю своимъ долгомъ и обязанностью заявить тому народу, который послалъ меня сюда, что на первыхъ же шагахъ нашей дѣятельности мы не встрѣтили пока того *вниманія*, которое мы должны были встрѣтить *въ администраціи*, которая должна была (!) употребить *всѣ силы* (!) для того, чтобы депутація, выбранная Государственной Думой, была принята Верховной Властью... Она этого не сдѣлала. Нашъ *первый шагъ* былъ затрудненъ. Поэтому я обращаюсь къ народу и говорю: смотрите,—ваши представители будутъ продолжать работу, но ихъ работа будетъ такова, что они на каждомъ шагу будутъ встрѣчать препятствія, о которыя, можетъ быть, разобьется *вся ихъ энергія*".

Эта характерная рѣчь Аладьина особенно рѣзко подчеркнула полное безсиліе Государственной Думы. „Тактичные" ка-деты просто старались показать „съ достоинствомъ" видъ, что они такимъ пустякамъ, какъ придворный этикетъ, не придаютъ никакого значенія, стоятъ выше его, признаютъ адресъ „великимъ, историческимъ" актомъ, и потому спокойно переходятъ „къ нашимъ великимъ, историческимъ очереднымъ дѣламъ". Болѣе прямой и рѣзкій представитель политическаго радикализма, почувствовавши, что на „преждевременныя претензіи" Думы просто не обратили вниманія и дали почувствовать это даже внѣшнимъ образомъ, отказавши въ пріемѣ думской депутаціи, и тѣмъ нанесли „тяжелый ударъ достоинству Думы, достоинству

народныхъ представителей",—проявилъ всю силу чувства обиды, нѣсколько смиренной и растерянной, благодаря чему и послышались рѣчи о „моральномъ правѣ быть выслушанными",—и въ то же время снова возвратился къ пріему „запугиванія врага" намеками на революцію, на страну, на весь народъ... Дѣйствительной, реальной силы и почвы подъ этимъ угрожающимъ тономъ, конечно, было очень мало, и на такую „тактику" такъ же мало обратили вниманія, какъ и на „строго-конституціонный" адресъ Думы.

Представитель болѣе умѣренныхъ группъ Думы, М. Ковалевскій сталъ успокаивать Думу историческими справками о формахъ передачи подобныхъ актовъ въ другихъ государствахъ, и находя, что „мы правдиво, искренне и честно сказали Государю все, что мы думаемъ о современномъ положеніи Россіи, и какіе пути мы считаемъ указанными обстоятельствами для возстановленія мира, спокойствія и благополучія",—признавалъ, что „въ избраніи той формы передачи адреса, на которой Государь остановился, не заключается никакого, ни прямого, ни косвеннаго *порицанія* нашей дѣятельности. Государь *получилъ* отъ насъ *все* то, что онъ ждалъ, *честный, искренній совѣтъ* о томъ, въ какихъ условіяхъ можетъ быть возвращенъ внутренній миръ нашему государству. Мы исполнили нашу обязанность, и я увѣренъ, что нѣтъ никакого основанія не перейти *просто*, безъ всякой особой мотивировки, къ очереднымъ дѣламъ".

Въ жизни Думы наступала полоса „переходовъ къ очереднымъ дѣламъ". Первый переходъ совершился при увѣренности, по крайней мѣрѣ „умѣренныхъ", въ томъ, что Дума не получила „никакого порицанія" своей дѣятельности. Центръ—просто закрылъ глаза на „тяжелый ударъ достоинству народныхъ представителей", а „лѣвые"—немножко погрозили...

„Великій, историческій" актъ остался скорѣе просто „пятью написанными Думой страницами", заключавшими далеко не во всемъ достаточно опредѣленныя заявленія, пожеланія, указанія... и только. Эти „пять страницъ" достаточно рельефно отразили ту же неопредѣленность политической физіономіи стремившихся къ „единодушію" партій и группъ Думы, а еще больше—полное политическое безсиліе Думы, оказавшейся—въ лучшемъ случаѣ—„только критикой существующихъ въ Россіи нестроеній", какъ говорилъ М. Ковалевскій въ своей рѣчи о безотвѣтственности Монарха. Но даже и эта „критика нестроеній", въ которой оказался весь политическій смыслъ Думы, велась далеко не съ вполнѣ опредѣленной, отчетливой политической точки зрѣнія и даже далеко не вполнѣ прямо, открыто, правдиво и „искренне", несмотря на заявленія объ этомъ, главнымъ образомъ, со стороны ораторовъ руководившей въ Думѣ конституціонно-демократической партіи.

Глава III.

ДЕКЛАРАЦІЯ МИНИСТЕРСТВА.

Засѣданіе Думы 13 мая, несомнѣнно является наиболѣе блестящей страницей въ жизни Думы, но въ то же время и наиболѣе блестящимъ подтвержденіемъ ея политическаго безсилія. Это былъ формальный словесный бой между Думой и старымъ, бюрократическимъ правительствомъ, выступившимъ, наконецъ, съ открытымъ „урокомъ“ народному представительству.

Могло ли и должно ли было правительство совершить такое выступленіе? Конечно, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только утвердительный. Съ формальной точки зрѣнія правительство не могло не выступить, имѣло полныя основанія выступить, потому что Дума въ своемъ отвѣтномъ адресѣ, хотя бы въ замаскированномъ, неопредѣленномъ, нерѣшительномъ видѣ, совершила посягательство на только что изданные „основные законы“, сдѣлала попытку присвоить себѣ „учредительныя функціи“, избѣгая только называть вещи своими именами,—такъ какъ не чувствовала за собой той дѣйствительной поли-

тической силы, которая единственно обезпечивала бы прямоту и рѣшительность дѣйствій народнаго представительства. Съ точки же зрѣнія реальной политики, реальнаго соотношенія политическихъ силъ, „выступленіе" правительства являлось тѣмъ болѣе естественнымъ, неизбѣжнымъ. Только наивные люди— искренно, или притворно, изъ тактическихъ и дипломатическихъ соображеній — могли ожидать того, чего „ожидали мы", по словамъ депутата Щепкина: „Послѣ того, какъ мы изложили всю программу нашей будущей дѣятельности въ отвѣтномъ адресѣ, *мы ждали*, что отвѣтомъ на это заявленіе будетъ *краткая* вѣсть о томъ, что *министерство вышло въ отставку*". Едва ли также вполнѣ искренно—для человѣка, твердо стоящаго на точкѣ зрѣнія реальной политики—можно было сказать то, что говорилъ 13 мая Набоковъ: „Когда нѣсколько недѣль тому назадъ, прежній кабинетъ графа Витте подалъ въ отставку, то такая отставка всего министерства, наканунѣ открытія Государственной Думы, *не могла* имѣть *иного* объясненія, какъ только то, что *отнынѣ* правительство рѣшило стать на новую дорогу, что новые министры откажутся отъ своихъ *прежнихъ лозунговъ* и что они *намѣрены* вступить на конституціонный путь". И едва ли не только для Набокова, но и для людей менѣе близко стоящихъ къ вопросамъ политики было какой-либо неожиданностью то, что „оказалось": „Оказывается, мы *ошиблись*, и вмѣстѣ съ нами ошиблось и

общественное мнѣніе,—*мы не имѣемъ и зачатковъ конституціоннаго министерства*, мы имѣемъ все *тѣ же* бюрократическіе лозунги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устраняется всякая *наша* надежда на то, чтобы *это* министерство могло вывести страну изъ того положенія, въ которомъ она находится, и могло бы осуществить тѣ задачи, которыя *на него возложитъ* народное представительство".

Ожидать и надѣяться—можно было только въ чаду той политической иллюзіи, которой — сознательно или безсознательно — подчинилось большинство первой Думы. На самомъ же дѣлѣ, тотъ, несомнѣнно, весьма серьезный по своему размаху натискъ на политическіе и классовые интересы правящихъ слоевъ, который былъ сдѣланъ Думой „на пяти написанныхъ страницахъ" адреса, не могъ не вызвать самаго упорнаго и ожесточеннаго противодѣйствія. Пока представители, выразители и защитники стараго полическаго строя располагали реальной силой для самозащиты, они должны были до конца использовать эту силу. Вотъ почему „совѣтъ министровъ, разсмотрѣвъ *переданный* ему Его Императорскимъ Величествомъ адресъ Государственой Думы", и выступилъ передъ Думой съ соотвѣтственной, вполнѣ естественной, неизбѣжной въ устахъ Совѣта, отповѣдью. Государь Императоръ, слѣдуя изданнымъ по его повелѣнію основнымъ законамъ, *передалъ* адресъ Думы въ Совѣтъ министровъ, а Совѣтъ министровъ „разсмотрѣлъ" адресъ—тоже, конечно, съ

точки зрѣнія тѣхъ же основныхъ законовъ. Выступая передъ Думой съ заявленіемъ по поводу отвѣтнаго адреса Думы на тронную рѣчь Государя, адреса, направленнаго предсѣдателемъ Думы „при всеподданнѣйшей запискѣ“ непосредственно Государю же, Совѣтъ министровъ могъ дѣйствовать, конечно, только въ полномъ согласіи съ волей Государя, долженъ былъ говорить—по существу—отъ имени Государя, являясь лишь выразителемъ и исполнителемъ воли Государя. Въ силу ст. 123 „основныхъ законовъ“ (изд. 1906 г.) „Предсѣдатель Совѣта министровъ, министры и главноуправляющіе отдѣльными частями *отвѣтствуютъ* предъ Государемъ Императоромъ за общій ходъ государственнаго управленія. *Каждый* изъ нихъ въ отдѣльности отвѣтствуетъ *за свои дѣйствія* и распоряженія“. До установленія основными законами отвѣтственности министерства *и* передъ народнымъ представительствомъ, правительство отвѣтственно *только* передъ Государемъ. Это должно было быть совершенно яснымъ и обязательнымъ для Государственной Думы, если бы она дѣйствительно стояла на „строго-конституціонной“ точкѣ зрѣнія, а не смѣшивала „строго конституціонной точки зрѣнія“ съ „учредительными функціями“. На это смѣшеніе безъ обиняковъ и указалъ предсѣдатель Совѣта министровъ Думѣ въ своемъ „разъясненіи“: „Остальныя, включенныя въ адресъ Государственной Думы, предположенія законодательнаго свойства сводятся къ

установленію отвѣтственности передъ народнымъ представительствомъ министровъ, пользующихся довѣріемъ большинства Думы, упраздненію Государственнаго Совѣта и устраненію установленныхъ особыми узаконеніями предѣловъ законодательной дѣятельности Государственной Думы. На этихъ *предположеніяхъ* Совѣтъ министровъ не считаетъ себя въ правѣ останавливаться; они касаются коренного измѣненія основныхъ государственныхъ законовъ, не подлежащихъ по силѣ оныхъ пересмотру по почину Государственной Думы".

И Совѣтъ министровъ съ формальной и даже „строго конституціонной" точки зрѣнія стоялъ на гораздо болѣе твердой почвѣ, чѣмъ Дума. Если бы Дума имѣла мужество или возможность открыто сказать въ адресѣ, что измышленные въ насмѣшку надъ „народнымъ представительствомъ" основные законы представляютъ продуктъ исключительно бюрократическаго творчества, направленный только во вредъ интересамъ страны, интересамъ народа, что поэтому Дума считаетъ эти основные законы недѣйствительными и настаиваетъ на изданіи новыхъ основныхъ законовъ при участіи Думы, намѣтивъ при этомъ тѣ измѣненія и дополненія, которыя она считаетъ необходимыми для блага страны,—тогда бы правительству не пришлось бы „разъяснять" Думѣ, по чьему почину измѣняются основные законы. Но Дума не поставила вопроса такъ прямо, открыто, рѣшительно. Она вступила—въ этомъ самомъ основ-

номъ пунктѣ адреса—на „описательный", обходный путь,—и совѣтъ министровъ „разъяснилъ" Думѣ, что починъ въ измѣненіи основныхъ законовъ принадлежитъ не ей, такъ какъ ст. 8 основныхъ законовъ весьма ясно говоритъ: „Государю Императору принадлежитъ починъ по всѣмъ предметамъ законодательства. *Единственно* по Его почину основные Государственные законы могутъ подлежать пересмотру въ Государственномъ Совѣтѣ и Государственной Думѣ". Та же самая мысль еще разъ повторяется и какъ бы подчеркивается въ ст. 107 основныхъ законовъ: „Государственному Совѣту и Государственной Думѣ въ порядкѣ, ихъ учрежденіями опредѣленномъ, предоставляется возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ, *за исключеніемъ основныхъ Государственныхъ законовъ*, починъ пересмотра которыхъ принадлежитъ единственно Государю Императору".

Конечно, Дума, оставаясь на „строго конституціонной" почвѣ, могла утверждать, что она и не входила ни съ какими законодательными предложеніями объ измѣненіяхъ въ основныхъ законахъ, а—выражаясь словами М. Ковалевскаго въ засѣданіи 8 мая—только дала Государю „честный, искренній совѣтъ о томъ, въ какихъ условіяхъ можетъ быть возвращенъ внутренній миръ нашему государству". Но въ такомъ случаѣ „разъясненіе", сдѣланное Думѣ „министрами Его

Величества" (слова М. Ковалевскаго въ засѣданіи 13 мая) должно было убѣдить Думу, что ея совѣтъ Государю не повелъ къ возложенію на министровъ обязанности довести до свѣдѣнія Думы, что измѣненія въ основныхъ законахъ, въ направленіи, указанномъ Думой, будутъ предположены, и Думѣ оставалось-бы—только подчиниться волѣ конституціоннаго Монарха.

Правда, Дума—строго говоря—такъ и сдѣлала: ни одинъ изъ говорившихъ 13 мая ораторовъ не коснулся прямо этого наиболѣе больного мѣста—отношенія Думы къ „разъясненію" Совѣта министровъ относительно основныхъ законовъ. Единственную незаконченную попытку въ этомъ отношеніи сдѣлалъ Кокошкинъ: „Совѣтъ министровъ намъ указываетъ прежде всего, что онъ воздерживается отъ обсужденія тѣхъ вопросовъ, которые затронуты въ нашемъ отвѣтномъ адресѣ, и которые, *по его мнѣнію*, не входятъ въ область законодательнаго почина Государственной Думы. Изъ этого я могу сдѣлать только одно заключеніе: г. предсѣдатель Совѣта министровъ, повидимому, понимаетъ представленный нами отвѣтный адресъ, какъ *актъ осуществленія нами законодательной иниціативы.* Я думаю, что достаточно (?) справиться съ существующими законоположеніями (?), чтобы убѣдиться (?) въ полной несостоятельности этого взгляда".

Что можно бы было найти въ „существующихъ законоположеніяхъ" относительно су-

щества и значенія *отвѣтнаго адреса* Думы, сказать трудно; скорѣе—ровно ничего. Объ этомъ можно было говорить только по существу, а не съ точки зрѣнія „существующихъ законоположеній". А по существу, конечно, можно было и соглашаться, и не соглашаться съ тѣмъ, что адресъ былъ „*актомъ* осуществленія Думой законодательной *иниціативы*", но что онъ былъ во всякомъ случаѣ косвенно, нерѣшительно и неясно выраженной *попыткой*, если не *актомъ* въ этомъ направленіи,—въ этомъ едва ли можно было сомнѣваться. Поэтому, въ приведенныхъ словахъ Кокошкина можно усматривать только первое уклоненіе отъ прямой постановки вопроса и прямого же отвѣта на него. А дальше Кокошкинъ вступилъ на путь уклончивости еще больше; онъ говорилъ далѣе: „Я *не буду* (!) сейчасъ обсуждать *спорныхъ* юридическихъ вопросовъ о законодательной иниціативѣ Думы и *юридической силѣ* тѣхъ актовъ, которые ограничиваютъ эту законодательную иниціативу; но я полагаю, что Совѣтъ министровъ, разъ онъ задался цѣлью въ своей декларацін разобрать отвѣтный адресъ и *рѣшить* (?), что извѣстные предметы не входятъ въ область законодательнаго почина Думы, то онъ могъ разобрать эти предметы, какъ *объектъ законодательнаго почина со стороны правительства*. Въ *уклоненіи* отъ этого я вижу лишь видъ формальнаго отвода—уклоненіе подъ *формальнымъ и юридически невѣрнымъ* (?) предлогомъ".

Прежде всего Кокошкинъ самъ уклонился отъ обсужденія вопроса о законодательной инпціативѣ Думы. Почему? Разъ онъ находилъ этотъ вопросъ „спорнымъ“, разъ онъ сомнѣвался въ „юридической силѣ“ актовъ, ограничивающихъ эту инпціативу,—онъ не долженъ былъ уклоняться отъ „обсужденія“ этого самаго важнаго пункта адреса и самаго опаснаго—при „строго-конституціонной“ точкѣ зрѣнія—подводнаго камня въ жизни и первой Думы, и—вообще—русскаго народнаго представительства. Но наиболѣе, повидимому, компетентный въ вопросахъ государственнаго права представитель конституціонно-демократической партіи предпочелъ отдѣлаться молчаніемъ, не объяснивъ даже, почему онъ „не будетъ“ обсуждать этого вопроса. Еще менѣе основательной представляется претензія, предъявленная Кокошкинымъ Совѣту Министровъ,—чтобы Совѣтъ „разобралъ эти предметы (т.-е. не входящіе—по мнѣнію Совѣта—въ область законодательнаго почина Думы),—какъ объектъ законодательнаго почина со стороны правительства“. На эту претензію Совѣтъ могъ бы отвѣтить только ссылкой на 8 ст. основныхъ законовъ: законодательный починъ принадлежитъ единственно Государю! И „правительство“ могло съ совершенно спокойной совѣстью уклониться отъ „разбора“ этихъ предметовъ. Если же подъ „правительствомъ“ въ данномъ случаѣ Кокошкинъ разумѣлъ не только Совѣтъ Министровъ, но и Верховную Власть, то мысль Ко-

кошкина оказалась весьма неясно выраженной.

И ничего больше ни Кокошкинъ, ни другіе ораторы, по вопросу о законодательной инніціативѣ Думы и объ основательности „разъясненія“ Совѣта Министровъ по этому пункту—не сказали.

Вся сила краснорѣчія и бичеванія была направлена не на этотъ самый основной *политическій* пунктъ, на почвѣ котораго собственно и происходила схватка „двухъ теченій, двухъ міровъ... которые... сошлись лицомъ къ лицу, и каждое внесло сюда то, съ чѣмъ сжилось, съ чѣмъ разстаться не можетъ“, —какъ говорилъ Ледницкій,—а отъ этого пункта повернулась къ сравнительно частнымъ вопросамъ законодательнаго почина, — гдѣ сила критики могла быть уже направлена исключительно на „бюрократическіе лозунги“ (Набоковъ) правительства, на его „неосвѣдомленность въ вопросахъ права и отсутствіе истинно государственной точки зрѣнія“ (Кокошкинъ), на „нарушеніе“ правительствомъ Манифеста 17 октября и т. д.

И на этомъ пути Дума развернула грандіозную силу глубокаго народнаго возмущенія „тѣми, кто... покрыли страну позоромъ безсудныхъ казней, погромовъ, разстрѣловъ и заточеній“. Въ этой необычайной силѣ анализа реальной политической дѣйствительности; въ этой глубинѣ возмущенія всѣми „язвами стараго строя“; въ этой поражающей яркости картины „разоренія и униженія“ ро-

дины,—во всемъ этомъ, несомнѣнно, глубоко важное, положительное значеніе историческаго засѣданія 13 мая. Но въ томъ молчаливомъ уклоненіи отъ столь же рѣшительной постановки основного политическаго вопроса, который подлежалъ и будетъ подлежать разрѣшенію народнаго представительства, вопроса о законодательномъ почипѣ Думы „во *всѣхъ* областяхъ", т.-е. и въ области основныхъ законовъ,—въ уклоненіи отъ прямой постановки этого вопроса не менѣе ярко проявился основной дефектъ первой Думы,—ея внутреннее политическое безсиліе. Это безсиліе сказывалось или отражалось—прямо или косвенно—и въ той разрушительной работѣ Думы, которую она проявила—въ засѣданіи 13 мая—и въ области критики правительства и того стараго строя, который олицетворяло и защищало это правительство. Въ этомъ мы убѣдимся, когда шагъ за шагомъ прослѣдимъ все существенное въ политическомъ отношеніи, что было сказано въ Думѣ 13 мая.

Первая, и одна изъ наиболѣе сильныхъ рѣчей, рѣчь Набокова началась съ „чувства": „Я думаю, что выражу общее настроеніе Думы, если я скажу, что чувство, охватывающее насъ, есть *чувство глубокаго разочарованія* и полной *неудовлетворенности*",—такъ какъ оказалось, что „мы не имѣемъ и зачатковъ конституціоннаго министерства" (выше приведенъ этотъ отрывокъ рѣчи Набокова полностью).

Въ чемъ и въ комъ „разочарованіе?" Только въ своихъ надеждахъ, въ своей вѣрѣ, въ своихъ ожиданіяхъ. Но развѣ къ дѣлу „обновленія страны" можно было приступать съ „вѣрой, надеждой и ожиданіями", направленными по адресу тѣхъ представителей и защитниковъ стараго строя, явно упорное, реакціонное настроеніе которыхъ ко времени созыва Думы постоянно и многократно отмѣчалось и „общественнымъ мнѣніемъ" и самими народными представителями?..

Въ этихъ первыхъ словахъ перваго оратора въ засѣданіи 13 мая уже отразилась *политическая* слабость Думы. Прослѣдимъ далѣе, какъ Набоковъ отпарировалъ шагъ-за-шагомъ „разъясненія" Совѣта Министровъ. Прежде всего—„въ такомъ вопросѣ, который насъ всѣхъ *наиболѣе* волнуетъ", въ вопросѣ объ амнистіи. „Мы не знаемъ, относитъ ли предсѣдатель Совѣта Министровъ вопросъ объ амнистіи къ вопросамъ законодательной дѣятельности или къ вопросамъ государственнаго управленія; мы относили его къ прерогативамъ Верховной Власти, мы обратились къ Верховной Власти, и никакого посредствующаго голоса между нами и Верховной Властью по вопросу объ амнистіи *мы не допускаемъ—мы его отрицаемъ (Бурные аплодисменты)*". Это заявленіе, гордое по отношенію къ министрамъ, и подчеркивающее своего рода піетизмъ по отношенію къ Верховной Власти, не указывало рѣшительно никакого выхода, никакого слѣдствія изъ того факта,

который былъ на лицо: „посредствующій голосъ“, не смотря на то, что „мы его отрицаемъ, мы недопускаемъ“, явился и сказалъ: „Помилованіе приговоренныхъ по суду, какого бы свойства ни были совершенныя ими преступныя дѣянія, составляетъ прерогативу Верховной Власти, отъ которой *единственно* и *всецѣло* зависитъ признать Царскую милость къ впавшимъ въ преступленія соотвѣтствующей благу общему“.

Повторивъ въ сущности то, что говорилось и въ самой Думѣ, отнеся, такимъ образомъ, амнистію „всецѣло“ къ милости Верховной Власти, Совѣтъ тѣмъ не менѣе тутъ же добавляетъ: „Совѣтъ Министровъ, *съ своей стороны*, находитъ, что этому благу не отвѣчало бы, въ настоящее смутное время, помилованіе преступниковъ, участвовавшихъ въ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ“.

Такъ какъ амнистіи не послѣдовало, то очевидно, что мнѣніе Совѣта Министровъ было одобрено Верховной Властью. И то, что Дума „не допускала и отрицала“ посредствующій голосъ, не имѣло рѣшительно никакого реальнаго значенія, а заявленіе объ этомъ могло основываться только на той увѣренности, что „единенію Царя съ народомъ“ мѣшали только тѣ, которые „все еще преграждали народу путь къ Царю“. Здѣсь было больше „тактики“, чѣмъ прямоты и „искренности“.

Дальше Набоковъ снова подчеркиваетъ то, что адресъ „мы обращали не къ исполни-

13*

тельной власти, а только къ Верховной“, возмущается, что „представитель исполнительной власти намъ говоритъ, что разрѣшеніе вопросовъ на предложенныхъ Думой основаніяхъ *безусловно недопустимо*“, и говоритъ: „Мы въ этомъ усматриваемъ *прежній тонъ*, отъ котораго *пора бы* отвыкнуть и отказаться. Мы усматриваемъ въ этомъ *вызовъ*, и мы этотъ вызовъ *принимаемъ*, мы *будемъ* вносить наши законодательныя предположенія, мы признаемъ, что признанные нами начала *единственно допустимо*“...

Рѣшительное принятіе „вызова“ представляетъ уже въ рѣчи оратора поворотъ въ сторону того пути, который единственно подсказывался логикой политическаго момента, единственно отвѣчалъ достоинству народнаго представительства. Но едва-ли основательно подчеркивалъ Набоковъ и въ данномъ случаѣ какъ бы особенное, независимое положеніе „исполнительной власти“ отъ власти Верховной. Крайняя категоричность заявленія Совѣта Министровъ по данному вопросу не могла не опираться на увѣренность Совѣта въ томъ, что онъ правильно выражаетъ мнѣніе и рѣшеніе „Государственной“ власти, а не одного только Совѣта. Вѣдь дѣло шло о вопросѣ „всеобъемлющаго государственнаго значенія“—о вопросѣ земельномъ, крестьянскомъ. И Совѣтъ, несомнѣнно, выражалъ взглядъ не свой лично, а взглядъ „Государственной власти“ въ цѣломъ, когда „разъяснялъ“ Думѣ: „Относительно разрѣшенія

земельнаго крестьянскаго вопроса путемъ указаннаго Государственною Думою обращенія на этотъ предметъ земель удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частно-владѣльческихъ, къ которымъ принадлежатъ и земли крестьянъ собственниковъ, пріобрѣвшихъ ихъ покупкою,—Совѣтъ Министровъ считаетъ своею обязанностью заявить, что разрѣшеніе этого вопроса на предположенныхъ Государственною Думою основаніяхъ *безусловно не допустимо.* Государственная власть не можетъ признавать права собственности на земли за одними и въ то же время отнимать это право у другихъ. Не можетъ Государственная власть и отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество".

Вѣдь не случайно же старая власть именно въ этомъ вопросѣ „всеобъемлющаго государственнаго значенія" такъ рѣшительно выступила съ защитой „права собственности на землю... у *однихъ*", т.-е. съ защитой земельной собственности удѣльной, кабинетской, монастырской, церковной и частновладѣльческой, къ которой—частновладѣльческой—она, конечно, только изъ „тактики" присоединила и часть крестьянской: рѣчь шла, разумѣется, почти исключительно о помѣщичьей.

И напрасно М. Ковалевскій хотѣлъ представить вопросъ такъ, какъ будто „предста-

вители самихъ же земельныхъ собственниковъ", крупныхъ землевладѣльцевъ, попавшихъ въ Думу „благодаря несовершенству избирательнаго закона..." въ большей степени", чѣмъ представители другихъ классовъ,—горячо стоятъ за разрѣшеніе земельнаго вопроса именно такимъ путемъ, какой намѣчала Дума: мы знаемъ, да и тогда знали, что въ массѣ своей землевладѣльцы вполнѣ раздѣляли и продолжаютъ раздѣлять взглядъ „Государственной власти".

Если „представители землевладѣльцевъ" въ первой Думѣ считали предположенное Думой начало разрѣшенія земельнаго вопроса „единственно—допустимымъ", то это именно потому, что они совсѣмъ не были истинными представителями землевладѣльцевъ, а въ гораздо большей степени являлись представителями „народа", который подавалъ за нихъ голоса въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ при прямомъ или косвенномъ условіи—защищать интересы „народа", а не интересы того класса, къ которому они принадлежали. Польскіе депутаты—землевладѣльцы и не подумали поддерживать „единственно допустимый" принципъ обязательнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, напротивъ—оказались гораздо болѣе склонными считать этотъ принципъ „безусловно недопустимымъ". И это очень понятно: по условіямъ, въ которыхъ протекали выборы въ Царствѣ Польскомъ, депутаты этого края фактически могли считать себя представи-

телями землевладѣльцевъ въ гораздо большей степени, чѣмъ представителями „народа“.

Старая „Государственная власть“ настолько органически близка къ классу землевладѣльцевъ, настолько являлась и является представительницей и защитницей интересовъ, главнымъ образомъ, этого класса, настолько опирается въ своемъ существованіи и въ своей дѣятельности именно на этотъ классъ,— что не выступить съ самой рѣшительной защитой его интересовъ передъ „народной“ Думой—не могла. „Чудесъ“ въ политикѣ, о которыхъ говорилъ Родичевъ въ засѣданіи 2 мая, никогда ожидать не слѣдуетъ, даже въ той предположительной формѣ, въ которой говорилъ Родичевъ: „Можетъ быть, намъ слѣдуетъ ждать чудесъ, быть можетъ, раскрытыя въ настоящую минуту, раскрывающіяся во всякомъ случаѣ *сердца народа русскаго* и голосъ его будутъ услышаны, и мы встрѣтимъ, наконецъ, ту *вѣру* (?), которая вызывается нашей *готовностью* вѣрить“. Конечно, никакой „вѣры“ „мы“ не встрѣтили никакого чуда не совершилось, и „на счетъ земли“ для крестьянъ въ особенности:—безусловно недопустимо!

Въ этомъ отношеніи и Набоковъ совершенно напрасно внесъ въ свою рѣчь элементъ какой-то „вѣры“ въ то, что „исполнительная власть“ не представляла точнаго отраженія того цѣлаго, которое предсѣдатель Совѣта Министровъ называлъ „Государственной Властью“. Чѣмъ меньше иллю-

зій, чѣмъ меньше „вѣры и надежды“, чѣмъ больше прямоты и холоднаго анализа въ вопросахъ политики, тѣмъ лучше: если это не ведетъ къ „практическимъ“ результатамъ, то не въ большей степени, чѣмъ и путь „тактики“, дипломатіи, обходовъ; но зато политическое сознаніе и народныхъ представителей, и самого народа при прямой, открытой постановкѣ вопросовъ только выигрываетъ. Съ этой точки зрѣнія наиболѣе цѣннымъ мѣстомъ въ рѣчи Набокова является ея заключеніе, которое мы и приведемъ цѣликомъ: „Я дальше не буду разсматривать заявленія предсѣдателя Совѣта Министровъ, я только подчеркну и отмѣчу тотъ *конституціонный абсурдъ*, который создается теперешнимъ положеніемъ вещей. Господинъ предсѣдатель Совѣта Министровъ приглашаетъ Думу къ созидательной работѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ съ того, что одно изъ главныхъ основаній работы признаетъ недопустимымъ. Онъ категорически отказываетъ въ поддержкѣ наиболѣе законнымъ требованіямъ народа. Какая при этихъ условіяхъ возможна спокойная, согласная работа? Какое при этихъ условіяхъ возможно приближеніе къ тому обновленію Россіи, о которомъ намъ объявлялось съ высоты Престола? Мы полагаемъ, что выходъ изъ этого положенія можетъ быть *только одинъ*: разъ насъ призываютъ *къ борьбѣ*; разъ намъ говорятъ, что *правительство является не исполнителемъ требованій народнаго представительства*, а ихъ критикомъ и отрицателемъ,

то *съ точки зрѣнія принципа народнаго представительства* мы можемъ только сказать одно—„исполнительная власть *да покорится* власти законодательной!!"

Если бы конституціонно-демократическая партія всегда оставалась послѣдовательно на „точкѣ зрѣнія принципа народнаго представительства" и на точкѣ зрѣнія полной противоположности тѣхъ „двухъ міровъ", о которыхъ говорилъ Ледницкій, она прежде всего сама не создавала и не поддерживала бы того „конституціоннаго абсурда", который неизбѣжно вытекалъ изъ конституціонной иллюзіи, только убаюкивавшей и затемнявшей политическое сознаніе какъ самой партіи, такъ и всей Думы, всего народа. Партія всегда бы сознавала, что „насъ призываютъ къ борьбѣ", что „правительство является не исполнителемъ требованій народнаго представительства", а лишь исполнителемъ требованій „стараго режима",—и выходъ изъ этого, дѣйствительно, только одинъ: бороться, опираясь только на принципъ истиннаго народнаго представительства и на тѣ силы, которыя поддерживаютъ и защищаютъ этотъ принципъ, бороться за то, чтобы власть законодательная дѣйствительно и полностью была сосредоточена въ рукахъ народнаго представительства и чтобы власть исполнительная дѣйствительно и полностью покорялась власти законодательной. Если по условіямъ историческаго момента, по условіямъ дѣйствительнаго соотношенія реальныхъ политическихъ

силъ, такой отчетливо и рѣшительно поставленный „принципъ народнаго представительства" оказался бы—для первой Думы—неосуществимымъ, пусть эта задача перешла бы ко второй, къ третьей Думѣ,... но задача должна была быть формулированной и поставленной такъ ясно, такъ прямо, такъ рѣшительно, какъ того требовали политическія обязанности, политическое сознаніе, политическая совѣсть и достоинство народныхъ представителей.

И заключеніе рѣчи Набокова, если не вполнѣ строго и послѣдовательно отвѣчало такимъ требованіямъ, то во всякомъ случаѣ уже весьма приближалось къ нимъ. Правда, борьба двухъ исходныхъ точекъ политической мысли сказывалася и въ этой части рѣчи Набокова: хотя онъ уже прямо заявилъ, что нужно исходить изъ „точки зрѣнія принципа народнаго представительства", т.-е. изъ отрицанія тѣхъ бюрократическихъ путъ, которыя наложила на этотъ принципъ „конституція" 23 апрѣля 1906 года—изданные въ этотъ день „Основные законы",—но въ общемъ духѣ его рѣчи, въ указаніи на „*приближеніе* (!) *къ тому* обновленію Россіи, о которомъ намъ объявлялось съ высоты престола",—чувствовалась прежняя „строго-конституціонная" точка зрѣнія, прежняя туманная по существу, совсѣмъ не конституціонная иллюзія. Здѣсь еще чувствовалась „надежда" на то, что въ „борьбѣ", неизбѣжность которой была очевидна, народное представи-

тельство все же найдетъ поддержку не въ тѣхъ силахъ, на которыя оно единственно можетъ и должно опираться, а въ тѣхъ, которыя по самой природѣ своей стоятъ на прямо противоположномъ полюсѣ.

Такая же борьба двухъ исходныхъ точекъ политической мысли, по существу — непримиримыхъ, была замѣтна и въ рѣчахъ другихъ ораторовъ, горячо обрушившихся на появившихся, наконецъ, 13 мая, передъ народными представителями упорныхъ и непримиримыхъ защитниковъ стараго государственнаго строя.

Родичевъ тоже началъ съ объясненія въ чувствахъ. „Мы явились сюда въ первый день, выражая *готовность вѣрить*, выражая готовность работать на обновленіе страны, *мы ждали*, что *власть выйдетъ къ намъ навстрѣчу*, мы *готовы были* забыть прошлую дѣятельность людей, въ рукахъ которыхъ была власть".

Если бы хоть на минуту можно было вѣрить въ искренность подобныхъ изліяній к.-д. ораторовъ, мы должны были бы признать въ нихъ не только отсутствіе здравой политической логики, но и прямую измѣну тѣмъ лозунгамъ, съ которыми выступала конституціонно-демократическая партія въ первую избирательную кампанію: партія не обнаруживала „готовности забыть" то, чего страна не была готова забыть; партія не обнаруживала также склонности къ созидательной работѣ совмѣстно съ тѣми, кого она теперь

ожидала къ себѣ „навстрѣчу"... Страна была бы удивлена, если бы ея избранники съ полной искренностью сказали, что только „*сегодня* наши *надежды* рушились", какъ говорилъ Родичевъ.

Почему же именно *сегодня?* Очевидно потому, что именно *сегодня* „намъ *прочтенъ урокъ*, намъ заявлено, что мы подтачиваемъ жизненныя основы страны; намъ *указаны рамки*, въ которыхъ будутъ насъ выслушивать и оказывать намъ содѣйствіе представители твердой и дѣятельной исполнительной власти",..

Родичеву должно бы было быть понятно, что „рамки указаны намъ" не сегодня, а 23 апрѣля въ „Основныхъ законахъ", противъ которыхъ и надо было направлять хоть силу краснорѣчія, если не было другой силы, болѣе убѣдительной. А между тѣмъ Родичевъ вступаетъ на путь не только краснорѣчія, но и на путь—просто софизмовъ, на путь противопоставленія „законовъ"—„совѣсти": „Намъ заявлено, что вопросъ объ отвѣтственности министерства въ рамки нашей дѣятельности не входитъ, такъ какъ это вопросъ основныхъ законовъ. *Это не вопросъ основныхъ законовъ:* не въ законѣ должно быть написано, что министерство, не пользующееся довѣріемъ народныхъ представителей, уходитъ отъ власти. *Не въ законѣ* это должно быть внѣдрено, *а въ совѣсти* государственныхъ лицъ, *принимающихся* за обновленіе страны. И если въ этой совѣсти нѣтъ этого сознанія—писать его въ законѣ *безплодно"(!!)*.

Родичевъ договорился даже до утвержденія, что „безплодно“ устанавливать отвѣтственность министерства въ законѣ. Конечно, это только ораторское увлеченіе. Родичевъ, несомнѣнно, былъ убѣжденъ, что указаніе въ законѣ на отвѣтственность министерства передъ Думой давало бы въ руки Думы существенную почву въ ея домогательствахъ. Болѣе того, онъ ясно понималъ, что ст. 123 Основныхъ законовъ объ отвѣтственности министровъ передъ Государемъ была создана бюрократіей съ явной цѣлью охранить себя отъ отвѣтственности передъ Думой, передъ народнымъ представительствомъ.

„Совѣсть“ въ вопросахъ смѣны министерствъ тождественна съ „закономъ“, если не писаннымъ, то вытекающимъ фактически изъ дѣйствительнаго положенія, дѣйствительнаго господства„ принципа народнаго представительства“ въ государственномъ строѣ страны. А господство этого принципа достигается и утверждается не обращеніемъ къ „совѣсти“ тѣхъ, кто является „читать уроки“ народному представительству и указывать—уже разъ указанныя въ основныхъ законахъ—рамки его дѣятельности въ „обновленіи“ страны. Игра на „совѣсти“—это путь софистики, а не путь политики.

Но эта игра, этотъ путь обходовъ, путь уклончивости отъ прямой и рѣшительной постановки основного политическаго вопроса, вопроса объ учредительныхъ функціяхъ народнаго представительства,—этотъ путь былъ

неизбѣженъ для огромнаго большинства ораторовъ первой Думы—и именно въ силу тѣхъ „конституціонныхъ" иллюзій и той борьбы двухъ логически противоположныхъ исходныхъ точекъ политической мысли, которыя являются самой характерной чертой политической физіономіи первой Думы и самымъ вѣрнымъ показателемъ ея политической слабости, почти полнаго ея политическаго безсилія. И только когда ораторы сходили съ этого неустойчиваго въ ихъ собственномъ сознаніи пункта и переходили на простую „критику существующихъ въ Россіи нестроеній",—вся сила и логики и чувства, правдиваго, глубоко возмущеннаго чувства оказывалась на сторонѣ народныхъ представителей.

„Итакъ,—говорилъ Родичевъ—то Министерство, которое считаетъ себя безъотвѣтственнымъ передъ народными представителями, оно обѣщаетъ намъ, что оно будетъ властью законодательной, твердой, дѣятельной. Законодательной!.. По какому закону? По закону, при которомъ сохраняется положеніе объ усиленной охранѣ, по закону, составляющему собой отмѣну *всѣхъ* дѣйствующихъ законовъ и предоставляющему власти *полную разнузданность*!.. Вотъ какой законъ необходимъ для тѣхъ людей, въ сознаніи которыхъ нѣтъ отвѣтственности передъ народомъ...

Мы являемся передъ правительствомъ съ заявленіемъ: то горе, та кровь, которая льется въ странѣ, пролита тѣми, кто ввергъ страну въ это потрясеніе, кто въ теченіе долгаго

времени занимался угнетеніемъ, тѣми, кто отрицалъ право, кто отрицалъ равноправіе, *кто стоялъ на стражѣ интересовъ классовъ высшихъ и имущихъ*. Для этого имъ было нужно то самое орудіе, которымъ вы подточили благосостояніе страны...

Вы намъ говорите, что вы будете насаждать его прежними средствами. Мы пришли сюда для того, чтобы положить начало умиротворенія страны. Для этого намъ, прежде всего, нужны незыблемыя основы права, права, обязательнаго *для всѣхъ*, права, передъ которымъ прежде всего *преклоняется власть...*"

Коснувшись далѣе отношенія власти къ вопросу объ амнистіи и возмущаясь этимъ отношеніемъ, Родичевъ снова возвратился къ несуществующимъ „правамъ" Думы: „Мы *въ правѣ требовать*, чтобы власть *повинилась* (!) въ этомъ надругательствѣ надъ правомъ отдѣльныхъ лицъ. Та власть, которая отъ этой *расправы* отказаться не можетъ, та власть—дѣятели *не обновленія*, а дѣятели *разрушенія* страны".

Снова ораторъ очутился не на твердой почвѣ: въ отвѣтъ на ясный отвѣтъ и на ясный фактъ—отсутствія амнистіи, отказа въ ней,—ораторъ въ сущности только совершенно безпомощно обращается къ несуществующему у Думы „праву требовать" повинной отъ правительства и въ то же время—къ „убѣжденію" этого правительства въ томъ, что ему слѣдовало бы быть „дѣятелями обновленія", а не дѣятелями разрушенія страны. Точно

такой же „идеалистическій“ характеръ, характеръ только чисто словеснаго турнира съ „властью“ имѣетъ и другое заявленіе Родичева о „правѣ“: „Мы, господа, *въ правѣ требовать*, чтобы вопросы права рѣшались народнымъ представительствомъ, чтобы народное представительство отъ тѣхъ лицъ, отъ той власти, которая боится отвѣтственности, не получало бы уроковъ и наставленій“.

„Моральное“ право не есть право „юридическое“ или право „политическое“, и народному представительству, если бы оно не чувствовало своего политическаго безсилія, не пришлось бы смѣшивать права моральнаго съ правомъ реальнымъ.

Въ заключеніе, выразивъ еще разъ огорченіе, что „вмѣсто *сотрудничества* мы встрѣчаемъ со стороны власти отпоръ“, Родичевъ категорически заявляетъ о твердости и рѣшимости Думы: „Мы не остановимся передъ нашей задачей, мы видимъ, откуда (?) идетъ вызовъ странѣ, мы видимъ, *гдѣ куется революція*, мы видимъ, кто снова готовъ повергнуть страну въ крушеніе, кровопролитіе, голодъ и нищету. Для насъ *глаза раскрылись*, они раскроются и для русскаго народа, и я думаю.... что... безъ народа можно порабощать народъ, совершать надъ нимъ насилія, но... освобождать народъ и обновлять страну можно только въ союзѣ со страной. Министерство, обновляющее страну, должно итти въ согласіи съ народнымъ представительствомъ... *совѣсть* ваша должна вамъ ука-

зать, что нужно сдѣлать—уйти и уступить мѣсто другимъ"...

Жизнь, политическая дѣйствительность глубоко-нагляднымъ и убѣдительнымъ способомъ доказала и Родичеву, и всѣмъ, кто стоялъ на томъ же основномъ политическомъ міровоззрѣніи, насколько надежда на „совѣсть" въ дѣлѣ политической борьбы является почвой не твердой, фантастической, а потому и нежелательной, вредной. Можно и должно глубоко, твердо, свято вѣрить въ то, что „обновленіе страны" совершится, несмотря на самое дикое, ожесточенное противодѣйствіе всѣхъ тѣхъ, къ совѣсти которыхъ взывала первая Дума, но это обновленіе совершится во всякомъ случаѣ не путемъ, хотя бы и самыхъ краснорѣчивыхъ „убѣжденій" противника и не путемъ просвѣтлѣнія его совѣсти...

Вѣру въ возможность *убѣдить* противника проявилъ и депутатъ Щепкинъ, ожидавшій, что отвѣтомъ на адресъ явится „краткая вѣсть о томъ, что министерство вышло въ отставку". Чувствуя однако, что для такого ожиданія не было прочныхъ основаній, Щепкинъ развиваетъ такую мысль: „Правда, по основнымъ законамъ только Верховная Власть назначаетъ и увольняетъ министровъ, но основные законы *не препятствуютъ* министерству *добровольно* подать въ отставку, *если оно пришло къ убѣжденію* (!), что оно идетъ противъ воли народа, что оно *не можетъ* править далѣе страной. Ни основные законы, ни положеніе о Государственной Думѣ не за-

прещаютъ намъ *путемъ нашихъ преній* (!), путемъ запроса министрамъ *постепенно развивать* въ министерствѣ ту мысль, что оно не можетъ долѣе править страной".

Щепкинъ, повидимому, хотѣлъ твердо стоять на точкѣ зрѣнія подчиненія и основнымъ законамъ, и положенію о Государственной Думѣ, т.-е. на такъ называвшейся въ первой Думѣ—„строго конституціонной" точкѣ зрѣнія. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, онъ сдѣлалъ утѣшительное открытіе, что министерство можетъ, не нарушая основныхъ законовъ, и добровольно подать въ отставку, конечно, если оно „придетъ къ убѣжденію, что оно не можетъ править долѣе страной". Но такъ какъ оно не только не пришло къ этому убѣжденію, а напротивъ, заявило открыто и весьма опредѣленно передъ той Думой, которая добивалась его отставки, что „*сознавая* первостепенное значеніе мѣръ, направленныхъ къ обновленію нашего *законодательства* (но не *страны*) на началахъ Высочайшаго Манифеста 17 октября 1905 года, правительство *вмѣстѣ съ тѣмъ* проникнуто убѣжденіемъ, что могущество государства, его внѣшняя крѣпость и внутренняя сила *неизмѣнно* покоятся на закономѣрной, *но* твердой и дѣятельной исполнительной власти. Подобную власть правительство *намѣрено неуклонно* проявлять *въ сознаніи* лежащей на немъ отвѣтственности за сохраненіе общественнаго порядка *передъ Монархомъ и русскимъ народомъ*",—но не передъ Государствен-

ной Думой, не передъ народнымъ представительствомъ,—что же въ такомъ случаѣ оставалось дѣлать Думѣ? Вѣдь ясно, что министерство оставалось въ твердомъ убѣжденіи, что оно не только можетъ править и долѣе страной, но что оно даже обязано это дѣлать „въ сознаніи отвѣтственности передъ Монархомъ и русскимъ народомъ"?

И вотъ, оставаясь на „строго конституціонной" точкѣ зрѣнія, Щепкинъ и придумалъ совершенно безобидное средство, не *запрещенное* ни основными законами, ни положеніемъ о Государственной Думѣ: путемъ преній и запросовъ „постепенно развивать" въ министерствѣ мысль о томъ, что оно никуда не годится и поэтому должно уступить мѣсто другому министерству, отвѣтственному передъ Думой.

Несомнѣнно, правительство съ легкимъ сердцемъ согласилось бы съ такимъ предложеніемъ и признало бы его вполнѣ „закономѣрнымъ", или „строго-конституціоннымъ".

Чтобы приступить къ практическому осуществленію указаннаго имъ выхода изъ положенія, Щепкинъ перешелъ къ „преніямъ" съ министрами, ставъ доказывать имъ, что они не знаютъ даже и только что изданныхъ ими основныхъ законовъ. Прежде всего онъ поразилъ ихъ упрекомъ въ незнаніи ст. 35 (77) основныхъ законовъ, которая буквально гласитъ слѣдующее: „*Собственность неприкосновенна.* Принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, когда сіе необходимо для

какой-либо *государственной* или *общественной* пользы, допускается не иначе, какъ за справедливое и приличное вознагражденіе".

Щепкинъ восклицалъ, поддерживая право Думы на отчужденіе частновладѣльческихъ и проч. земель: „Господа, это 35-й параграфъ основныхъ законовъ, который Совѣтъ Министровъ забылъ".

Совѣтъ Министровъ могъ бы совершенно спокойно и вполнѣ основательно отвѣтить Щепкину, что онъ неправильно или слишкомъ произвольно толкуетъ эту статью основныхъ законовъ: какъ правило, какъ норму она утверждаетъ *неприкосновенность* собственности; какъ исключеніе она допускаетъ отчужденіе недвижимой собственности, за „приличное" вознагражденіе, но только для потребности государственной или общественной, но никакъ не для потребности частной, къ которой и по буквѣ, и по духу закона необходимо отнести потребность отдѣльныхъ гражданъ, малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ въ землѣ.

Дума поступила бы въ высшей степени неосторожно, если бы она вздумала основывать свое *право* настаивать на принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель именно на ст. 77 (35) основныхъ законовъ. Ссылки почти всѣхъ говорившихъ объ этомъ ораторовъ к.-д. партіи и М. Ковалевскаго на то, что Государство отчуждаетъ земли, когда это ему нужно, даже и „безъ церемоній", совершенно не убѣдительны съ

формально-юридической точки зрѣнія, на которой Совѣтъ Министровъ и могъ бы весьма твердо стоять, если бы Дума дѣйствительно дѣйствовала на „строго конституціонной“ почвѣ. Но Дума—въ земельномъ вопросѣ—на этой почвѣ, въ сущности, не стояла,—она стояла на почвѣ скорѣе революціонной, чѣмъ конституціонной: она разсматривала крестьянскую нужду не какъ вопросъ частнохозяйственный, а какъ вопросъ глубоко государственный, политическій; другого выхода *для умиротворенія* страны нѣтъ, а потому и частное землевладѣніе *должно* поступиться своими—съ формальной точки зрѣнія совершенно безспорными, — правами, *должно*, независимо отъ того, что говорятъ изданные 23 апрѣля 1906 года основные законы. Это требованіе политическое, требованіе учредительнаго, если можно такъ выразиться, а не законодательнаго характера, требованіе — революціонное, но никакъ не конституціонное. Ссылка на дѣйствующіе законы только колебала позицію Думы, но никакъ не утверждала ея. И министерство только радовалось бы тому пути, какой открывалъ Щепкинъ.

„И 15-го параграфа основныхъ законовъ Совѣтъ Министровъ точно также не знаетъ. По 15 параграфу только Верховная Власть объявляетъ отдѣльныя области на военномъ положеніи“, — а не „градоначальники или даже бригадные генералы на основаніи указа 29 ноября“.

А кѣмъ былъ изданъ указъ 29 ноября?— спросилъ бы Щепкина Совѣтъ Министровъ. Но Щепкинъ полагаетъ, что Совѣтъ Министровъ „не имѣетъ права, *не нарушая основныхъ законовъ*, ни на одно мгновеніе допускать *послѣ 23 апрѣля* тѣ военныя положенія, которыя провозглашены бригадными генералами и градоначальниками". На это— въ крайнемъ случаѣ — Совѣтъ Министровъ отвѣтилъ бы, что если, дѣйствительно, оказались бы мѣстности, объявленныя на военномъ положеніи не по Высочайшему повелѣнію, то таковое немедленно будетъ испрошено.

Упрекаетъ Щепкинъ Совѣтъ Министровъ и въ незнаніи 34-й (76) ст. основныхъ законовъ, на которой Щепкинъ хотѣлъ бы основать „равноправіе всѣхъ инородцевъ и иновѣрцевъ" въ выборѣ мѣста жительства и въ пріобрѣтеніи имущества. При этомъ Щепкинъ приводитъ статью эту не полностью, умалчиваетъ о послѣдней строчкѣ 34 (76) ст. основныхъ законовъ, гласящей: „*ограниченія въ сихъ правахъ установлены особыми законами*". Эта строчка—фактически—конечно, парализуетъ значеніе всей статьи, говорящей: „*Каждый* россійскій подданный имѣетъ право *свободно* избирать мѣсто жительства и занятіе, пріобрѣтать и отчуждать имущество и *безпрепятственно* выѣзжать за предѣлы государства". Но Совѣтъ Министровъ только многозначительно указалъ бы на приведенную выше послѣднюю, ограничительную,

строчку статьи, указалъ бы, что въ этихъ „особыхъ" законахъ какъ разъ и ограничены тѣ инородцы и иновѣрцы, о которыхъ говоритъ Щепкинъ, и формальная правда, закономѣрность оказалась бы на сторонѣ Совѣта Министровъ, а не Щепкина.

Нѣсколько прочнѣе позиція Щепкина въ истолкованіи имъ ст. 32-й (74) основныхъ законовъ, пользуясь которой Щепкинъ утверждалъ „право" Думы на признаніе „извѣстныхъ дѣяній, которыя нѣкогда считались преступленіями"—„не преступными". Но эта статья указываетъ на возможность изданія новыхъ законовъ, которые могутъ „исключать совершенныя виновными дѣянія изъ числа преступныхъ"; вопроса же объ амнистіи, съ которымъ, повидимому, связывалъ Щепкинъ свое указаніе на эту статью, она не касается. И во всякомъ случаѣ, пока Дума не издала соотвѣтственныхъ новыхъ законовъ, совершенно неубѣдительно и практически безполезно было заявленіе Щепкина: „*несомнѣнно*, что понятіе о преступленіи противъ государства въ смыслѣ стремленія къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя *съ изданіемъ основныхъ законовъ 23 апрѣля* измѣнилось".

Это могло быть „несомнѣнно" для Щепкина, для Думы, для народа, но могло оставаться сомнительнымъ для Совѣта Министровъ; даже болѣе того: судя по „заявленію" Совѣта въ Думѣ, Совѣтъ стоялъ на прямо противоположной точкѣ зрѣнія, и основные

законы въ этомъ ему нисколько не мѣшали.

Мы остановились на разборѣ „доказательствъ“ Щепкина, направленныхъ противъ Совѣта Министровъ на почвѣ истолкованія дѣйствующихъ основныхъ законовъ—только для того, чтобы показать, до какой степени это былъ бы путь скользкій и глубоко безплодный, не говоря о томъ, что это былъ бы путь *ложный* въ буквальномъ смыслѣ этого слова: большинство Думы, — конституціонно демократическая партія и трудовая группа,— открыто заявило еще до открытія Думы свое безусловно отрицательное отношеніе къ новымъ основнымъ законамъ, въ которыхъ это большинство Думы видѣло „новый вызовъ русскому народу,—открытое и рѣзкое нарушеніе права народа“...

Какимъ же образомъ можно было допускать признаніе этихъ законовъ въ Думѣ, въ качествѣ той почвы, на которой можно было состязаться съ министрами въ правильности толкованія этихъ законовъ? Къ нимъ у Думы могло быть только то отношеніе, которое выражено было представителемъ трудовой группы, Сѣдельниковымъ, въ засѣданіи 3 мая: „Если бы мы могли хотя на минуту согласиться съ неприкосновенностью этихъ законовъ, то намъ нечего было бы здѣсь дѣлать!“

Но конституціонно-демократическая партія не рѣшилась открыто стать на путь отрицанія основныхъ законовъ 23 апрѣля 1906 года и на вытекавшій изъ этого отрицанія—путь

„учредительныхъ функцій“, который былъ объявленъ руководящимъ до открытія Думы той же партіей, пока она вела избирательную кампанію. Отсюда двойственность „тактики“ конституціонно-демократической партіи, отсюда та борьба „принципа народнаго представительства“ съ принципомъ „строгой конституціонности“, которая приводила ораторовъ к.-д. партіи къ той уклончивости и къ тѣмъ противорѣчіямъ, которыя такъ богато разсыпаны и въ разобранныхъ нами до сихъ поръ рѣчахъ представителей этой партіи.

Щепкинъ, находя, что министерство едва ли ясно понимаетъ, „куда оно хочетъ вести страну“, останавливается на томъ, какъ понимала это Дума и каково должно было быть значеніе Думы въ дѣлѣ умиротворенія страны.

„Несмотря ни на нареканія, ни на критику слѣва, мы приняли участіе въ выборахъ въ Государственную Думу. Мы *вѣрили*, что Дума *мирнымъ* путемъ *можетъ* разрѣшить дѣйствительно роковыя задачи, стоящія передъ русскимъ народомъ. Эту увѣренность *мы* постепенно вдохнули во *всѣ* слои населенія Россіи и этимъ временно пріостановили смуту“,—какъ крестьянское движеніе, такъ—даже и *рабочее: „мы внушили вѣру въ благотворную работу Думы рабочему населенію*, внушили ее въ послѣднюю минуту выборовъ, и если временно пріостановились стачки, пріостановились забастовки, то это сдѣлала только вѣра въ Государственную Думу. Мы сдержали тѣ

слои населенія, у которыхъ *теперь, сегодня*, эта вѣра отнята. А когда эта вѣра отнята— эти слои населенія *готовы (!)* снова броситься въ освободительное движеніе и во всѣ его смуты". Ручался Щепкинъ и за то, что „послѣ сегодняшняго заявленія правильныя занятія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ немыслимы".

Подчеркиваніе „готовности" массъ *снова* броситься въ смуту, конечно, и въ этотъ разъ имѣло тотъ же характеръ „тактическихъ" угрозъ, какой оно имѣло съ перваго дня дѣятельности Думы,—это „тактика" тѣхъ, кто въ дѣйствительности не чувствуетъ за собой той грозной силы, которой и угрожать нѣтъ основаній, которой просто можно было бы воспользоваться для осуществленій своихъ требованій. Но откуда у Щепкина явилась такая увѣренность въ рабочемъ населеніи, въ его вѣрѣ въ Думу, когда рабочія массы, подъ вліяніемъ руководящей ими партіи, относились къ „ка-детской" Думѣ явно отрицательно, почти враждебно—вплоть до 9 іюля, когда со стороны рабочихъ массъ не оказалось ни одного сколько-нибудь серьезнаго выступленія въ защиту разогнанной Думы!— Такого, нѣсколько даже идиллическаго преувеличенія силы и значенія Думы другіе ораторы „большинства" не допускали. Они обычно ссылались, главнымъ образомъ, на сочувствіе и поддержку крестьянскихъ массъ, надѣялись и на „активное" выступленіе этихъ массъ въ случаѣ роспуска Думы, но на ак-

тивную поддержку пролетаріата—изъ-за роспуска Думы—не указывали рѣшительнымъ и опредѣленнымъ образомъ даже депутаты соціалъ-демократической фракціи въ Думѣ. Откуда же явилась такая увѣренность у депутата к.-д.?...

Далѣе Щепкинъ не удержался отъ обычнаго для конституціонно-демократической партіи припѣва: не соглашаясь съ увѣренностью министерства въ томъ, что оно при помощи военныхъ положеній „укрѣпляетъ Верховную Власть“, Щепкинъ хочетъ отвоевать эту миссію у министерства въ пользу Думы: „мы, отвергая это, говоримъ, что, стараясь оторвать Верховную Власть отъ народа, *министерство* этимъ самымъ *подрываетъ главные устои Верховной Власти*“.

Конечно, это опять —„тактика“: *мы* должны подорвать довѣріе Верховной Власти къ ея министрамъ, должны „поссорить“ Монарха съ его министрами! М. Ковалевскій, такъ тотъ еще прямѣе и рѣзче подчеркнулъ значеніе этихъ такъ часто повторявшихся въ Думѣ „киваній“ на „подрываніе устоевъ Верховной Власти“ министрами. Говоря объ амнистіи, такъ грубо отвергнутой „съ своей стороны“ Совѣтомъ Министровъ, М. Ковалевскій говорилъ: „Подчеркивая то, что это есть прерогатива Государя Императора, лица, засѣдающія на этихъ скамьяхъ (т.-е. министры), *открываютъ (!)* намъ то, чего они не вправѣ *открывать. Они даютъ намъ понять*, что если амнистія не даруется, то такова

воля Государя Императора. *Министерство Конституціоннаго Монарха*, сдѣлавшее подобнаго рода поступокъ, оскорбило Монарха, и *не мы* должны требовать его отставки—Верховная Власть *сама* имѣетъ для этого достаточное основаніе"!...

Чего лучше и легче—безъ хлопотъ съ „нашей" стороны! *мы* только откроемъ конституціонному Монарху глаза на „поступокъ" его министерства—и отставка министерства готова! Министерство будетъ достойно наказано за то, что „открыло то, чего оно не вправѣ открывать"!...

При этомъ наивномъ „тактическомъ" ходѣ у М. Ковалевскаго не явилась даже мысль, логически вытекавшая изъ его словъ: если „министерство конституціоннаго Монарха" *открываетъ* „волю Государя Императора", то „конституціонной" Думѣ остается только подчиниться этой волѣ, но никакъ не возстановлять при этомъ конституціоннаго Монарха противъ его же конституціоннаго Министерства!

Такъ основное противорѣчіе политической мысли неизбѣжно толкало большинство Думы, стоявшее за „строго конституціонный" образъ дѣйствій и мыслей, въ цѣлый рядъ частичныхъ противорѣчій, поражавшихъ даже явной своей логической несообразностью.

Финалъ рѣчи Щепкина тоже заключаетъ своего рода „киванія", но уже въ сторону революціонныхъ партій: „Сегодняшнее заяв-

леніе, которое является торжественнымъ провозглашеніемъ начала, что пока это министерство у власти—мирное разрѣшеніе назрѣвшихъ задачъ невозможно, это заявленіе министерства переноситъ центръ тяжести народнаго сочувствія отъ партіи „народной свободы" къ партіямъ революціоннымъ".

Чрезвычайно характерна здѣсь и увѣренность въ сочувствіи народа именно къ „партіи народной свободы" и киваніе на „революціонныя" партіи, отъ сочувствія которымъ народныхъ массъ, Щепкинъ, очевидно, хотѣлъ бы спасти, если не правительство, то во всякомъ случаѣ Верховную Власть.

На чемъ основывалась увѣренность Щепкина—какъ и многихъ его одномышленниковъ—въ сочувствіи народа именно партіи „Народной Свободы"? Очевидно, на томъ, что въ Думѣ оказалось большинство за этой партіей. А партіи, стоящія лѣвѣе ка-детовъ, партіи „революціонныя"—онѣ могли участвовать въ выборахъ на такихъ же условіяхъ, на какихъ участвовала партія конституціонно-демократическая? Неужели Щепкинъ, достаточно вѣрно отражавшій въ этомъ случаѣ всю к.-д. партію, былъ дѣйствительно убѣжденъ, что *только* послѣ „деклараціи" министерства сочувствіе народныхъ массъ перейдетъ на сторону революціонныхъ партій, и при томъ даже *отъ* партіи „Народной Свободы"? Едва ли. Кадеты отлично понимали и понимаютъ, что народныя *массы* поддержали ихъ партію съ одной стороны потому, что она

была *единственной* достаточно *оппозиціонной* партіей, имѣвшей возможность участвовать въ выборахъ *свободно*, съ другой стороны—потому, что партія эта дала народу такія обѣщанія, которыя фактически приближали ее къ партіямъ болѣе лѣвымъ. Гордиться при этихъ условіяхъ успѣхомъ и даже играть имъ на обѣ стороны—и въ сторону народа, и въ сторону правительства, предостерегая его отъ успѣха революціонныхъ партій,—какъ будто было и не къ лицу партіи оппозиціонной и дѣйствительно конституціонной — въ своихъ истинныхъ стремленіяхъ. Эта игра на обѣ стороны сказывается и въ запугиваніи правительства возможностью перехода въ сторону революціонности не только народа, но и самой конституціонно-демократической партіи. Щепкинъ, послѣ кивка въ сторону „революціонныхъ партій", продолжалъ: „Но если министерство думаетъ обойти насъ съ лѣваго фланга, если оно думаетъ, что *мы* испугаемся революціонной бури, которую оно грозитъ поднять, то министерство *ошибается*. Какъ мы не испугались военнаго положенія при министерствѣ графа Витте, такъ *не боимся и революціонной бури*, которую можетъ вызвать теперешнее министерство. И сегодня мы дружно и смѣло скажемъ: министерство, *не знающее основныхъ законовъ страны (!!), старающееся разобщить народъ отъ Верховной Власти*, идущее противъ воли народа,—должно прежде всего само уйти!"

Таковы были заключительныя слова рѣчи

Щепкина. Преступленія министерства поставлены въ чрезвычайно характерномъ порядкѣ: незнаніе основныхъ законовъ, нарушеніе интересовъ Верховной Власти и—только на третьемъ мѣстѣ—несоотвѣтствіе волѣ народа!

Въ такихъ безвыходныхъ и недостойныхъ истиннаго народнаго представительства противорѣчіяхъ путалась иногда политическая мысль представителей конституціонно-демократической партіи въ Думѣ!

Другой представитель—лѣваго крыла—конституціонно-демократической партіи, депутатъ Огородниковъ, подчеркнулъ *невозможность дальнѣйшей работы Думы*—при создавшихся условіяхъ.

„Двѣ недѣли мы здѣсь съ мучительной тревогой *взвѣшиваемъ* каждое наше слово, въ сознаніи всей *великой* отвѣтственности, которую на насъ возложилъ народъ, и вырабатываемъ нашъ адресъ, влагая въ него всѣ *требованія русской земли*, неисполненіе которыхъ *должно навѣки убить* у пославшаго насъ народа *вѣру въ возможность мирнаго исхода* дѣла, носителями котораго мы явились и которое увеличитъ до огромныхъ размѣровъ нашу отвѣтственность передъ страной. Въ теченіе всего времени эти (министерскія) скамьи были не только нѣмы, онѣ были пусты. Пустотой этихъ скамей хотѣли *унизить (!)* народныхъ избранниковъ. Тщетная надежда. Не въ этомъ наше униженіе; *оно можетъ наступить сегодня*, если мы *категорически*, рѣшительно не поставимъ тѣхъ *требованій*, которыя

одни создадутъ и далѣе наше почетное положеніе въ странѣ и создадутъ вѣру народа въ *моральную* силу, и *къ этой силѣ необходимо прибавить силу матеріальную.* Возможна ли дальнѣйшая работа при такихъ условіяхъ? Я утверждаю, что такая работа невозможна".

Вѣдь министерство, нарушивъ даже прерогативу Верховной Власти, вмѣшалось въ дѣло амнистіи и „опредѣленно высказало, что оно считаетъ амнистію несвоевременной.... Можемъ ли мы спокойно оставаться съ такой властью, разъ мы чувствуемъ, что вопросъ объ амнистіи давитъ насъ! Мы объ этомъ заявили всему міру". Далѣе—„намъ *отказали* въ необходимѣйшемъ условіи—въ уничтоженіи чрезвычайныхъ законовъ и исключительныхъ полномочій". Затѣмъ мы требовали отвѣтственнаго министерства, а намъ указали на „рамки, въ которыя мы поставлены основными законами". Изъ этихъ рамокъ Огородниковъ пытался выйти такимъ же путемъ, какъ и Щепкинъ, т.-е. „не соглашаясь" съ министерствомъ въ толкованіи этихъ законовъ. „Господа, о какихъ рамкахъ намъ придется здѣсь говорить—это вопросъ *чрезвычайно сложный*—я думаю, что *главныя рамки*, на основаніи которыхъ мы призваны сюда,—Magna charta libertatum русскаго народа, это—Манифестъ 17 октября. Исходя изъ этихъ рамокъ, мы *въ правѣ (!) требовать (?)* и мы *требуемъ (?)* всего того, что вполнѣ закономѣрно — я сейчасъ это *докажу*".

Образцы „доказательствъ“ Огородникова по существу ничѣмъ не отличаются отъ „доказательствъ“ Щепкина. Министры говорятъ, что Дума не можетъ требовать уничтоженія Государственнаго Совѣта,—но „господа, Манифестомъ 17 октября было опредѣленно указано, что ни одинъ законъ не можетъ воспріять силы закона, пока не будетъ одобренъ Государственной Думой, но тамъ не говорилось, что онъ долженъ быть одобренъ Государственнымъ Совѣтомъ“.

Огородниковъ „поймалъ“ кого-то и что-то на противорѣчіи. Но „пойманные“ могли бы возразить даже, что „Манифестъ“ еще не „законъ“, а только объявленіе „непреклонной воли“ Верховной Власти на созданіе извѣстныхъ законовъ по указанному въ Манифестѣ общему плану, общимъ началамъ,—и такими законами, прежде всего, и явились изданные 23 апрѣля „основные законы“, признанные и утвержденные той же Верховной Властью. А статья 86 (44) этихъ основныхъ законовъ уже вполнѣ опредѣленно говоритъ: „Никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія *Государственнаго Совѣта* и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора“. Какъ же вы можете „требовать уничтоженія“ Государственнаго Совѣта? Вы идете этимъ противъ основныхъ законовъ, т.-е. и противъ Верховной Власти! Вотъ что могли бы отвѣтить и Огородникову, и Думѣ министры,—да и отвѣтили въ дѣйствительности. И съ точки

зрѣнія формальной „законности“ министры, конечно, были правы. Огородниковъ же „ловилъ“ министровъ, исходя изъ той точки зрѣнія, что единственнымъ основнымъ закономъ Россійской Имперіи былъ Манифестъ 17 октября. А между тѣмъ, юристы разныхъ лагерей могутъ еще серьезно поспорить, былъ ли Манифестъ 17 октября окончательно формулированнымъ „закономъ“, или же онъ являлся только „Манифестомъ“, только торжественнымъ объявленіемъ воли Монарха на изданіе новыхъ законовъ—на указанныхъ въ Манифестѣ началахъ. И во всякомъ случаѣ, далеко не „строго-конституціонна“ та точка зрѣнія, которая отрицаетъ за Верховной Властью право на изданіе основныхъ законовъ послѣ 17 октября! Вѣдь „прерагогивъ конституціоннаго Монарха“ послѣ 17 октября вплоть до созыва Думы, да и послѣ этого, никто не ограничивалъ, а на „право“ Думы что бы то ни было „требовать“ отъ правительства—въ Манифестѣ никакихъ указаній не было. Ораторы конституціонно-демократической партіи подчеркивали только „святость *обѣщаній*“, данныхъ Монархомъ въ Манифестѣ 17 октября, но не говорили, да и не могли говорить, что эти „обѣщанія“ являются и „обязательствами“ передъ народомъ. Вѣдь это понятія не тождественныя. Самое же важное возраженіе — это то, что „Манифестъ“ намѣчалъ только общій планъ „законовъ“, и вотъ этотъ планъ, согласно волѣ Монарха, и вылился въ формѣ основныхъ зако-

новъ 23 апрѣля. Какимъ же образомъ можно было восклицать, оставаясь на „строго конституціонной“ точкѣ зрѣнія: „А всѣ тѣ основные законы, которые *исполнительная власть* (не надо было умалчивать: „по повелѣнію Верховной Власти“!) дала намъ за нѣсколько дней до открытія Думы! Развѣ это не нарушеніе основныхъ законовъ (?)—Magna charta libertatum русскаго народа! Тѣ рамки, которыя *потомъ* созданы, являются нарушеніемъ закона, и совершенно естественно и *необходимо* въ нашемъ положеніи требовать отвѣтственности исполнительной власти. Это требованіе вытекаетъ *изъ самой сущности народнаго представительства* (но никакъ не изъ Манифеста 17 октября!) и съ этими требованіями совершенно опредѣленно связывается вопросъ о нашемъ дальнѣйшемъ достоинствѣ или *безчестіи*“(!)... Пока не будетъ отвѣтственнаго министерства „мы будемъ дѣйствовать въ безвоздушномъ пространствѣ!“ Однако, Огородниковъ твердо вѣритъ въ успѣхъ Думы: „Господа, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что мы этого достигнемъ! Требованія, нами поставленныя, несомнѣнно—требованія всего народа, и смѣяться надъ этими требованіями, смѣяться, какъ это было сдѣлано сегодня, — народное представительство *не позволитъ*!“

Тѣмъ не менѣе, фактъ уже на-лицо: *министерство* (?) уже посмѣялось! „Господа, въ какое положеніе поставила насъ сегодняшняя декларація министерства? Я думаю выходъ

одинъ: дальнѣйшая *совмѣстная* работа невозможна", т.-е. „намъ нужно, чтобы здѣсь была исполнительная власть, послушная велѣніямъ народа, пользующаяся его довѣріемъ".

Таковы были послѣднія слова Огородникова, какъ и всѣхъ почти другихъ ораторовъ, говорившихъ 13 мая. Но указанный Огородниковымъ „выходъ" не былъ еще выходомъ: „намъ нужно", чтобы министерство ушло, но оно и не думаетъ уходить! Вотъ изъ этого положенія надо указать выходъ, а совсѣмъ не изъ того, какое создалось въ воображеніи стоявшихъ на такой же точкѣ зрѣнія, какъ Огородниковъ, т.-е. на совершенно фиктивной, иллюзорной, „строго конституціонной" точкѣ: при конституціонномъ строѣ министерству, несогласному съ палатой, остается одинъ выходъ—выходъ въ отставку. На этотъ выходъ и указывали всѣ „конституціоналисты" первой Думы. Но ихъ указанія были указаніями на пустое мѣсто, такъ какъ первая Дума дѣйствовала еще не при конституціи. Пока Дума оставалась на „строго конституціонной" почвѣ при отсутствіи конституціи, она жила въ области непростительной и недостойной истинныхъ народныхъ представителей иллюзіи,—и отсюда весь этотъ причудливый, фантастическій и безконечно цвѣтистый лабиринтъ противорѣчій.

Даже наиболѣе спокойный, наиболѣе свободный отъ цвѣтистости и излишней пламенности чувствъ, а ближе стоящій къ дѣлу и къ „праву" ораторъ конституціонно-демокра-

тической партіи въ Думѣ, Кокошкинъ, теряетъ дѣйствительную почву подъ ногами, когда въ своей рѣчи 13 мая начинаетъ основываться на Манифестѣ 17 октября, приравнивая его, по существу, тоже къ „Magna charta libertatum“: „Со времени изданія Манифеста 17 октября, со времени *провозглашенія* неприкосновенности личности, *всякое* административное задержаніе есть уже *беззаконіе*. Вѣдь правительство не исполнило обязанности, возложенной на него Манифестомъ 17 октября. Эту обязанность не исполнило и предшествующее правительство, министерство гр. Витте, и новое правительство опять становится на этотъ путь — неисполненія Манифеста“...

Въ отвѣтъ на обвиненіе въ „беззаконіи“ за административныя задержанія, власть могла бы сослаться на слова самого же Манифеста: „Повелѣвъ подлежащимъ властямъ *принять мѣры* къ устраненію прямыхъ проявленій *безпорядка*, безчинствъ и насилій“... Это мѣсто „Magna charta libertatum“ русскаго народа давало недурную „юридическую“ почву и для дѣйствій „твердой“ исполнительной власти. Далѣе, о какой „неисполненной обязанности“ правительства говорилъ Кокошкинъ? Обязанность правительства заключалась въ выработкѣ и представленіи въ Думу новыхъ законовъ, согласно Манифесту 17 октября. Это оно и обѣщало сдѣлать даже въ своемъ заявленіи 13 мая. А до изданія и утвержденія новыхъ законовъ, конечно, оно могло руко-

водствоваться только старыми законами, хотя бы они освящали и всякое беззаконіе. Министръ юстиціи, отвѣчавшій въ засѣданіи 13 мая на нападки Думы, былъ совершенно правъ съ формально-юридической стороны, говоря: „мы еще должны продолжать свое существованіе подъ дѣйствіемъ старыхъ законовъ. Какъ бы мы ни относились къ оцѣнкѣ этихъ законовъ, какъ бы мы ни признавали ихъ обветшалыми и несовершенными, тѣмъ не менѣе, пока эти законы не отмѣнены, мы должны ими руководствоваться".

Конечно, министръ юстиціи былъ въ этихъ словахъ такъ же „неискрененъ", какъ и основывавшіе всю свою аргументацію на толкованіи Манифеста 17 октября и основныхъ законовъ думскіе ораторы: министръ юстиціи отлично зналъ, что при законѣ, освящавшемъ произволъ и беззаконіе, можно бы было безъ всякихъ затрудненій взять любой курсъ, не исключая и курса въ сторону „освободительнаго движенія", въ сторону исполненія Манифеста 17 октября. Министръ, жалуясь на то, что „положеніе министерства, несомнѣнно, представляется въ высшей степени труднымъ", конечно, только смѣялся надъ безсильной—и юридически, и фактически—Думой: онъ зналъ, что *формально-юридическихъ* трудностей для новаго курса не существовало, разъ былъ Манифестъ 17 октября, которымъ—при желаніи правительства—можно бы было оправдать какой угодно либеральный курсъ; но министръ зналъ,

что имѣются „трудности“ фактическія, а не юридическія: эти трудности заключались въ полнѣйшемъ *нежеланіи* правительства, вообще представителей стараго строя, дѣлать дѣйствительныя уступки „освободительному движенію“, вырвавшему Манифестъ 17 октября; министръ зналъ, что причина этого нежеланія заключалась въ сознаніи правительства, что оно располагаетъ еще достаточными *фактическими, реальными*, а не формальными, юридическими, бумажными силами для противодѣйствія ненавистнымъ для него притязаніямъ и посягательствамъ „принципа народнаго представительства“. Но разъ Дума выступала съ оружіемъ формально-юридическаго свойства, правительство—въ тонъ Думѣ—въ правѣ было и само стать на такую же почву, и безъ труда торжествовать побѣду, даже съ грустной улыбкой выставлять себя угнетаемой невинностью, какъ это сдѣлалъ министръ Щегловитовъ въ засѣданіи 13 мая. Все это должно бы было убѣждать любителей формально-юридическихъ преній въ Думѣ съ министрами только въ томъ, что этотъ путь—представляетъ лишь путь жестокаго осмѣянія самаго существа народнаго представительства, путь издѣвательства надъ тѣми требованіями и ожиданіями народа, народной совѣсти, народнаго горя,—которыя призваны представлять и защищать народные представители.

Думскіе юристы оказались бы на гораздо болѣе вѣрномъ пути, если бы они внимательно-

нѣе остановились на тѣхъ мысляхъ, которыя—къ сожалѣнію, не до конца послѣдовательно—развивалъ въ отвѣтъ на рѣчь министра юстиціи, Гредескулъ: „Наша трагедія заключается въ томъ, что въ отвѣтъ на стремленіе Россіи къ *освобожденію*, къ *реализаціи* Манифеста 17 октября, противъ насъ выдвинута была эта колоссальная и неслыханная машина беззаконія и произвола... Мы изъ хода событій вынесли убѣжденіе, что для правительства всего этого (ссылокъ и разстрѣловъ), мало и что *власть*, которая примѣняла эти мѣры, *можетъ рѣшиться на все, что угодно*, въ своей *борьбѣ* съ освободительнымъ движеніемъ. Если для того, чтобы *остановить* это движеніе, *прошлаго* покажется мало, будетъ пущено въ ходъ гораздо больше, *будутъ пущены въ ходъ какіе угодно законы*, и, можетъ быть, ихъ возведутъ къ *тому же* (какому?) законодательному *источнику*, къ которому возводили раньше... Мы переживаемъ величайшую трагедію, и я не желалъ бы наступленія фактическихъ доказательствъ этому въ будущемъ, хотя и сомнѣваюсь, чтобы этого не произошло“.

Жизнь, какъ извѣстно, не замедлила блестящимъ образомъ подтвердить этотъ глубоко реальный взглядъ на переживаемую Россіей трагедію, несмотря на самыя убѣдительныя „доказательства“ другихъ думскихъ юристовъ, что „правительство вступило на путь неисполненія манифеста 17 октября“, что оно „не знаетъ основныхъ зако-

повъ“, что „Magna charta libertatum русскаго народа“ обязываетъ правительство сознать свой тяжкій грѣхъ и „повиниться“ передъ народомъ...

Глубоко несчастенъ былъ бы русскій народъ, если бы онъ согласился признать въ Манифестѣ 17 октября „Magna charta libertatum“—свою „Хартію свободъ“! Онъ долженъ еще будетъ завоевать себѣ эту хартію въ борьбѣ со всѣми тѣми силами, которыя стояли, стоятъ и будутъ стоять противъ этой хартіи. И когда организованныя силы русскаго народа будутъ достаточны для того, чтобы *фактически* закрѣпить за собой *право* на эту хартію, только тогда уже можно будетъ опираться на нее, и какъ на юридическій документъ. До тѣхъ же поръ всякія попытки словесныхъ турнировъ съ властью на почвѣ толкованія бумажныхъ хартій будутъ только унижать достоинство народнаго представительства.

А пока еще только совершается процессъ организаціи народныхъ силъ, обязанность того неполнаго и малосильнаго народнаго представительства, какое только и можетъ быть при такихъ условіяхъ, заключается никакъ не въ затемнѣніи народнаго политическаго сознанія, а въ его выясненіи и укрѣпленіи. Народъ не побоится смотрѣть правдѣ прямо въ глаза, не побоится сдѣлать и тѣ прямые рѣшительные выводы, которые вытекаютъ изъ сознанной правды.

Прекраснымъ доказательствомъ этому слу-

житъ глубоко безхитростная и правдивая рѣчь въ Думѣ 13 мая тамбовскаго депутата, крестьянина Лосева, причислявшагося до этого момента къ „Ерогинцамъ“. Но этотъ „Ерогинецъ“, какъ только сознаніе его подсказало ему или хотя бы дало ему смутное представленіе о томъ, гдѣ правда—не задумался немедленно перейти въ прямо противоположную группу Думы.

Мы остановимся на рѣчи Лосева, какъ на глубоко поучительномъ образчикѣ той эволюціи, которая совершалась въ политическомъ міровоззрѣніи такъ назыв. „безпартійныхъ“ крестьянъ въ Думѣ.

„Господа народные представители, — началъ свою рѣчь Лосевъ,—до сегодняшняго дня я былъ движимъ чувствомъ радости, я думалъ, что вотъ настанетъ тотъ моментъ, въ который начнется обновленіе нашей измученной страны, я думалъ, что этотъ голосъ измученной страны раздался по всей странѣ и дошелъ до слуха великаго, священнаго нашего Монарха... До сегодняшняго дня сердце мое чувствовало радость: вотъ исчезнетъ тотъ моментъ гибели, который грозилъ всей странѣ, вотъ настанетъ счастливый моментъ, когда продерутся сквозь слезы утомленные, измученные глаза крестьянъ, которые увидятъ лучи обновленной страны и благосостояніе своей жизни, которые не будутъ болѣе бояться угрозъ этого полицейскаго режима, которые не будутъ болѣе жить при такой бѣдности, въ такой голод-

ной странѣ и съ лишеніемъ всѣхъ ихъ правъ. Но, друзья, я вамъ скажу, радость моя была, и сердце мое чувствовало радость только до сегодня. Я нынѣ услышалъ, съ этой трибуны, тотъ ужасный голосъ, который принесъ сюда премьеръ, предсѣдатель Совѣта Министровъ; онъ ясно и кратко сказалъ, что все то, чего требуетъ страна, безусловно недопустимо ставить на разрѣшеніе Государственной Думы. Мнѣ это грустно отпечаталось... Чтобы удовлетворить голодную страну, это министерство, подъ руками котораго мы находимся, какъ безотвѣтныя и безсловесныя животныя, съ этой трибуны принесло намъ бумагу и говоритъ: „Эти нужды, это удовлетвореніе недопустимо". Меня это сильно огорчило, да думаю, что не одного меня, но я думаю—всю страну. Этотъ листокъ помутилъ глаза крестьянъ... Нынѣ я снова получилъ себѣ грустное впечатлѣніе и теперича, дорогіе мои, я опять вижу свое несчастное положеніе, опять намъ грозитъ та золотая туча этихъ золотыхъ мундировъ бюрократіи, которая снова насъ раздавитъ. А если она насъ не раздавитъ, то что же она изъ насъ здѣсь хочетъ представить? Этого я не могу себѣ представить"... И опять заговоривъ о крестьянствѣ, относительно котораго „много сожалѣній было высказано на бумагѣ, но на самомъ дѣлѣ еще до сихъ поръ нѣтъ ничего", Лосевъ сказалъ: „Я хорошо знаю, что это 100-милліонное крестьянство имѣло бы громадную силу, если бы дать въ его руки

такіе способы, при которыхъ оно могло бы расти и развиваться. Но кого же оно теперь собою изображаетъ?... Это сильный, могучій, но слѣпой Сампсонъ... Мы сильны, но всѣми хитростями и кознями мы ослѣплены, и поэтому... насъ обращаютъ въ игрушку... насъ берутъ на это зрѣлище, какъ Сампсона брали филистимляне. Еще разъ я повторяю всѣмъ, на комъ лежитъ обязанность, взять за примѣръ и не забывать этого Сампсона, и не забывать этой 100-милліонной группы крестьянъ..."

Разсказавъ, что сдѣлалъ Сампсонъ, Лосевъ закончилъ свою рѣчь такими словами: „Это онъ сдѣлалъ потому, что ему тошно стало жить сильному, но слѣпому... Друзья, теперь я обращаюсь къ вамъ и говорю, что все трудовое крестьянство поставлено теперь въ такое же критическое положеніе, что его сдѣлали, какъ этого жалкаго, слѣпого Сампсона. Но я одно долженъ сказать вамъ: я не ручаюсь за то, выдержитъ ли этотъ несчастный Сампсонъ или также упрется и скажетъ: „умри, душа моя, съ филистимлянами"!...

И „филистимляне" должны были чувствовать всю искренность, всю глубину и всю силу этого представителя жалкаго ослѣпленнаго Сампсона... Они должны были чувствовать, что Сампсону стало тошно жить и что даже „при помощи хитрой и коварной Далилы" имъ не удастся продолжать издѣваться надъ нимъ,—тѣмъ болѣе, что въ сущест-

вованіи русскаго Сампсона они заинтересованы гораздо болѣе, чѣмъ филистимляне—въ существованіи библейскаго Сампсона. Конечно, филистимлянъ убѣдить трудно; но не для убѣжденія ихъ говорилъ Лосевъ: онъ говорилъ для того, чтобы передъ пославшими его крестьянами раскрыть все то, что начинало раскрываться передъ его глазами, что глубоко поразило его сознаніе, что привело его къ размышленіямъ о „силѣ стомилліоннаго крестьянства" и о возможности трагическаго для страны проявленія этой силы. Лосевъ явился въ Думу съ радостью въ сердцѣ, съ надеждой на „милость великаго, священнаго нашего Монарха". Но здѣсь онъ прежде всего натолкнулся на „золотую тучу золотыхъ мундировъ бюрократіи", которая произвела на него такое сильное впечатлѣніе, очевидно, въ Георгіевскомъ залѣ Зимняго дворца, при пріемѣ Думы Монархомъ—въ присутствіи этой „золотой тучи мундировъ бюрократіи"—исполнительной власти Монарха. И вотъ эта „золотая туча" „ясно и кратко" отказываетъ крестьянству, въ томъ, чего оно ждало, на что надѣялось, чего требовало. И мысль Лосева приходитъ къ неизбѣжному логическому выводу—къ необходимости борьбы съ „золотой тучей" и борьбы не „на бумагѣ" только, а борьбы реальной, фактической, угрожающей перспективой: „умри, душа моя, съ филистимлянами"!... Другого логическаго вывода не сдѣлаютъ и массы: чѣмъ упорнѣе будетъ отказъ въ ихъ требованіяхъ, тѣмъ

неизбѣжнѣе будетъ ростъ и строгость ихъ требованій, которыя они поддержатъ, въ концѣ концовъ, глубоко трагическимъ и грознымъ всенароднымъ крикомъ: „Умри, душа моя, съ филистимлянами"!...

Но ни одна партія, ни одна группа въ первой Думѣ не стояли, вполнѣ послѣдовательно и рѣшительно, на почвѣ дѣйствительнаго соотношенія реальныхъ политическихъ силъ, ни для одной партіи или группы это соотношеніе не представлялось яснымъ, спокойно и достаточно точно учтеннымъ. Дума, парализованная иллюзіей будто бы уже существующей „конституціи", пыталась дѣйствовать болѣе легкими путями и средствами, боялась прійти къ тѣмъ логическимъ выводамъ, которые сами собой вытекали изъ всего того, что совершалось, и даже изъ того, что говорилось въ самой Думѣ.

Такъ, по самому основному политическому вопросу момента, по вопросу о правахъ Думы, по вопросу о „конституціи", всѣ ораторы—и конституціонно-демократической партіи, и трудовой группы, и даже „умѣренные"—настойчиво подчеркивали „противорѣчіе" основныхъ законовъ съ Манифестомъ 17 октября, объявлявшимъ „непреклонную волю" Верховной Власти: „установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы". Мы видѣли уже, какъ указывали на это „противорѣчіе" ораторы к.-д. партіи. Еще болѣе рѣшительно подчеркнулъ его

представитель трудовой группы, Сѣдельниковъ.

Иронизируя надъ словами министра юстиціи, жаловавшагося на то, что правительству приходится руководствоваться „обветшалыми“ законами, Сѣдельниковъ указалъ, что „законъ 23 апрѣля всего на 4 дня старше Государственной Думы... Когда же законы успѣли такъ обветшать?..“ И далѣе: „Что такое представляютъ изъ себя эти законы? Это не что иное, какъ такъ называемая на языкѣ государствовѣдѣнія *конституція*, которая была выработана на скорую руку и опубликована за 4 дня до созыва Государственной Думы, чтобы связать этой Думѣ руки. Эти основные законы находятся въ противорѣчіи съ Манифестомъ 17 октября, гдѣ было сказано, что ни одинъ законъ не будетъ изданъ безъ одобренія Государственной Думы; между тѣмъ основной законъ—конституція россійскаго государства,—издается не только безъ одобренія, но и до созыва Государственной Думы“.

Казалось бы, вопросъ поставленъ совершенно ясно: разъ „*никакой* законъ не можетъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы“, то Государственная Дума должна или, во всякомъ случаѣ, можетъ выработать и основной законъ, конституцію государства Россійскаго, т.-е. взять на себя функціи учредительнаго собранія. Но тогда ей пришлось бы начать съ отрицанія прежде всего основныхъ законовъ 23 апрѣля, затѣмъ и всякихъ

другихъ основныхъ законовъ, а также поставить вопросъ объ отношеніи Думы къ Верховной Власти, т.-е. признать или не признать за ней право давать ту *конституцію*, выработка которой, по *буквальному* смыслу Манифеста 17 октября, какъ будто бы должна принадлежать цѣликомъ Думѣ и которую, однако, уже дала Верховная Власть 23 апрѣля. Очевидно, что если бы можно было опираться на буквальный смыслъ Манифеста 17 октября, и если бы можно было *на такой опорѣ* строить какую бы то ни было политику, то Дума логически пришла бы къ заключенію, что Верховная Власть Манифестомъ 17 октября сама себя лишила права издавать какіе бы то ни было законы, тѣмъ болѣе основные, безъ одобренія Думы. Въ такомъ случаѣ Дума начала бы свою дѣятельность не съ отвѣтнаго адреса, а съ проекта русской конституціи, который она, не желая прямого и рѣзкаго разрыва съ Верховной Властью, и предложила бы на формальную санкцію этой Власти. Но Дума, какъ учредительное собраніе, къ которому фактически перешла бы въ этомъ случаѣ Верховная Власть въ Государствѣ, могла бы даже и измѣнить образъ правленія въ Россіи, высказавшись за республиканскій, а не монархическій образъ правленія.

Таковъ былъ бы ходъ работы Думы, если бы она послѣдовательно стала на точку зрѣнія буквальнаго толкованія Манифеста 17 октября, рѣшивъ, что этотъ Манифестъ и соста-

вляетъ для Думы основу ея политической дѣятельности. Само собою разумѣется, однако, что такая точка зрѣнія была бы не только „конституціоннымъ", но даже и просто логическимъ „абсурдомъ": создаться и собраться по велѣнію Верховной Власти, отъ своихъ прерогативъ совершенно не отказывавшейся, и затѣмъ „уловить" этотъ отказъ въ буквальномъ смыслѣ и толкованіи словъ этой же самой Верховной Власти, это—глубоко безполезная, глубоко вредная и глубоко недостойная народныхъ представителей политическая софистика, простое подъяческое крючкотворство, за которое Думу могли бы только *разогнать*—въ самомъ прямомъ и позорномъ смыслѣ этого слова, какъ сборище людей и нечестныхъ, и недостойныхъ.

На „толкованіи" Манифеста 17 октября нельзя было основывать политическія притязанія Думы, ея стремленіе къ „учредительнымъ функціямъ". Аладьинъ былъ совершенно правъ, говоря, что учредительное собраніе принадлежитъ „къ числу такихъ вещей, которыхъ не просятъ и даже не требуютъ". Если „учредительныя функціи" еще — не „учредительное собраніе", то во всякомъ случаѣ и на нихъ нельзя было „испрашивать разрѣшенія", а тоже нужно было „прямо брать", основываясь только на готовыхъ къ этому реальныхъ политическихъ силахъ. Компромиссный же, а то и прямо „обходный" путь неизбѣжно долженъ былъ привести къ безвыходнымъ противорѣчіямъ.

Путь „толкованій“ Манифеста 17 октября былъ и политическимъ, и логическимъ абсурдомъ. „Разъясненіе“ этого и сдѣлано было Думѣ Совѣтомъ Министровъ 13 мая. Думѣ былъ, дѣйствительно, „прочитанъ урокъ“, смыслъ котораго сводился къ тому, что политика можетъ и должна опираться только на силу, и всякому серьезному политическому шагу долженъ предшествовать возможно болѣе *точный* подсчетъ и учетъ тѣхъ реальныхъ политическихъ силъ, на которыхъ та или другая группа, сторона собирается основать свои требованія, свои притязанія. Политика правительства опиралась на совершенно реальныя, даже „грубо физическія“ силы, учетъ которыхъ былъ сдѣланъ правительствомъ достаточно вѣрно. Уступка правительства—Дума и Манифестъ 17 октября—были сдѣланы въ моментъ напряженной борьбы реальныхъ силъ: стараго строя съ одной стороны, и народа, главнымъ образомъ, пролетаріата, съ другой стороны. Острый моментъ этой борьбы прошелъ, силы пролетаріата оказались временно ослабѣвшими, и правительство, какъ одна изъ двухъ „враждующихъ сторонъ“, постаралось воспользоваться усталостью другой стороны, и въ результатѣ, „противорѣчіе“ Манифесту 17 октября—„основные законы“ 23 апрѣля. Пролетаріатъ, вообще вся „освободительная армія“, добиваясь „свободы“, не считались съ дѣйствовавшими въ то время основными законами. Противъ организованной силы, защищавшей старый законъ, борцы

за новый законъ выставили только такую же организованную силу. Ни къ какимъ уловкамъ и толкованіямъ писанныхъ законовъ они не прибѣгали. Не должна была бы прибѣгать къ нимъ и Дума, если бы она вполнѣ отчетливо усвоила себѣ взглядъ на себя, какъ на легализованную представительницу и продолжательницу работы того освободительнаго движенія, которое силой вырвало и Положеніе, и Думу, и Манифестъ 17 октября.

Дума должна была посмотрѣть на свое положеніе просто: моментъ политической борьбы измѣнился не въ сторону освободительнаго движенія, а въ сторону реакціи, такъ какъ центръ освободительной арміи— организованный пролетаріатъ — временно ослабленъ настолько, что даже не могъ получить участія въ построеніи перваго русскаго народнаго представительства, а не получивши—перешелъ къ бойкоту этого представительства, какъ совершенно не отвѣчавшаго его требованіямъ; на minimum'ѣ пролетаріатъ мириться не хотѣлъ, онъ продолжалъ— если не реально, то идейно — жить своей прежней революціонной точкой зрѣнія, надѣясь осуществить ее когда-нибудь, когда силы его возстановятся; на крестьянство, какъ на силу пока еще слишкомъ стихійную, не организованную и даже вообще—сравнительно съ пролетаріатомъ—мало доступную организаціи, особенно при наличныхъ политическихъ условіяхъ,—Дума не могла твердо полагаться, если бы она, ея лѣвое крыло—и

въ этомъ пунктѣ—не подчинялась иллюзіи. Слѣдовательно, Дума должна бы была съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности руководствоваться яснымъ и мужественнымъ сознаніемъ и признаніемъ недостаточности своей политической силы для того, чтобы вступить въ открытую *борьбу* съ правительствомъ даже за тотъ minimum освободительныхъ требованій, какой заключался въ Манифестѣ 17 октября. Объ учредительномъ собраніи или даже объ учредительныхъ функціяхъ—открыто—не могло быть и рѣчи, такъ какъ не было реальныхъ силъ, на которыя могла бы при этомъ опереться *Дума*. Выходъ изъ этого положенія для Думы могъ быть троякій. Самый простой путь, но далеко не представляющій ничего „великаго", напротивъ—отвѣчающій только, какъ человѣческой слабости вообще, такъ и политической слабости Думы въ частности, это тотъ путь, который въ дѣйствительности и избрала Дума,—путь *не открытой, не прямой* борьбы съ правительствомъ, разсчитанной на цѣлый рядъ косвенныхъ—въ политической борьбѣ — факторовъ, каковы факторы психологическаго характера, факторы, воздѣйствующіе на умъ, на убѣжденія, на совѣсть, на сердце, на благородство враждующей стороны... Что же касается стороны союзной—народа, то и здѣсь „разсчетъ" Думы оказался тоже *косвеннымъ*: народъ, оставаясь зрителемъ такой борьбы, долженъ былъ видѣть въ Думѣ высокую трибуну, съ которой

развертывалась всесторонняя критика стараго строя, шла широкая пропаганда тѣхъ политическихъ идей, которыя должны были *еще* только *подготовлять* народъ къ организаціи и къ активной поддержкѣ народнаго представительства.

Этотъ путь съ практической точки зрѣнія тоже, конечно, могъ дать извѣстные положительные результаты въ пользу освободительнаго движенія, органическую связь свою съ которымъ Дума открыто признавала. Но этотъ путь былъ не прямымъ, не открытымъ путемъ, а потому то *идейно-политическое* воздѣйствіе, которое являлось его цѣлью и его оправданіемъ, не могло быть достаточно полнымъ и цѣльнымъ, такъ какъ идейное воздѣйствіе требуетъ ясности, прямоты, чистоты самыхъ способовъ его осуществленія. При отсутствіи же этихъ условій, этотъ путь неизбѣжно ведетъ къ атмосферѣ противорѣчій, неустойчивости, непослѣдовательности и затемнѣнію того политическаго сознанія, ростъ эотораго является основной цѣлью этого пути.

Другой путь—прямо противоположный этому первому пути. Сознавая за собой отсутствіе достаточныхъ реальныхъ силъ для *осуществленія* даже того minimum'а народныхъ требованій, съ которыми явилась Дума, она должна была совершенно ясно, прямо сформулировать всѣ тѣ требованія и условія, при осуществленіи которыхъ только и возможно было само существованіе народнаго предста-

вительства, и обратиться съ этимъ своимъ заявленіемъ съ одной стороны къ Верховной Власти, отъ которой фактически зависѣло дать санкцію требованіямъ народнаго представительства и тѣмъ завершить Манифестъ 17 октября,—съ другой стороны—къ народу, политическое сознаніе котораго получило бы въ заявленіи Думы и свое выраженіе, и руководство къ своему дальнѣйшему развитію. Въ заявленіи своемъ Дума,—если бы она стояла на такомъ прямомъ, открытомъ пути—не политической борьбы, которая была невозможна, а только политическаго представительства, которое являлось только первымъ этапомъ, прелюдіей дѣйствительной политической борьбы,—конечно, ни въ какомъ случаѣ не имѣла бы права говорить о безотвѣтственности Верховной Власти, такъ какъ *въ дѣйствительности* Верховная Власть ко времени созыва Думы являлась такой же неограниченной, какой она была и до созыва Думы, до Манифеста 17 октября, слѣдовательно на Верховной Власти—фактически—лежала и отвѣтственность за постановку первыхъ шаговъ *созданнаго сверху* народнаго представительства, зародыша конституціи. До выработки основныхъ законовъ народнымъ представительствомъ, самостоятельно или совмѣстно съ Верховной Властью, по ея почину, свободному или вынужденному—безразлично, никакой конституціи въ Россіи не существовало и существовать не могло. Слѣдовательно, отвѣтственность за исходъ

создавшагося политическаго момента попрежнему оставалась на Верховной Власти. Дума, если бы она дѣйствовала прямо, открыто и послѣдовательно, должна была только подчеркнуть эту отвѣтственность Верховной Власти, какъ передъ ней самой, такъ и передъ народомъ,—а не создавать той глубоко непослѣдовательной и вредной фикціи „безъотвѣтственности Монарха", которую пустила въ ходъ, главнымъ образомъ, конституціонно-демократическая партія въ Думѣ изъ „тактическихъ" соображеній, подъ давленіемъ создавшейся роковымъ образомъ атмосферы самообольщенія и самообмана.

Дума должна была безо всякаго самообольщенія откровенно признаться и сказать „Манифестъ 17 октября еще не былъ, да и не могъ быть нашей *конституціей*. Это была только вынужденная уступка въ разгарѣ освободительной борьбы народа. Дума однако явилась для того, чтобы заявить, что народъ продолжаетъ *требовать* конституціи, для выработки которой должно собраться или должно быть созвано учредительное собраніе на основѣ полной избирательной формулы. Отъ Верховной Власти—и фактически, и юридически—зависитъ сдѣлать или не сдѣлать уступку ясно выраженному народному требованію, за правильность формулировки котораго, конечно, отвѣтственны передъ народомъ всецѣло только народные представители, а за удовлетвореніе или неудовлетвореніе котораго такъ же всецѣло отвѣтственна передъ

народомъ только Верховная Власть. Если Верховная Власть признаетъ для себя возможнымъ сдѣлать такую уступку, Дума беретъ на себя выработку закона о всеобщемъ избирательномъ правѣ для созыва учредительнаго собранія, и затѣмъ расходится. Амнистія и отмѣна исключительныхъ положеній и законовъ — совершенно неизбѣжная логическая предпосылка учредительнаго собранія—должна послѣдовать только по почину и по праву Верховной Власти Монарха".

Исходя изъ такихъ основныхъ мыслей, Дума, которая не имѣла еще ни права, ни основанія считать себя парламентомъ, свела бы себя къ роли *выразительницы* народной воли— и только. Отъ Монарха зависѣло пойти или не пойти въ согласіи съ народной волей, и на немъ оставалась вся отвѣтственность за послѣдствія.

При такой прямой, открытой и логически послѣдовательной постановкѣ вопроса, Думу распустили бы, вѣроятно, черезъ двѣ недѣли, а не черезъ два мѣсяца, но едва ли отъ этого политическое положеніе страны хотя бы сколько-нибудь измѣнилось бы къ худшему. Возможно, что такая же участь постигла бы и вторую, и третью Думу; но если вторую и третью Думу постигнетъ судьба первой, т.-е. существованіе ихъ будетъ измѣряться мѣсяцами, а не недѣлями—едва ли это будетъ имѣть существенное значеніе въ ходѣ борьбы за конституцію. Но при такомъ прямомъ, открытомъ и послѣдовательномъ пути прежде

всего въ гораздо большей степени сохраняется достоинство народнаго представительства, какъ политическаго принципа; затѣмъ и *моральная* сила этого принципа, несмотря на всю подчиненность этой силы по сравненію съ силой *реальной*,—при условіи сохраненія чистоты и прямоты ея проявленія, оказалась бы на гораздо большей высотѣ, чѣмъ при путяхъ обходныхъ, компромиссныхъ, логически непослѣдовательныхъ.

Третій путь, это путь примиренія съ тѣмъ minimum'омъ уступокъ со стороны старой власти, какой фактически предлагался первой Думѣ, но какой былъ безконечно ниже того minimum'а, который формулированъ въ Манифестѣ 17 октября. При этомъ пути Дума была бы низведена къ роли безправнаго, придаточнаго, совѣщательнаго органа при правительствѣ, которое—на первыхъ порахъ—грубо пользовалось бы такимъ псевдо-народнымъ представительствомъ для прикрытія своей мстительно-реакціонной политики по отношенію къ освободительному движенію, само оставаясь на почвѣ „конституціоннаго“ обмана, поддерживая передъ народомъ и передъ другими культурными странами—создававшуюся иллюзію „конституціи“.

Несомнѣнно, этотъ путь всего болѣе отвѣчалъ бы истиннымъ желаніямъ „конституціоннаго“ правительства, которое и теперь, послѣ роспуска первой Думы, нисколько не скрываетъ своего желанія создать „послушную“ Думу.

Возможно, что даже и этотъ путь постепенно привелъ бы все-таки къ расширенію правъ Думы, къ фактическому закрѣпленію за ней законодательныхъ правъ, къ фактической отвѣтственности передъ Думой исполнительной власти. На такой принципіальной точкѣ зрѣнія и стояли, повидимому, лучшіе представители немногочисленной группы „умѣренныхъ“ въ Думѣ, напр. гр. Гейденъ. Но съ одной стороны, еще вопросъ—надолго ли хватило бы силъ и терпѣнія у сколько-нибудь сознательныхъ „умѣренныхъ“ оставаться въ такой совершенно безправной роли, а у министровъ—терпѣнія выслушивать и отъ „умѣренныхъ“ ихъ хотя бы и мягкую критику; съ другой стороны—и это, конечно прежде всего—уступчивость старому строю почти до полнаго отказа въ наиболѣе насущныхъ требованіяхъ народа, не могла вызвать рѣшительно никакого сочувствія въ народныхъ массахъ,—и сама жизнь отбросила бы такую „послушную“ Думу, какъ совершенно ненужную для страны бюрократическую побрякушку.

Но съ точки зрѣнія прямоты и послѣдовательности политической мысли, этотъ путь, во всякомъ случаѣ, стоитъ выше перваго пути, являясь однако совершенно безполезнымъ и безплоднымъ съ точки зрѣнія практической политики, чего, конечно, нельзя сказать о первомъ пути, т.-е. о пути, по которому дѣйствительно и пошла первая Дума. Путь „примиренія“, названный впослѣдствіи

представлявшими его въ Думѣ депутатами „мирнымъ обновленіемъ", исходилъ изъ совершенно ясныхъ положеній: „Монархъ даровалъ намъ извѣстныя, опредѣленныя въ основныхъ законахъ и въ положеніи о Думѣ права, чрезвычайно ограниченныя, но всетаки права, пользуясь которыми, можетъ быть, кое-что и удастся сдѣлать для страны. Постепенно, вѣроятно, намъ удастся расширить и закрѣпить за собой эти права, но такой путь развитія народнаго представительства мы должны совершать весьма постепенно, весьма осторожно, не нарушая ни въ чемъ прерогативъ Верховной Власти и изданныхъ по ея повелѣнію основныхъ законовъ. Никакихъ *требованій*, никакихъ *насилій* на этомъ пути мы не допускаемъ. Мы можемъ допустить только *критику* существующаго положенія и исполнительной власти. А поможетъ чему-либо или не поможетъ наша критика,—вина не наша..."

Такая политическая программа „умѣренной" группы Думы была прекрасно развита графомъ Гейденомъ въ засѣданіи 13 мая, даже при явныхъ знакахъ одобренія и сочувствія значительной части Думы. Но это одобреніе и сочувствіе Думы, можетъ быть, именно тѣмъ и объясняется, что рѣчь Гейдена служила блестящимъ доказательствомъ того, что и послѣдовательные „умѣренные" неизбѣжно должны лѣвѣть подъ вліяніемъ столкновенія ихъ мирной, минимальной конституціонной программы съ тѣмъ правитель-

ствомъ, которое—по существу—желало бы не дать и этого минимума.

Безусловно умѣренный и мирный графъ Гейденъ началъ свою рѣчь такъ же, какъ начинали ее и всѣ болѣе лѣвые ораторы: „Когда я шелъ въ Государственную Думу, я полагалъ, что намъ будетъ *дана* возможность мирно и благотворно вести работу и что мы встрѣтимъ въ правительствѣ полное сочувствіе на этомъ мирномъ пути. Но, къ сожалѣнію, сегодняшняя декларація министерства *убѣдила* меня *въ совершенно противоположномъ (Громъ апплодисментовъ)*“.

Конечно, даже въ устахъ гр. Гейдена надежда на „полное“ сочувствіе правительства звучитъ нѣсколько неискренно, дипломатично. Но общая мысль—глубоко искренняя, естественна. Политика и программа правительства, его упорство въ сохраненіи всего того, противъ чего почти единогласно шла Дума,—и Гейдену представляется чѣмъ-то безнадежнымъ. Правительство ссылается на то, что оно вынуждено руководствоваться старыми законами, пока не будутъ выработаны новые. „Министерство этимъ заявленіемъ признаетъ себя вполнѣ несостоятельнымъ, такъ какъ, *имѣя полную возможность* выработать новые законы, оно этого все-таки не сдѣлало. Что же намъ говоритъ это безпомощное министерство? Что оно будетъ придерживаться и далѣе тѣхъ же пріемовъ, на которые еще при министерствѣ Плеве указывалось, какъ на крайне необходимые для уми-

ротворенія страны, но которые затѣмъ были признаны никуда негодными".

Далѣе—„если Государственной Думой будетъ признано, что для спокойствія страны необходимо допустить принудительное отчужденіе, то, мнѣ кажется, Дума должна это провести; и то министерство, которое разъ на всегда заявляетъ, что оно положительно это отрицаетъ, врядъ ли можетъ плодотворно работать далѣе съ той Думой, которая стоитъ или будетъ стоять на этихъ началахъ".

Выводъ, къ которому приходитъ Гейденъ, таковъ: „при такомъ положеніи дѣла я глубоко убѣжденъ, что *дальнѣйшая работа при нынѣшнемъ составѣ правительства немыслима*, но я не могу согласиться съ тѣми, которые признаютъ, что мы должны *требовать* ухода министерства... Я нахожу, что мы не имѣемъ *права* выходить изъ предѣловъ закона, рѣзко и настойчиво заявлять *требованія* и выходить изъ рамокъ, устанавливающихъ предѣлы дѣятельности Думы... Кромѣ того... если мы *потребуемъ*, то мы очутимся въ томъ самомъ тупикѣ, въ которомъ находится министерство... Мы рѣзко поставимъ вопросъ, и тогда—или мы должны будемъ уйти, или должно будетъ уйти министерство. Уходъ министерства *не въ нашей власти*, но я не желаю, чтобы нынѣшняя Дума въ настоящее время, не совершивъ ничего, прекратила свою работу, я все-таки *надѣюсь и уповаю*, что *желаніе* Думы, выраженное въ формѣ *кате-*

горической, но *законной (?)*, что это *желаніе будетъ услышано*, и что *поле сраженія (?!)* останется не за нашими противниками, а за нами".

Гейденъ надѣялся и уповалъ, что желаніе Думы будетъ услышано Монархомъ, отъ котораго зависѣло смѣнить министерство, поставить на его мѣсто другое, согласное съ Думой. „Я полагаю, что всякое министерство, желающее работать съ Думой, должно этой Думѣ протянуть *руку примиренія* и, *выговоривъ свои права*, оно, тѣмъ не менѣе, должно отнестись съ уваженіемъ къ правамъ Думы". Этого не видитъ Гейденъ въ деклараціи министерства. Вотъ почему Гейденъ заключаетъ: „Я думаю, что представителями власти должны быть представители современныхъ идей, а не носители тѣхъ ветхозавѣтныхъ мыслей, того ветхозавѣтнаго строя, какими являются большинство теперешняго министерства, и мое глубокое убѣжденіе, что это министерство должно уступить мѣсто другому, пользующемуся довѣріемъ Думы.

Если какая-нибудь группа въ Думѣ приближалась къ той точкѣ зрѣнія, которую конституціонно-демократическая партія такъ неудачно и такъ неискренно назвала „строго конституціонной", то это именно та небольшая и не имѣвшая никакого реальнаго политическаго значенія „умѣренная" группа, лучшимъ и виднѣйшимъ представителемъ которой былъ графъ Гейденъ. Конечно, и графъ Гейденъ былъ во власти „конституціонной"

иллюзіи, но у него „конституція“ почти цѣликомъ сводилась къ „основнымъ законамъ“ 23 апрѣля и къ Положенію о Государственной Думѣ. Если и онъ даже при этомъ пониманіи русской „конституціи“ все же не воздерживался иногда отъ упоминанія о какомъ-то „полѣ сраженія“, то это только въ пылу увлеченія „конституціонной“ иллюзіей, и при томъ „сраженіе“ разумѣлось чисто словесное, на почвѣ критики, но никакъ не на почвѣ движенія и столкновенія тѣхъ реальныхъ силъ, которыя были на сторонѣ каждаго изъ „противниковъ“. Такое „сраженіе“ никогда не довело бы его участниковъ до необходимости обращенія къ народу съ указаніемъ на необходимость той или иной активной поддержки народнаго представительства.

Графъ Гейденъ „надѣялся и уповалъ“ на „руку примиренія“ со стороны правительства. Но у него оставался все же извѣстный minimum конституціонныхъ пожеланій, которыми онъ не хотѣлъ поступаться ради этого примиренія. Такъ какъ „противникъ“ весьма явственно выражалъ желаніе одержать полную побѣду, а не заключать примиренія, то „надежда и упованіе“ графа Гейдена должны были остаться совершенно тщетными. И если онъ все же продолжалъ надѣяться и уповать, то только потому, что ему слишкомъ уже свойственны эти христіанскія добродѣтели. Но при этомъ графъ Гейденъ все же замѣтно лѣвѣлъ и укрѣплялся въ своей конституціонности. Еще немного упорства и прямолиней-

ности со стороны „противника", и „мирное обновленіе" сдѣлается твердо оппозиціоннымъ,—такова сила и логики, и жизни!

Трудовая группа, казалось, приближалась иногда ко второму изъ трехъ указанныхъ выше путей. Но ее притягивалъ къ себѣ и путь прямо революціонный, по которому Дума, конечно, не могла пойти. Трудовой группѣ тоже не хотѣлось открыто признать политическое безсиліе Думы. Группа поэтому, какъ и конституціонно-демократическая фракція, только въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ, создавала и поддерживала фикцію революціонныхъ силъ, будто бы готовыхъ встать и пойти на борьбу по первому зову *Думы*. Особенно упорно и рѣзко поддерживалъ эту фикцію и пользовался ею Аладьинъ. „Я пришелъ сюда, какъ и всѣ вы,—говорилъ Аладьинъ 13 мая,—со страстнымъ желаніемъ *избавить* мою родину *отъ тяжкихъ испытаній пути революціи!* Я пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы мирной работой, если только еще можно, *спасти* родину... *Между революціей* въ странѣ *и правительствомъ* стоимъ *только мы*... Въ странѣ, за нашей спиной, въ то время, когда мы сидимъ здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, въ странѣ накоплялся *горючій матеріалъ*... за нашей спиной растетъ страшная сила... И единственная сила, которая сдерживаетъ въ странѣ весь этотъ горючій матеріалъ, способный завтра же покрыть страну потоками крови, бросить ее въ революцію; и единственная сила, которая сдерживаетъ,—это мы, на-

ша Дума, наши засѣданія, наша работа... Въ ту минуту, когда мы перестанемъ существовать такъ или иначе, эти силы вырвутся изъ-подъ нашего *контроля (!)*... Разъ это такъ, то я и говорю: насъ прислала страна съ опредѣленными *требованіями*, которыя мы собрали и изложили въ нашемъ отвѣтѣ на тронную рѣчь. Та же самая страна *въ то время, когда мы сидѣли здѣсь (!!)*, она собрала громадныя силы въ видѣ матеріала, готоваго прорваться, способнаго поддержать насъ въ нашихъ требованіяхъ. Вотъ каково положеніе и какова отвѣтственность, которая падаетъ на насъ. Разъ насъ послали сюда съ извѣстными требованіями, разъ *за нами стоитъ* громадная сила, то понятно и наше поведеніе по отношенію къ тому заявленію, которое намъ было сдѣлано сегодня: такъ какъ гг. министры смѣшали власть исполнительную съ властью законодательною, такъ какъ они рѣшили прійти сюда и преподать намъ урокъ, тѣмъ самымъ они показываютъ, что у нихъ нѣтъ понятія о томъ, *гдѣ* они и *каково* ихъ мѣсто,— намъ нужно указать, гдѣ имъ быть, и какъ имъ быть. И мы это сдѣлаемъ, мы имъ скажемъ: „*Сердиться* на то, что вы не понимаете того, кто вы, мы не станемъ: вы продуктъ извѣстнаго государственнаго строя, но мы вамъ заявляемъ вполнѣ опредѣленно, что народные представители *дѣйствительные* выразители воли народа, мы знаемъ, чего мы хотимъ, у васъ поучаться не желаемъ и вамъ говоримъ: если только вы хотите *сохранить*

ваше положеніе (?!), у васъ остается только одно—*слѣдовать* тому, чего мы требуемъ, а мы требуемъ прежде всего *удаленія* безотвѣтственнаго министерства и сформированія министерства, которое пойдетъ вмѣстѣ съ народомъ и будетъ *подчиняться волѣ народа,* а не являться сюда за тѣмъ, чтобы преподавать уроки"...

Эта сильная рѣчь Аладьина, какъ и многія другія его рѣчи, страдаетъ явной переоцѣнкой силы и значенія Думы и переоцѣнкой той „контролирующей" власти Думы надъ революціонными силами страны, которая единственно могла бы оправдывать такой тонъ рѣчей въ Думѣ. Если бы Аладьинъ говорилъ отъ имени революціонныхъ партій и организацій въ странѣ, если бы эти партіи и организаціи дали въ руки Аладьина документальныя доказательства революціонной подготовленности страны,—тогда рѣчь Аладьина являлась бы дѣйствительно страшной угрозой для того правительства, которое рѣшилось не уступать требованіямъ Думы, требованіямъ „дѣйствительныхъ выразителей воли народа".

Но этого въ дѣйствительности не было, и революціонныя угрозы носили такой же фиктивный характеръ, какъ и „конституціонныя" иллюзіи. Истинное положеніе вещей, благодаря этимъ фикціямъ и иллюзіямъ, только затемнялось. Чѣмъ сильнѣе подчинялась имъ Дума, тѣмъ труднѣе для нея становилась спокойная и вѣрная оцѣнка своего положе-

нія, своей роли и опредѣленія того пути, по которому она должна была пойти, чтобы съ наибольшей пользой для страны и съ наиболѣе полнымъ сохраненіемъ достоинства и силы принципа народнаго представительства выйти изъ своего, несомнѣнно, чрезвычайно труднаго, если не чрезвычайно отвѣтственнаго положенія.

Тѣ депутаты трудовой группы, которые не были склонны къ революціоннымъ фикціямъ въ такой сильной степени, какъ Аладьинъ, иногда впадали въ противоположную крайность, почти въ полный, безнадежный пессимизмъ, вѣрнѣе—въ то предчувствіе „конца", которое невольно парализовало энергію политической мысли и политическаго настроенія Думы. Такъ, Сѣдельниковъ, указавъ на противорѣчіе „основныхъ законовъ" Манифесту 17 октября и назвавъ эти основные законы—„конституціей" Россійскаго Государства, заключилъ свою короткую, дышавшую пессимизмомъ рѣчь такими словами: „Государственная Дума въ отвѣтномъ адресѣ намѣтила *ту конституцію*, въ которой дѣйствительно нуждается русское государство, которой народные представители, если бы она была проведена полностью, могли бы присягнуть и могли потребовать присяги со стороны правительства. *Попытка* установить такую конституцію увѣнчалась этимъ правительственнымъ разъясненіемъ, и во всякомъ случаѣ разговаривать далѣе о такой конституціи *не придется*".

Въ этихъ словахъ Сѣдельникова заключается уже почти полная формулировка того второго пути, по которому могла бы пойти Дума, если бы она, не переоцѣнивая своихъ силъ, не создавая фикціи своихъ „правъ“, и въ то же время рѣшившись говорить прямо, безъ уклончивости, безъ умолчаній,—сформуровала народную волю, какъ она ее понимала, и заявила объ этой волѣ, въ видѣ полнаго и обоснованнаго проекта основныхъ началъ будущей конституціи, — Верховной Власти. Это была бы не „попытка установить конституцію“, а мотивированное указаніе на необходимость создать условія для созыва новаго, болѣе полноправнаго народнаго представительства, которое уже и взяло бы на себя задачу окончательно выработать проектъ конституціи. При открытой и рѣшительной постановкѣ вопроса, правительство не явилось бы въ Думу съ *такимъ* заявленіемъ и разъясненіемъ, съ какимъ оно явилось въ нее 13 мая. Конечно, и „адресъ“ не имѣлъ бы тогда такого характера, который далъ основанія правительству явиться въ Думу съ „разъясненіями“. При прямой постановкѣ вопроса не было бы никакихъ основаній для „игры въ политику“ ни съ той, ни съ другой стороны: одни не говорили бы—„мы требуемъ“, не чувствуя за собой ни яснаго права, ни реальной силы для осуществленія своихъ требованій; другіе не отвѣчали бы на эти бумажно-словесныя „требованія“ совѣтами подождать, пока будутъ

новые законы, а до тѣхъ поръ не выходить въ своихъ требованіяхъ изъ рамокъ „закона“.

Но до открытой, прямой и ясной формулировки вопроса и политическаго положенія вещей Дума не дошла: лѣвыя, оппозиціонныя партіи и группы Думы боялись „прогадать“, получить меньше, чѣмъ они хотѣли и надѣялись получить путемъ „парламентской тактики“,—а группы „примиренія“ и группы, стоявшія цѣликомъ на той же почвѣ, на которой стояло и правительство, были представлены въ Думѣ настолько слабо и количественно, и качественно, что рѣшительно никакого вліянія на направленіе политической мысли Думы оказать не могли.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Возможное будущее Второй Думы.

По мѣрѣ того, какъ Первая Государственная Дума въ своей политической дѣятельности все болѣе и болѣе сталкивалась съ тѣми реальными условіями, которыя до очевидности явно парализовали всѣ усилія, стремленія и домогательства народнаго представительства,—политическая мысль Думы начинала становиться яснѣе и опредѣленнѣе.

Неизбѣжность *борьбы* народа и народнаго представительства съ упорными защитниками стараго строя все чаще и чаще подчеркивается въ рѣчахъ думскихъ ораторовъ. Безплодность „строго-конституціонной" тактики дѣлается все очевиднѣе. Сознаніе крайней ненормальности, ложности положенія „перваго русскаго парламента" по отношенію, съ одной стороны—къ много ожидающему отъ него народу, съ другой стороны—къ явно отрицающему его старому, попрежнему безконтрольному правительству,—все болѣе и болѣе укрѣпляется, повидимому, даже и въ ме-

нѣе оппозиціонно настроенныхъ группахъ первой Государственной Думы—отъ партіи демократическихъ реформъ и до сѣрой массы „безпартійныхъ" крестьянскихъ депутатовъ.

Ростъ этого сознанія ведетъ къ „революціонному выступленію" Думы съ аграрнымъ обращеніемъ къ народу, вышедшимъ изъ партіи демократическихъ реформъ (депутатъ Кузьминъ-Караваевъ), конечно, не предававшей этому „выступленію" революціоннаго характера и значенія,—поведшимъ къ предложенію „издать манифестъ къ народу" (депутатъ Ледницкій — изъ конституціонно-демократической партіи), и едва было не вызвавшимъ дѣйствительно „манифеста" отъ болѣе лѣвыхъ группъ Думы,—только закрытіе Думы предупредило такое обращеніе къ народу отъ имени лѣвыхъ группъ Думы.

Образованіе въ первой Думѣ обособленной группы рабочихъ депутатовъ, открыто выступившей затѣмъ въ качествѣ соціалъ-демократической фракціи, внесло особенно къ концу Думы—уже ту опредѣленность и рѣшительность политической мысли, которая должна была отвѣчать программѣ и свойствамъ партіи. И если вліяніе соціалъ-демократической фракціи первой Думы на общій характеръ и политическое значеніе Думы оказалось весьма мало замѣтнымъ, то это объясняется общими условіями образованія и выступленія этой фракціи въ Думѣ: тактика бойкота Думы, проводившаяся въ началѣ

думскаго періода соціалъ-демократической партіей, исключала возможность проведенія въ Думу истинныхъ и болѣе видныхъ представителей партіи; тѣ представители, которые прошли впослѣдствіи отъ окраинъ, уже въ силу своего нѣсколько исключительнаго, „окраиннаго" характера, не могли имѣть особеннаго вліянія въ Думѣ; да и вопросъ о бойкотѣ Думы партіей, какъ политическимъ цѣлымъ, попрежнему оставался все еще вопросомъ; думскіе соціалъ-демократы не могли говорить отъ имени партіи; активная сила партіи—пролетаріатъ, особенно пролетаріатъ столичный, до самаго закрытія Думы продолжалъ оставаться не только сдержаннымъ, но отчасти и прямо не сочувствующимъ, чуть не враждебнымъ по отношенію къ „кадетской" Думѣ. При такихъ условіяхъ выступленіе соціалъ-демократической группы въ первой Думѣ, въ сущности, совершенно не могло имѣть дѣйствительнаго политическаго значенія, того значенія, которое—по реальной политической силѣ рабочаго класса, могло бы и должно бы было являться громаднымъ.

Съ этой точки зрѣнія—бойкотъ „кадетской", неполноправной Думы лѣвыми партіями представлялъ, конечно, одну изъ весьма крупныхъ политическихъ ошибокъ въ исторіи русскаго освободительнаго движенія, ошибку, которой, однако, не суждено уже больше повторяться. Отказъ лѣвыхъ, пролетарскихъ партій отъ бойкота Думы, рѣшеніе ихъ разсматривать Думу, какъ одно изъ дѣйстви-

тельныхъ средствъ политическаго воспитанія массъ и политическаго воздѣйствія на старый строй, къ полной замѣнѣ котораго новымъ строемъ эти партіи стремятся,—этотъ поворотъ въ тактикѣ лѣвыхъ партій по отношенію къ Государственной Думѣ представляетъ одно изъ самыхъ существенныхъ обстоятельствъ и условій, съ которыми защитники стараго строя должны будутъ считаться въ дальнѣйшей борьбѣ съ народнымъ представительствомъ. Если Первая Дума,—была ли она „кадетской“ или „трудовой“, безразлично—только съ большими натяжками, только съ явными иллюзіями могла говорить объ *опредѣленныхъ* реальныхъ политическимъ силахъ, готовыхъ выступить на поддержку ея требованій и домогательствъ; если Первая Дума была сильна только *стихійнымъ* настроеніемъ и общимъ сочувствіемъ народныхъ массъ; если Первая Дума выражала, точнѣе отражала въ гораздо большей степени именно это стихійное настроеніе, это стихійное недовольство народныхъ массъ, чѣмъ вполнѣ опредѣленныя политическія и соціально-экономическія *требованія* этихъ массъ, несмотря на то, что общій духъ и характеръ этихъ требованій былъ достатоточно вѣрно представленъ и отраженъ первой Думой; если, благодаря этой стихійности и неопредѣленности политическаго характера Первой Думы, размѣры ея политическаго значенія могли колебаться слишкомъ широко, въ сущности—отъ нуля до учредительнаго собранія,—то

Вторая Дума уже органически не можетъ имѣть такого неопредѣленнаго характера и значенія.

Участіе въ конституціонной борьбѣ такихъ вполнѣ опредѣленныхъ, строго организованныхъ революціонныхъ партій, какъ соціалъ-демократическая и соціалъ-революціонная съ почти „легальными" отпрысками послѣдней—народно-соціалистической партіей, крестьянянскимъ союзомъ и трудовой группой,—дастъ возможность образованія во второй — и вообще во всякой послѣдующей—Думѣ такихъ фракцій и группъ, которыя въ правѣ будутъ говорить отъ имени правильно организованныхъ, готовыхъ къ упорной борьбѣ общественныхъ классовъ и группъ, будутъ отражать дѣйствительное настроеніе и дѣйствительную боевую готовность этихъ классовъ и группъ.

Особенно серьезное значеніе будетъ имѣть участіе въ конституціонной борьбѣ русской соціалъ-демократической партіи, какъ выразительницы организованной силы промышленнаго пролетаріата. Для защитниковъ и представителей стараго строя самая небольшая, но дѣйствительная и сплоченная группа соціалъ-демократовъ въ Думѣ будетъ имѣть гораздо болѣе серьезное значеніе, чѣмъ многочисленная группа ка-детовъ, конечно—до тѣхъ поръ, пока борьба народнаго представительства со старымъ строемъ будетъ носить, какъ она носила и до сихъ поръ, по существу, совсѣмъ не конституціонный, а

явно революціонный характеръ; до тѣхъ поръ, пока совершающаяся революція не разрѣшитъ затянувшагося спора двухъ силъ и не утвердитъ дѣйствительной конституціи въ Россіи. И если бы старому правительству даже удалось путемъ репрессій не допустить въ Думу дѣйствительныхъ представителей соціалъ-демократической партіи, опасность отъ этой партіи для стараго строя въ происходящей борьбѣ нисколько въ сущности не уменьшится: партія будетъ принимать участіе въ избирательныхъ кампаніяхъ, будетъ создавать активное настроеніе въ рабочихъ массахъ по отношенію къ „конституціонной“ политической борьбѣ, будетъ создавать въ нихъ сочувствіе въ Думѣ, какъ къ тому органу, который—въ случаѣ соотвѣтственнаго состава и соотвѣтственныхъ условій—можетъ сыграть и видную наступательную роль въ революціонномъ движеніи. Сочувствіе же и активная поддержка пролетаріата крупныхъ центровъ всегда играло и будетъ играть рѣшающую роль въ происходящей въ Россіи политической борьбѣ.

Въ настоящій переходный, революціонный періодъ русской исторіи не менѣе важную—хотя и совершенно своеобразную—роль играетъ и соціалъ-революціонная партія, захватившая въ сферу своего вліянія, главнымъ образомъ, революціонно настроенное крестьянство. Очень трудно говорить о томъ, каково будетъ политическое положеніе и значеніе соціалъ-революціонной партіи тогда, ко-

гда революціонная борьба въ Россіи кончится, когда настанетъ періодъ нормальной политической жизни, когда каждой политической партіи въ ея политической дѣятельности придется опираться на болѣе или менѣе рѣзко опредѣленные общественные классы и группы, выражать и защищать достаточно опредѣленные политическіе и соціально-экономическіе интересы этихъ классовъ и группъ. На какіе элементы будетъ опираться тогда нынѣшняя соціалъ-революціонная партія? Какую программу и какіе лозунги политической борьбы выставитъ тогда эта партія? Охватить „крестьянство вообще" ни соціалъ-революціонная, ни какая бы то ни было другая политическая партія тогда не будетъ имѣть никакой возможности, такъ какъ въ сколько-нибудь нормальныхъ политическихъ условіяхъ разслоеніе крестьянства въ соціально-экономическомъ, а тѣмъ самымъ—въ политическомъ отношеніи органически неизбѣжно. Соціально-экономическая нивеллировка крестьянства чрезъ посредство и въ качествѣ конечнаго результата совершающейся революціи, конечно, представляетъ политическую утопію. Если же крестьянство разслоится—говоря схематически—на болѣе зажиточную, мелко буржуазную часть съ одной стороны, и сельскій пролетаріатъ съ другой стороны, то нынѣшней соціалъ-революціонной партіи, если она останется партіей соціалистической, не останется другого выхода, какъ опереться

именно на сельскій пролетаріатъ, т.-е. почти совершенно сблизиться, если не слиться, съ партіей социалъ-демократической. Если же партія будетъ сохранять тенденцію опираться на „революціонное крестьянство", независимо отъ его соціально экономической группировки, то ей придется эволюціонировать въ сторону демократическаго радикализма, въ сторону—скажемъ—республиканства, но отдаляться отъ соціализма.

Таково, на нашъ взглядъ, будущее соціалъ-революціонной партіи и всѣхъ производныхъ ея, въ послѣ-революціонный, конституціонный періодъ въ политической жизни Россіи. Но въ данный моментъ насъ должно интересовать, конечно, не будущее, а настоящее положеніе и значеніе соціалъ-революціонной партіи и ея производныхъ. А это настоящее значеніе—несомнѣнно и существенно. Соціалъ-революціонная партія, являясь, такъ сказать, представительницей наиболѣе крайняго и слишкомъ прямолинейнаго революціонизма, потому и пріобрѣла замѣтное вліяніе, что она—именно своимъ крайнимъ революціонизмомъ—отвѣчаетъ настроенію извѣстной части, значительной или незначительной—вопросъ другой,—крестьянства и даже общества, отвѣчаетъ извѣстному, специфически-революціонному настроенію въ массахъ, которое въ революціонный періодъ,—при извѣстныхъ условіяхъ, которыя предвидѣть и предугадать трудно,—можетъ сыграть огромную, можетъ быть, даже рѣшающую роль. Какъ

ни стихійно революціонное настроеніе крестьянскихъ массъ, какъ ни стихійны и революціонныя выступленія этихъ массъ, но они представляютъ огромную разрушительную силу, и партіи, отражающія эту силу и пытающіяся организовать ее, могутъ—при извѣстныхъ условіяхъ—воспользоваться этой силой въ интересахъ революціоннаго движенія. Соціалъ-революціонная партія и менѣе революціонныя ея производныя будутъ имѣть значительное вліяніе на крестьянство и на крестьянскихъ представителей въ Думѣ, пока настроеніе крестьянскихъ массъ будетъ оставаться стихійно-революціоннымъ. Вотъ почему отказъ и соціалъ-революціонной партіи отъ бойкота Думы и выборовъ въ нее имѣетъ весьма существенное значеніе, хотя характеръ вліянія этой партіи въ революціонной борьбѣ и значительно иной, чѣмъ характеръ вліянія партіи соціалъ-демократической.

Такимъ образомъ, измѣненіе тактики крайнихъ, послѣдовательно-революціонныхъ партій по отношенію къ Думѣ, къ пользованію „конституціонными" средствами политической борьбы, должно имѣть первенствующее значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ этой борьбы и представляетъ наиболѣе существенный, хотя и совершенно косвенный результатъ, наиболѣе существенное косвенное послѣдствіе политической дѣятельности и политическаго пораженія первой Государственной Думы. Слишкомъ неумѣлое, слишкомъ грубо-прямолинейное пользованіе орудіями и средствами

политической власти со стороны представителей и защитниковъ стараго строя можетъ и должно повлечь только къ своеобразному видоизмѣненію политическаго настроенія и политической тактики активныхъ политическихъ силъ страны: представители крайнихъ революціонныхъ теченій начинаютъ сознавать неизбѣжность—въ интересахъ движенія—нѣкотораго согласованія съ требованіями реальной политической дѣйствительности той непримиримо прямолинейной тактики, которая неизбѣжно исключала изъ сферы непосредственнаго политическаго вліянія, воздѣйствія и использованія этихъ партій—новые факторы политической борьбы, однимъ изъ каковыхъ является, несомнѣнно, Государственная Дума; такія неопредѣленно и непослѣдовательно революціонныя партіи, какъ партія конституціонно-демократическая, должны будутъ неизбѣжно стремиться, такъ или иначе, къ большей опредѣленности и послѣдовательности, результатомъ чего рано или поздно будетъ разслоеніе и эволюція различныхъ элементовъ этихъ партій и влѣво, и вправо; нереволюціонныя, благодушно-конституціонныя партіи, въ видѣ реакціи на неумѣлость и грубость контръ-революціонной политики, вполнѣ естественно и неизбѣжно начинаютъ лѣвѣть, какъ это мы уже и теперь начинаемъ замѣчать на партіи демократическихъ реформъ, на партіи мирнообновленцевъ и, если хотите, на союзѣ 17 октября, болѣе опредѣленно начинающемъ подчеркивать свою

„конституціонность". Происходитъ своеобразная, но совершенно понятная, неизбѣжная мобилизація и концентрація всѣхъ силъ, направленныхъ въ сторону новаго политическаго строя и болѣе или менѣе непримиримо враждебныхъ старому строю. Въ то же время растетъ партійное политическое самоопредѣленіе этихъ общественныхъ силъ, растетъ, такъ сказать, кристаллизація партій.

Каково бы ни было истинное положеніе и значеніе первой Государственной Думы, какъ бы безспорно ни было ея политическое безсиліе, съ точки зрѣнія прямыхъ и осязательныхъ результатовъ ея дѣятельности, но косвенное ея политическое значеніе остается и менѣе безспорнымъ. Государственная Дума является первымъ, планомѣрно организованнымъ опытомъ широкой политической борьбы, стоящимъ въ самой тѣсной связи съ борьбой революціонной. Дума—своего рода перемиріе въ разгорѣвшейся борьбѣ двухъ силъ: „попытаемся еще помѣряться другимъ, закономѣрнымъ, нормальнымъ, политическимъ путемъ, — путемъ борьбы конституціонной"!— какъ бы сказали другъ другу двѣ столкнувшіяся силы, и тутъ же, конечно, приступили къ „конституціоннымъ" уловкамъ другъ противъ друга. Одни дали весьма сомнительную конституцію, а другіе стали притворяться, что они получили подлинную конституцію, или что они безъ труда изъ сомнительной конституціи сдѣлаютъ настоящую, способную внести „умиротвореніе" въ страну. Конечно,

такая игра не повела ни къ чему серьезному, не дала никакого удовлетворенія ни той, ни другой сторонѣ, а тѣмъ болѣе—третьей, за счетъ которой въ сущности и велась игра: она не дала удовлетворенія странѣ, народу, массамъ.

Но и эта грандіозная по своимъ размѣрамъ и формамъ политическая игра, конечно, не могла остаться безъ здоровыхъ послѣдствій. Она все яснѣе раскрываетъ карты противниковъ, все рѣзче и опредѣленнѣе подчеркиваетъ истинные интересы, истинныя цѣли и истинныя силы противниковъ. Въ этомъ выясненіи и проясненіи политическаго сознанія и политической тактики противниковъ—самый существенный результатъ того крупнаго опыта политической борьбы, которымъ является первая Государственная Дума.

Для народа и для народнаго представительства становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что тѣ силы, которыя выступаютъ на поддержку стараго строя, кровнымъ образомъ заинтересованы въ *полномъ* сохраненіи этого строя, гарантирующаго имъ всѣ тѣ, хотя бы и слишкомъ узкія, односторонія и мертвенно крѣпостническія выгоды и привиллегіи, которыми они при немъ пользовались. Представители крупнаго, крѣпостническаго землевладѣнія и представители высшей бюрократической власти, въ упорствѣ и въ ожесточеніи борьбы, рѣшаютъ, что лучше рисковать жизнью, чѣмъ уступать. Отсюда—безнадежно тупыя и безконечно жестокія—

съ точки зрѣнія интересовъ народныхъ массъ, попытки, тенденціи къ возстановленію еще даже не упраздненнаго стараго строя во всей его полнотѣ, во всемъ его угнетающемъ интересы широкихъ массъ народа, характерѣ.

Представители высшей бюрократіи, болѣе умудренные въ политической борьбѣ представители „старой власти", все еще продолжаютъ при этомъ прикрываться ложно-конституціонной маской, все еще продолжаютъ ту игру, тѣ уловки, на которыхъ была построена „тактика" обѣихъ борющихся сторонъ въ первый думскій періодъ. Но союзъ „старой власти" съ рѣзко прямолинейными привилегированными крѣпостниками слишкомъ очевиденъ, чтобы могло оставаться какое-либо сомнѣніе въ истинныхъ симпатіяхъ, намѣреніяхъ и планахъ этого,—все еще весьма сильнаго своей властью, организованной властью государства,—союзника стараго, органически разлагающагося крѣпостного строя. Этотъ старый крѣпостной строй и защищающая его организованная власть будутъ *бороться* упорно, всѣми имѣющимися въ ихъ распоряженіи средствами, противъ освободительнаго движенія, противъ нарождающейся дѣйствительной демократической конституціи. До очевидности неизбѣжная побѣда новаго строя, повидимому, не въ силахъ еще сломить упорство представителей стараго строя, заставить ихъ пойти на своевременныя, достаточныя уступки. Эти уступки снова должны быть вырваны народной силой, такъ

какъ сила политической логики, сила убѣжденія, сила культурности не достаточна для того, чтобы заставить представителей стараго строя „добровольно" пойти на достаточныя уступки.

Таковъ первый выводъ, самъ собою напрашивающійся при внимательномъ анализѣ картины политической борьбы, развертывавшейся въ первый думскій періодъ. Старый строй, старая власть не желаютъ уступать, считаютъ уступки преждевременными, не вызываемыми дѣйствительной необходимостью. Народъ и его представители послѣдующихъ призывовъ должны будутъ твердо помнить этотъ основной пунктъ въ условіяхъ борьбы, должны будутъ отнестись къ нему съ тѣмъ разумнымъ спокойствіемъ, которое подсказывается яснымъ сознаніемъ совершенной естественности и неизбѣжности такого отношенія противника въ развертывающейся борьбѣ.

Для народа и народныхъ представителей въ свою очередь должна выясниться полнѣйшая безнадежность, нелогичность, непослѣдовательность и недостойность какой бы то ни было двусмысленной, основывающейся на иллюзіяхъ, на самообманѣ, на взаимномъ затуманиваніи,—политической тактики въ происходящей „конституціонной" борьбѣ. Основная политическая задача страны: выяснить и возможно болѣе точно и рѣшительно опредѣлить свои политическія и соціально-экономическія требованія, сформулировать ихъ именн-

но какъ *требованія*, отъ осуществленія которыхъ страна *не отступитъ*, и эти требованія вложитъ въ уста народныхъ представителей.

Политическій долгъ народныхъ представителей будетъ заключаться въ томъ, чтобы тѣ требованія, съ которыми они будутъ являться въ Думу, представлять и предъявлять во всей ихъ полнотѣ и категоричности, не уступая рѣшительно ни передъ какими опасностями, неизбѣжными въ періодъ острой, завоевательной политической борьбы. Если такая *политическая* борьба окажется до такой степени затрудненной упорствомъ и силой противника, что страна придетъ къ убѣжденію въ безплодности, безполезности нормальной „конституціонной" борьбы за свои насущные интересы и потребности, то *политической* борьбѣ неизбѣженъ будетъ конецъ,—она смѣнится борьбой революціонной, какъ ни тяжела и нежелательна такая борьба для обѣихъ сторонъ: но противъ жизненной неизбѣжности никакія искуственныя усилія недѣйствительны. Обѣ стороны должны имѣть это въ виду, должны предвидѣть всю тяжесть расплаты за эту роковую неизбѣжность. Однако, свобода и счастье народа никогда и нигдѣ не давались даромъ, вездѣ они являлись результатомъ болѣе или менѣе тяжелой борьбы, и политическая мысль русскаго народнаго представительства не должна въ страхѣ останавливаться передъ перспективой тяжелой борьбы. Твердое сознаніе и твердая рѣшительность—основное требованіе, которое

народъ долженъ предъявлять къ своимъ представителямъ. И чѣмъ дальше будетъ развертываться политическая борьба въ Россіи, чѣмъ больше рѣшительнымъ будетъ становиться упорство „старой власти“, тѣмъ тверже должно быть политическое настроеніе и убѣжденіе страны, тѣмъ выше должны быть требованія, предъявляемыя ею къ убѣжденности и рѣшительности ея представителей.

Эволюція политическаго настроенія и сознанія страны именно въ такомъ направленіи представляется намъ логически неизбѣжной,—и въ этомъ заключается второй выводъ, второе слѣдствіе изъ опыта политической борьбы на почвѣ думской „конституціи“. Чѣмъ упорнѣе и грубѣе будутъ репрессіи со стороны „старой власти“, пользующейся послѣдней, оставшейся еще въ ея рукахъ, возможностью,—тѣмъ неудержимѣе будетъ эволюціонировать политическое сознаніе страны въ сторону рѣшительности и категоричности ея требованій. Совершенная призрачность, тщетность надеждъ „старой власти“ на „подавленіе“ народнаго освободительнаго движенія мѣрами грубой репрессіи—должна бы была уже представляться очевидной и для самой „старой власти“; если же она не очевидна для нея сейчасъ, она станетъ очевидной по мѣрѣ дальнѣйшаго роста и развитія движенія, по мѣрѣ роста политическаго сознанія и политической требовательности народныхъ массъ. Для народа же, не говоря уже о болѣе сознательныхъ и ру-

ководящихъ элементахъ общества и народныхъ массъ, реакціонныя репрессіи давно уже потеряли всякую убѣдительность: если отъ грубаго насилія, въ какія бы „закономѣрныя“ формы оно ни облекалось, приходится страдать, если этому грубому насилію приходится подчиняться, то это никого и нисколько не убѣждаетъ, что носители и представители этого насилія,—неизбѣжнаго спутника и признака стараго крѣпостного строя,—будутъ въ состояніи дѣйствительно сохранить и утвердить дальнѣйшее господство стараго строя и что представителямъ и сторонникамъ освободительной борьбы слѣдуетъ отказаться отъ нея. Ростъ грубыхъ репрессій со стороны организованной государственной власти по отношенію къ политическимъ противникамъ всегда былъ и будетъ связанъ только съ усиленіемъ и обостреніемъ оппозиціи, съ усиленіемъ глухого броженія въ массахъ—явленіемъ стихійнымъ и потому, конечно, и нежелательнымъ въ интересахъ нормальнаго роста политическаго сознанія народныхъ массъ,—да съ напряженностью крайнихъ революціонныхъ контръ-репрессій, дѣлающихся явленіемъ настолько обычнымъ, что неизбѣжность ихъ становится очевидной и для широкихъ народныхъ массъ.

Только съ этой точки зрѣнія мы и можемъ разсматривать и оцѣнивать начавшійся послѣ закрытія первой Думы періодъ контръ-революціонныхъ, даже контръ-консти-

ституціонныхъ репрессій „старой власти", такъ легко и довѣрчиво опьяненной успѣхомъ насильственной ликвидаціи перваго опыта „конституціонной" борьбы съ конституціей, съ народнымъ представительствомъ. Успѣхъ этотъ долженъ бы представляться совершенно понятнымъ, совершенно естественнымъ—съ точки зрѣнія реальнаго соотношенія и реальныхъ комбинацій политическихъ силъ въ первый думскій періодъ. Изъ того, что безсильная уже по условіямъ своего избранія Государственная Дума, не поддерживаемая такой могущественной силой, какъ пролетаріатъ крупныхъ центровъ, вступившая на путь политическихъ иллюзій и сомнительной, нерѣшительной тактики,—сравнительно легко могла быть закрыта вооруженной властью; изъ того, что этотъ пробный камень репрессивной политики „мирнаго обновленія" стоилъ странѣ только двухъ кровопролитныхъ военныхъ возстаній и ряда мелкихъ крестьянскихъ вспышекъ, за которыми однако началась полоса систематическихъ „подавленій" крестьянскихъ протестовъ путемъ „карательныхъ экспедицій" и другихъ, болѣе упрощенныхъ мѣръ „мирнаго обновленія" и „успокоенія" страны; изъ того даже, что часть крестьянства, въ силу неизбѣжныхъ внутри-классовыхъ треній, особенно острыхъ въ первые періоды общенародной политической борьбы, заколебалась въ сторону такого неестественнаго для него „союзника", какимъ является мѣстное со-

словное землевладѣніе и родственная ему центральная бюрократія; изъ того, наконецъ, что и въ массовомъ крестьянствѣ и тѣмъ болѣе въ массовомъ „обществѣ“ могли появиться болѣе или менѣе надежные, постоянные признаки политической усталости и апатіи,—изъ всего этого еще слишкомъ рано и слишкомъ мало серьезныхъ основаній заключать о дѣйствительномъ и прочномъ превосходствѣ силъ на сторонѣ стараго строя и „старой власти“, о дѣйствительномъ пониженіи волны народнаго движенія, обѣщающемъ хотя бы продолжительное, прочное затишье, въ которомъ рыболовы стараго крѣпостного строя могли бы безбоязненно и безмятежно продолжать вылавливать захудавшую отъ продолжительной безкормицы рыбу. Но такое заключеніе явныхъ и тайныхъ сторонниковъ стараго строя было бы такой же политической иллюзіей, какъ и конституціонная иллюзія первой Думы, только направленной въ сторону крѣпостного насилія и хищничества, а не въ сторону слишкомъ легкаго полученія истинной конституціи.

Объявлять и торжествовать побѣду контръреволюціи было бы еще слишкомъ рано, слишкомъ легкомысленно, такъ же какъ и вѣрить въ эту побѣду вообще. Эта вѣра такъ же мало основательна, какъ и то уныніе, та подавленность, которыя очень легко возникаютъ въ мало устойчивой, мало опредѣленной въ политическомъ отношеніи части рус-

ской интеллигенціи, русскаго „общества“. Ссылки на то, что всякая революція ведетъ къ реакціи; что ничего, кромѣ усиленія реакціи, первая Дума Россіи не дала; что гораздо болѣе отвѣчало бы интересамъ Россіи, интересамъ самой конституціи — спокойное, медленное, мирное, эволюціонное развитіе соотвѣтственныхъ идей, а также осуществленіе соотвѣтственныхъ стремленій—путемъ взаимныхъ уступокъ и компромиссовъ, такъ какъ все равно никакія желанія и стремленія въ политической жизни страны никогда не осуществляются сразу, вдругъ,—вся эта аргументація „умѣренныхъ“ партій и группъ говоритъ только о томъ, что средній человѣкъ „общества“ не только органически не склоненъ къ политической борьбѣ, но инстинктивно боится ея и жизненно заинтересованъ въ ней еще настолько мало, что по существу политическое „обновленіе“ страны является для него въ гораздо большей степени—отчасти навѣянной извнѣ необходимостью, отчасти своего рода развлеченіемъ въ его сѣренькой жизни, — чѣмъ серьезной жизненной потребностью.

Но расчеты реакціи на политическую психологію „средняго человѣка“ *общества*, хотя бы и совершенно вѣрно угадываемую, представляютъ величину совершенно фиктивную. Всякія колебанія этой политической психологіи, которыми мы легко можемъ объяснять эволюцію вправо многихъ элементовъ „общества“ и даже массовой интеллигенціи,—по

скольку эта эволюція замѣчается теперь и можетъ замѣчаться въ будущемъ,—еще рѣшительно ничего не говорятъ въ пользу реакціи и не въ пользу глубокаго народнаго освободительнаго движенія. Основной, исходный пунктъ для пониманія этого движенія заключается въ правильномъ указаніи истиннаго источника движенія, истинныхъ причинъ совершающейся революціи. Этотъ источникъ и эти причины лежатъ въ глубинѣ народной жизни, въ глубинѣ соціально-экономическихъ интересовъ народныхъ массъ, въ растущемъ сознаніи тѣсной связи этихъ интересовъ съ политическимъ строемъ государства, наконецъ—въ конкретныхъ двигателяхъ политическихъ революцій—въ голодѣ, нищетѣ, безправіи и угнетеніи трудовыхъ массъ, въ обусловливаемомъ этимъ финансовомъ разореніи государства, лишающемъ старый строй дальнѣйшей возможности безконтрольнаго хозяйничанья и господства. Не въ „обществѣ", не въ интеллигенціи источникъ и причины революціи, а въ глубинахъ трудовыхъ производительныхъ классовъ населенія, въ условіяхъ производственной дѣятельности этихъ классовъ, въ характерѣ тѣхъ измѣненій, которыя совершаются или должны совершаться въ соотношеніи производительныхъ силъ страны.

Только стоя на такой исходной точкѣ зрѣнія, мы можемъ правильно понимать ходъ и развитіе совершающейся революціи, оцѣнить ея значеніе, указать истинные пути къ ея

разрѣшенію, т.-е. къ дѣйствительному умиротворенію страны, предугадать ближайшія комбинаціи въ соотношеніи общественныхъ силъ, участвующихъ въ политической борьбѣ, и отвести этимъ силамъ и этимъ комбинаціямъ надлежащее мѣсто. А сдѣлать это значитъ въ то же время и опредѣлить характеръ и значеніе такихъ факторовъ и элементовъ совершающейся революціи, какъ, напр., происходящій теперь періодъ избирательной кампаніи во Вторую Думу и предстоящій второй думскій періодъ.

Конечно, не политическія пророчества и предсказанія могутъ интересовать насъ въ такой острый моментъ, какой переживаемъ мы въ настоящее время. Насъ можетъ и должно интересовать только такое выясненіе и объясненіе совершающагося момента, такое предугадываніе ближайшихъ моментовъ и такое указаніе руководящихъ идей, положеній для этихъ ближайшихъ моментовъ,—какое логически вытекаетъ съ одной стороны изъ правильно и широко понимаемыхъ общихъ условій совершающейся революціи, съ другой стороны, изъ того анализа предшествующаго момента политической борьбы,—въ первый думскій періодъ, какой составляетъ содержаніе настоящей книги.

Мы уже останавливались въ общихъ чертахъ на характерѣ той эволюціи политической мысли и политическаго настроенія страны, какая, несомнѣнно, стоитъ въ весьма тѣсной связи съ ликвидаціей перваго опыта полити-

ческой борьбы—съ первымъ думскимъ періодомъ. Мы указали, что эта эволюція естественно и неизбѣжно должна имѣть разнородный характеръ, должна направляться и вправо, и влѣво въ различныхъ слояхъ и элементахъ политически дѣйствующихъ общественныхъ силъ, въ зависимости прежде всего отъ истинной природы этихъ слоевъ и элементовъ. Эта внутренняя дифференціація, разслоеніе и переслоеніе общественныхъ силъ въ ихъ политической группировкѣ — неизбѣжный спутникъ и неизбѣжное условіе самоопредѣленія политической мысли, кристаллизаціи политическихъ партій и группъ.

Этотъ внутренній эволюціонный процессъ, конечно, далеко еще не закончился, вѣрнѣе— онъ только еще начинается, но тѣмъ интереснѣе, поучительнѣе и вѣрнѣе для правильнаго пониманія движенія—внимательный анализъ и вѣрная оцѣнка совершающихся моментовъ этого процесса.

Свой анализъ мы начнемъ съ тѣхъ общественныхъ силъ и тѣхъ политическихъ партій и группъ, которыя открыто выступаютъ на поддержку стараго строя, т.-е. партій и группъ явно реакціонныхъ, явно контръ-революціонныхъ, явно контръ-конституціонныхъ, и представляющихъ, такъ сказать, активъ и стараго строя, и „старой власти“. И здѣсь мы прежде всего должны отмѣтить тотъ элементъ политической игры, политическаго обмана и самообмана, политическихъ иллюзій,

какой мы отмѣчали и въ нашемъ предшествующемъ анализѣ.

Если бы правыя, монархическія партіи и всякіе просто „русскіе“ и „истинно русскіе“ союзы опирались исключительно на тѣ общественные элементы и силы, для которыхъ эти партіи и союзы представляютъ дѣйствительный интересъ, дѣйствительное жизненное значеніе,—то эти партіи и союзы не имѣли бы для революціоннаго, освободительнаго движенія рѣшительно никакого, даже временнаго, значенія, рѣшительно никакой опасности.

Совершенно понятно и естественно, что въ переживаемый теперь Россіей бурный историческій моментъ политическаго и соціально-экономическаго переустройства, всякія *правыя*, т.-е. *грубо реакціонныя* партіи и союзы могутъ собирать, захватывать и объединять только тѣ общественные элементы, жизненные интересы которыхъ тѣсно связаны съ господствомъ стараго строя.

Крупный землевладѣлецъ, упорно не понимающій невозможности сохранять старыя, крѣпостническія привилегіи сословнаго землевладѣнія, связанныя съ самыми разнообразными—прямыми и косвенными—формами эксплоатаціи и угнетенія крестьянской трудовой массы; средній и мелкій промышленникъ и купецъ, по своей темнотѣ не понимающій значенія политической свободы и поднятія общаго экономическаго и культурнаго уровня народныхъ массъ—для той же

промышленности и торговли; приниженное безправнымъ положеніемъ передъ своей и общей администраціей духовенство, поставленное къ тому же въ совершенно ненормальныя, некультурныя экономическія — а слѣдовательно и общечеловѣческія, соціальныя — отношенія къ своей темной паствѣ; многочисленная армія низшаго и средняго чиновничества, особенно, конечно, по министерству внутреннихъ дѣлъ, — сжатая, придавленная тисками служебной дисциплины и житейской нужды; наконецъ, стоящая вверху надъ всѣми этими общественными группами и элементами, объединяющая и направляющая ихъ высшая бюрократія, кровнымъ образомъ заинтересованная въ сохраненіи того строя, при которомъ въ ея рукахъ сохранилась бы старая безконтрольная власть, — вотъ тѣ реальныя общественныя силы, жизненнымъ интересамъ которыхъ, и то лишь узкимъ, невѣжественнымъ образомъ понимаемымъ, можетъ отвѣчать реакціонная политика по отношенію къ освободительному движенію, т.-е. въ конечномъ счетѣ—по отношенію къ истинной, широко-демократической, парламентской конституціи.

Если бы *только* перечисленные общественные элементы входили въ составъ правыхъ— просто русскихъ, истинно русскихъ, монархическихъ и т. д.—партій и союзовъ, поддерживающихъ реакціонную политику, то сила ихъ была бы явно ничтожной. Этимъ партіямъ и союзамъ,—точно такъ же, какъ и

партіямъ, поддерживающимъ конституціонное движеніе,—необходимо опираться на болѣе широкія, народныя, трудовыя массы,— будетъ ли это часть крестьянства, часть промышленнаго и городского пролетаріата или, наконецъ, часть того неопредѣленнаго по своему составу, темнаго, невѣжественнаго конгломерата всякихъ общественныхъ отбросовъ, какой всегда имѣется къ услугамъ темной реакціонной политики въ крупныхъ городскихъ центрахъ. Всякая серьезная, претендующая на дѣйствительное вліяніе и значеніе, политическая партія неизбѣжно должна опираться на „народъ", на тѣ или иныя трудовыя массы, которыя собственно и представляютъ основу, силу партіи, направляемую ея творцами и вожаками.

И правыя партіи и союзы, конечно, тоже всячески старались и стараются привлечь къ себѣ „народъ", привлечь широкія массы. И если бы этимъ партіямъ дѣйствительно удалось найти эти массы, спаять ихъ общностью жизненныхъ, политическихъ интересовъ,— партіи, несомнѣнно, представляли бы серьезную политическую силу, съ которой конституціонному движенію пришлось бы очень и очень считаться.

Но въ томъ-то и роковая судьба правыхъ, реакціонныхъ партій и союзовъ, что широкихъ народныхъ массъ они никогда, ни при какихъ условіяхъ, прочно привлечь не могутъ. Соціально-экономическіе, а слѣдовательно и политическіе интересы массъ, демо-

кратіи глубоко, непримиримо противоположны интересамъ тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые только и могутъ достаточно прочно входить въ составъ реакціонныхъ партій. И если временно, въ періоды крайняго возбужденія и обостренія политической борьбы, пользуясь нищетой и глубокой темнотой извѣстной части народныхъ массъ, ловцамъ реакціонныхъ партій и союзовъ удается вербовать подъ свои знамена и явно демократическіе—по своему жизненному положенію и по своимъ жизненнымъ интересамъ—элементы, то этотъ успѣхъ реакціонныхъ партій можетъ быть только временнымъ, мимолетнымъ, по недоразумѣнію. Реакціонная игра въ демократизмъ неизбѣжно и очень скоро разоблачается во всей своей наготѣ и неприглядности, и демократическая часть всѣхъ этихъ монархическихъ, истинно-русскихъ партій и союзовъ вотъ-вотъ, съ жестокой прямотой и силой обманутыхъ въ своихъ ожиданіяхъ людей, повернется противъ обманно - пріютившихъ ихъ, глубоко враждебныхъ народнымъ массамъ, партій и союзовъ.

Что массовые элементы попадаютъ въ контръ-революціонные союзы и партіи случайно и, главнымъ образомъ, по слишкомъ ужъ простымъ матеріальнымъ побужденіямъ, и что уже по одному этому участіе ихъ въ этихъ партіяхъ и союзахъ весьма непрочно, показываютъ хотя бы, напр., характерныя рѣчи рабочихъ членовъ въ общемъ собраніи

центральнаго комитета петербургскаго района союза русскаго народа, подъ предсѣдательствомъ графа Коновницына.

По газетнымъ сообщеніямъ, предсѣдательствовавшій въ этомъ собраніи просилъ всѣхъ присутствующихъ высказаться о томъ, желаютъ ли они *раскола*. Одинъ изъ рабочихъ заявилъ, что расколъ желателенъ. „До сей поры, — сказалъ онъ, — вы успокаивали насъ тѣмъ, что *правительство насъ не оставитъ*; но вотъ настало время, когда много рабочихъ осталось безъ работы, а *правительство не помогаетъ*. Всѣ *бюрократы*, которые хорошо о насъ *заботятся на словахъ*, *матеріальной* помощи намъ не оказываютъ, да и сами члены-то союза гордо носятъ знаки лишь на собраніяхъ, а сами боятся названія черносотенника. Когда же приходится открыто заявить объ этомъ, то они называютъ себя *безпартійными (!). Желательно также, чтобы союзъ не поддерживалъ правительства*, такъ какъ всѣ министры дѣлаютъ *несуразности*; среди нихъ нѣтъ ни одного *находчиваго* (!) человѣка". Другой рабочій высказался за отдѣленіе союза отъ правительства, потому что оно, наказывая крамольниковъ, не помогаетъ истинно русскимъ людямъ.

Эти заявленія *рабочихъ*, членовъ союза истинно-русскихъ людей, представляютъ громадный политическій интересъ и значеніе. Трудовые, массовые элементы вовлечены въ союзъ только обѣщаніями *матеріальной поддержки*. Осуществлять такую поддержку въ

сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ ни для какого, самаго реакціоннаго и безконтрольнаго правительства, совершенно невозможно. Обманутые очень скоро поймутъ, что „бюрократы хорошо заботятся о насъ только на словахъ“, что они дѣлаютъ „несуразности“, что среди нихъ „нѣтъ ни одного находчиваго человѣка“.

Они скоро поймутъ, что и среди руководителей союза, руководителей темной контръ-революціи, вѣрнѣе контръ-конституціи, тоже нѣтъ ни одного „находчиваго“ человѣка. Болѣе того, они поймутъ, что ихъ обманывали и въ прямомъ смыслѣ—на счетъ „матеріальной поддержки“, и въ еще болѣе важномъ, косвенномъ смыслѣ—обманывали ихъ политическое и соціально-экономическое сознаніе, направляли ихъ противъ тѣхъ, кто выступалъ на защиту ихъ же жизненныхъ интересовъ. И обманутые никогда не забудутъ этой обиды. Темная, грубая и заботливо вооружаемая контръ-революціонная сила можетъ при извѣстныхъ условіяхъ прорваться, но не въ ту сторону, которая указывается ей реакціонными руководителями, а въ совершенно обратную—противъ самой реакціи,—и горе будетъ тогда тѣмъ, кто жилъ политическимъ обманомъ и самообманомъ! Если тяжелы и опасны для страны стихійно-революціонныя „выступленія“ мало организованнаго крестьянства; если даже „выступленія“ хорошо организованнаго пролетаріата крупныхъ центровъ всегда и неизбѣжно связаны съ

огромными проявленіями безполезной разрушительной энергіи, то какія же затрудненія для страны и для того самаго правительства, которое прямо или косвенно поддерживало грубо-человѣконенавистническую организацію темныхъ контръ-революціонныхъ силъ,—представятъ „революціонныя выступленія" темныхъ вооруженныхъ массъ, не только не дисциплинированныхъ сознаніемъ общности и глубокой серьезности интересовъ, изъ-за которыхъ они выступаютъ въ открытой борьбѣ, но и прямо развращенныхъ атмосферой политическаго обмана, которой они дышали, пока были на хорошо или дурно оплачиваемомъ услуженіи реакціонныхъ партій и союзовъ?! А что революція въ самомъ сердцѣ контръ-революціи неизбѣжна, въ этомъ насъ должна убѣждать прежде всего невозможность для вдохновителей и руководителей контръ-революціи выполнить тѣ обѣщанія, которыми они вовлекали въ свои партіи и союзы совершенно темные и неустойчивые въ политическомъ отношеніи элементы народныхъ массъ.

А что же можно сказать о надеждахъ проводить и въ Думу именно представителей этихъ — монархическихъ, истинно-русскихъ партій и союзовъ? Можно сказать только одно,—что пока избирательный законъ въ Думу останется такимъ, какимъ онъ является въ настоящее время,—претензіи реакціонныхъ партій на сколько-нибудь значительную роль въ Думѣ, даже при всемъ господ-

ствѣ репрессій и произвола, совершенно не осуществимы. Выборы въ Думу, какъ бы ихъ ни обставляло правительство, все-таки рѣшаются въ концѣ концовъ крестьянствомъ.

Сдѣлать крестьянство довольнымъ и спокойнымъ, склоннымъ политически поддерживать „твердую" власть бюрократическаго правительства, это—задача свыше силъ представителей и защитниковъ стараго строя; это задача—физически для нихъ невозможная. Попытки къ созданію контръ-революціоннаго движенія въ средѣ самого крестьянства поведутъ только къ полнѣйшей деморализаціи и внутреннему ожесточенію въ народныхъ массахъ,—а это очень плохой союзникъ въ дѣлѣ „умиротворенія" страны. Эти попытки могутъ только увеличивать, обострять стихійность, сумбурность революціи, но никакъ не содѣйствовать ея успокоенію. А только путемъ этихъ попытокъ и можно создать во сколько-нибудь обезпеченномъ меньшинствѣ крестьянства кадры „истинно-русскихъ" адептовъ контръ-революціи и воспользоваться ихъ политической силой на выборахъ.

Но допустимъ, что реакціонная государственная власть не остановится и передъ этой обоюдоострой перспективой широкаго развитія контръ-революціи въ самомъ крестьянствѣ. Допустимъ, что путемъ развитія этой контръ-революціи въ крестьянствѣ и путемъ беззастѣнчиваго примѣненія всевоз-

можныхъ репрессій реакціи удастся собрать одну-другую „истинно-русскую“ Думу. Какія будутъ политическія послѣдствія отъ такого „успѣха“? Конечно,—только отрицательныя. Они только поведутъ къ обостренію революціонной борьбы, къ популярности идеи лозунга—„долой Думу, да здравствуетъ Учредительное Собраніе“, т.-е. къ тому лозунгу, ростъ котораго—по внутреннему смыслу и по самой природѣ совершающейся революціи—хотя и неизбѣженъ, но могъ бы происходить въ гораздо болѣе нормальныхъ, болѣе желательныхъ въ интересахъ страны условіяхъ и формахъ.

„Успѣхъ“ реакціи даже на выборахъ въ Думу, такимъ образомъ, въ существенномъ рѣшительно не измѣнитъ хода революціи, а явится только еще однимъ лишнимъ мѣхомъ, раздувающимъ пламя революціи, обостряющимъ революціонныя страсти и, конечно, только содѣйствующимъ дальнѣйшему разоренію страны. Однако, въ наступающій второй думскій періодъ этотъ „успѣхъ“ реакціи, успѣхъ правыхъ политическихъ партій еще совершенно невозможенъ. Возможно, благодаря крайнему напряженію правительственнаго рвенія на этихъ выборахъ, что крестьянство дастъ значительный процентъ „безпартійныхъ“ членовъ Второй Думы. Но глубоко ошиблось уже правительство въ своихъ надеждахъ на „безпартійныхъ“ крестьянъ въ Первой Думѣ, еще глубже ошибется оно въ такихъ своихъ надеждахъ на „без-

партійныхъ" во Второй Думѣ. Сдавленное на вторыхъ выборахъ стихійное настроеніе крестьянства, какъ массы, только еще рѣзче, еще ярче, еще эффектнѣе прорвется въ Думѣ, гдѣ уже простое средство „успокоенія"— грубыя репрессіи—почти совершенно непримѣнимо! „Безпартійные" крестьяне еще легче пойдутъ за оппозиціонными элементами Думы, и Вторая Дума, если ей суждено просуществовать даже меньшее количество дней, чѣмъ существовала Первая Дума, только явится при этомъ еще болѣе яркой выразительницей общаго стихійнаго недовольства и революціоннаго броженія народныхъ массъ. О „работоспособности" Второй Думы, при такихъ условіяхъ, не можетъ быть и рѣчи.

Когда народныя массы недовольны и неспокойны, никакая Дума спокойно работать не можетъ, не будетъ въ состояніи, т.-е. никакая Дума, какъ нормальное законодательное учрежденіе — совершенно невозможна. Попытки и усилія „создать работоспособную Думу"—это самая безнадежная и—къ сожалѣнію—самая жестокая изъ политическихъ иллюзій, отъ которыхъ неизбѣжно страдаетъ и будетъ страдать политическая жизнь страны въ періодъ революціи. Лучше было бы и для страны, и для революціи, если бы всякихъ, а особенно такихъ политическихъ иллюзій было бы возможно меньше. И только то, что у реакціи „нѣтъ ни одного находчиваго человѣка", только то, что реакція—органически, роковымъ образомъ—бѣдна истинны-

ми духовными, культурными силами,—только это обстоятельство плодитъ въ реакціонныхъ сферахъ подобныя, безконечно тяжелыя для страны политическія иллюзіи. Конечно, мы можемъ сказать, что реакція уже сама по себѣ является тяжелой для страны политической иллюзіей,—но русская реакція, русская контръ-революція представляетъ явленіе особенно тяжелое, благодаря той бездне невѣжественности и некультурности, которая не даетъ ей возможности выставить отъ себя сколько-нибудь выдающихся по своей умственной силѣ, по своимъ политическимъ способностямъ руководителей контръ-революціоннаго движенія.

Говорить о полномъ уничтоженіи или исчезновеніи реакціи, конечно, никто не можетъ. Всякое движеніе, всякое проявленіе силы неизбѣжно связано съ реакціей. Но задача направляющихъ силъ всякаго движенія и задача всякой сколько-нибудь нормальной, сколько-нибудь культурной реакціи заключается въ томъ, чтобы проявленія—и движенія и реакціи—были связаны съ возможно меньшей безполезной затратой силы, съ возможно меньшими жертвами для страны, за счетъ которой всегда совершается и движеніе, и реакція противъ него. Съ этой точки зрѣнія одностороннее пристрастіе организованной государственной власти въ пользу реакціи является однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ преступленій передъ страной, преступленіемъ, котораго страна не можетъ и не долж-

на забыть, за которое она рано или поздно положитъ свое властное, суровое возмездіе.

Таковъ весьма обоюдоострый и сомнительный „активъ стараго строя“ въ предстоящій второй думскій періодъ. Расширять этотъ активъ включеніемъ въ него даже такой малоопредѣлившейся, но все же сомнительно-правой политической партіи, какъ Союзъ 17 октября, едва ли есть достаточныя основанія. Трудно сказать, на какихъ общественныхъ элементахъ и силахъ эта политическая партія основываетъ и будетъ основывать свое существованіе. Если допустить, что Союзъ 17 октября будетъ представлять и защищать политическіе интересы крупнаго капитала, то внѣ всякаго сомнѣнія, что дальнѣйшая эволюція политическаго самоопредѣленія этой партіи будетъ направляться влѣво, но никакъ не вправо. Интересы крупнаго капитала и крупной промышленности совершенно не мирились и не могутъ мириться съ продолженіемъ господства стараго крѣпостного строя, старой сословно-бюрократической организаціи государственной власти. Только болѣе или менѣе способные приспѣшники верховъ бюрократіи, завладѣвшіе извѣстнымъ вліяніемъ въ нынѣшнемъ Союзѣ 17 октября, могли направить этотъ Союзъ на скользкій для него путь поддержки реакціоннаго правительства. Эта поддержка, подогрѣваемая справа малокультурнымъ среднимъ и мелкимъ промышленникомъ и купцомъ, склоннымъ даже къ союзу истинно-русскихъ людей, только пони-

жаетъ и то незначительное политическое значеніе, какое могъ бы имѣть Союзъ 17 октября въ „обществѣ" и среди болѣе сознательныхъ представителей крупной промышленности и крупнаго капитала. Но если и теперь, въ періодъ формированія, при томъ, подъ неблагопріятнымъ вліяніемъ такихъ, слишкомъ уже оппортюнистскихъ лидеровъ, какъ А. Гучковъ, Союзъ 17 октября все же не можетъ отрѣшиться отъ конституціонной окраски и конституціонныхъ стремленій, и только затрудняется найти надлежащій путь къ такой конституціи, которая была бы вполнѣ по сердцу крупному капиталу,—то въ дальнѣйшемъ развитіи конституціоннаго движенія и Союзъ 17 октября, несомнѣнно, примкнетъ къ тому умѣренно-либеральному конституціонному центру, которому суждено, повидимому, формироваться вокругъ ядра „Мирнаго Обновленія". Не даромъ „Мирное Обновленіе" является продуктомъ эволюціи лѣваго крыла Союза 17 октября, и не даромъ къ „Мирному Обновленію", въ первые же дни его появленія, примкнули хотя и немногочисленные, но, несомнѣнно, вполнѣ искренніе, прямолинейные, послѣдовательные представители праваго крыла конституціонно-демократической партіи. Эта политическая партійная комбинація въ моментъ самаго зарожденія ячейки „Мирнаго Обновленія", ячейки умѣреннаго, буржуазно-конституціоннаго центра, имѣетъ глубокое, можно сказать—провиденціальное значеніе. Такой центръ гораздо пол-

нѣе отвѣчаетъ политической природѣ средней, въ массахъ—пассивной, буржуазіи, чѣмъ нынѣшняя конституціонно-демократическая партія,—и только преждевременность появленія этого центра обрекаетъ его на такое же политическое ничтожество въ совершающійся революціонный періодъ конституціоннаго движенія, на какое обреченъ и Союзъ 17 октября. Ни Союзъ 17 октября, ни „Мирное Обновленіе" во второй думскій періодъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ занять такого виднаго положенія, какое занимала въ первый думскій періодъ конституціонно-демократическая партія. Преждевременность появленія въ настоящее время слабо-оппозиціонныхъ партій, къ какимъ, конечно, относится и „Мирное Обновленіе", заключается въ полнѣйшемъ ихъ несоотвѣтствіи политическому настроенію широкихъ народныхъ массъ, безъ поддержки которыхъ въ революціонный періодъ не можетъ играть серьезной роли никакая буржуазная политическая партія. Конституціонно-демократическая партія хорошо поняла и оцѣнила это основное положеніе политической тактики революціонныхъ періодовъ, и въ этомъ объясненіе ея политическаго значенія въ настоящее время, ея „успѣховъ". Что эти успѣхи конституціонно-демократической партіи будутъ имѣть мѣсто и во второй думскій періодъ, въ этомъ едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе, хотя возможно, что на этотъ разъ, несмотря на всѣ усилія реакціи, конституціонно-демократиче-

ской партіи придется въ гораздо болѣе чувствительной степени подѣлиться успѣхами съ болѣе лѣвыми партіями и группами, извѣстное соглашеніе съ которыми и программнаго, и тактическаго характера для к.-д. будетъ такъ же неизбѣжно во Второй Думѣ, какъ оно было неизбѣжно въ Первой.

Несмотря на всѣ колебанія въ центрѣ и на правомъ крылѣ конституціонно-демократической партіи, наблюдавшіяся въ періодъ послѣ-думской реакціи, наблюдающіяся, пожалуй, еще и теперь, можно тѣмъ не менѣе быть увѣреннымъ, что конституціонно-демократическая партія въ цѣломъ обладаетъ настолько здоровымъ политическимъ чутьемъ, что — по крайней мѣрѣ — до разрѣшенія наступившаго революціоннаго кризиса, до болѣе или менѣе прочной побѣды народа, до болѣе серьезнаго завоеванія и утвержденія конституціи, — партія не отступитъ отъ правильно избраннаго ею пути — демократически-конституціоннаго, не пойдетъ на уступки въ демократическихъ требованіяхъ своей программы, какъ ни тяжела, можетъ быть, прямолинейность и послѣдовательность въ этомъ отношеніи — для центра и для праваго крыла партіи. Преждевременная измѣна демократическимъ требованіямъ программы к.-д. партіи обрекла бы ее на такую же несерьезную политическую роль, на какую обречены всѣ партіи, стоящія правѣе к.-д., не отвѣчающія настроенію и дѣйствительнымъ, жизненнымъ интересамъ

народныхъ массъ. Но, повторяемъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что к.-д. партія до конца революціоннаго періода твердо сохранитъ свой достаточно ярко-оппозиціонный характеръ, останется достаточно вѣрной тѣмъ демократическимъ требованіямъ, которыя она—отчасти по дѣйствительной своей природѣ, отчасти—по тактическимъ соображеніямъ—включила въ свою программу и тѣмъ привлекла извѣстное сочувствіе и довѣріе народныхъ массъ страны. Безъ этого сочувствія и довѣрія партія, конечно, не могла бы имѣть того сравнительно серьезнаго политическаго значенія, какое она теперь все-таки имѣетъ.

Мы не имѣемъ поэтому также никакого основанія сомнѣваться и въ томъ, что на предстоящихъ выборахъ—главнымъ образомъ городскихъ — значительная часть среднихъ обывателей, какъ и на первыхъ выборахъ, будетъ голосовать за к.-д., какъ за партію несомнѣнно оппозиціонную и конституціонную. И еще менѣе мы можемъ сомнѣваться въ томъ, что такой „успѣхъ“ конституціонно-демократической партіи представляется желательнымъ, является достаточно благопріятнымъ политическимъ показателемъ.

Но если бы намъ сказали, что эти „успѣхи“ конституціонно-демократической партіи ясно говорятъ объ истинномъ, органическомъ *демократизмѣ* этой партіи и о несправедливости сомнѣній въ этомъ демократизмѣ, такъ часто раздающихся слѣва, то въ этомъ при-

ципіальномъ политическомъ спорѣ, въ спорѣ, можетъ быть, больше теоретическомъ, чѣмъ жизненно - практическомъ — въ данный моментъ,—мы склонны были бы поддержать эти сомнѣнія.

Между прочимъ, однимъ изъ аргументовъ „истиннаго демократизма" конституціонно-демократической партіи, пускаемыхъ въ ходъ ея сторонниками, является аргументъ, такъ сказать, историческаго, генеалогическаго характера,—это—тѣсная связь к.-д. партіи съ земствомъ, съ лучшими, наиболѣе прогрессивными, окрашенными демократическимъ духомъ страницами его жизни и дѣятельности, съ лучшими его традиціями, съ лучшими, наиболѣе оппозиціонными его представителями и дѣятелями. Но едва ли и этотъ аргументъ можетъ считаться серьозно убѣдительнымъ. Горячіе сторонники и защитники лучшихъ земскихъ традицій могутъ весьма легко найтись и въ партіяхъ, стоящихъ значительно правѣе к.-д. Припомнимъ, напр., что въ засѣданіи первой Государственной Думы, 2 мая, графъ Гейденъ энергично выступилъ — противъ Родичева — на защиту земства. „Здѣсь было сказано съ какимъ-то презрѣніемъ,—говорилъ Гейденъ,— что старое дворянское земство должно рушиться, что оно никуда не годится! Это—не вѣрно!.. Земство сыграло огромную роль... и я обращаюсь къ старымъ своимъ сотоварищамъ - земцамъ, сидящимъ въ этой залѣ, я ихъ призываю къ тому, чтобы защитить наше старое дорогое земство, которое сыграло гро-

мадпую историческую роль въ освобожденіи русскаго народа... въ освободительномъ движеніи, которое привело насъ всѣхъ, старыхъ сотоварищей по земскимъ съѣздамъ, въ эту залу".

Этотъ горячій панегирикъ „пашему старому, дорогому земству", сыгравшему „громадную роль въ освободительномъ движеніи", однако не помѣшалъ графу Гейдену оказаться въ оппозиціи даже къ своимъ „старымъ сотоварищамъ земцамъ", превратившимся изъ земцевъ" въ конституціонно-демократическую партію. Мало того онъ не помѣшалъ графу Гейдену даже демонстративно отказаться отъ подписи адреса Государственной Думы, заключавшаго въ себѣ если и ка-детскую программу, то только въ весьма смягченномъ—„для единодушія"—видѣ.

Защита „стараго, дорогого земства" еще не гарантируетъ демократизма. А присмотритесь къ тому, что дѣлалось послѣ первой Думы въ той части даже самой конституціонно-демократической партіи, которая (часть) состоитъ изъ землевладѣльческаго элемента? Не таитъ ли она въ себѣ раздраженнаго недовольства „увлеченіями" ка-детовъ въ первой Думѣ, особенно—по аграрному вопросу. А что таитъ въ себѣ по существу „справедливая оцѣнка" въ аграрной программѣ к.-д. партіи, при всей схематичности этой программы?..

Конечно, ничего удивительнаго во всемъ этомъ нѣтъ. Самопожертвованіе и самоотре-

ченіе — явленія только личныя и исключительныя, но никакъ — не общественныя, не классовыя, не обычныя. Классъ, какъ цѣлое, не можетъ не выступать на защиту своихъ классовыхъ интересовъ. Политическая борьба есть отраженная классовая борьба, и только тѣ политическія партіи сильны, прочны и жизненны, которыя отражаютъ и защищаютъ достаточно опредѣленные интересы достаточно сильныхъ общественныхъ классовъ. Конституціонно - демократическая партія въ томъ видѣ и въ томъ составѣ, въ какомъ мы ее знаемъ въ настоящее время, еще не отражаетъ собою достаточно опредѣленнаго общественнаго класса. Она, дѣйствительно, наслѣдіе „нашего стараго дорогого земства", которое „сыграло громадную роль въ освободительномъ движеніи... несмотря на то, что оно было дѣйствительно въ громадномъ числѣ дворянскимъ земствомъ". Къ ней, кромѣ „громаднаго числа дворянъ" землевладѣльцевъ, примкнула не малая часть и „разночинцевъ", главнымъ образомъ, „третьяго земскаго элемента". Этотъ элементъ, по классовому своему характеру стоящій уже весьма близко къ массовой демократіи, придалъ демократическій оттѣнокъ и дворянско-землевладѣльческому ядру ка-детской партіи. Но это, конечно, не значитъ, что к.-д. партія и надолго, въ качествѣ органической своей черты, можетъ сохранить въ себѣ всѣ соціально-несходные составные элементы, которые она

вмѣщаетъ въ себѣ въ настоящее—переходное и смутное въ политическомъ отношеніи—время. Въ будущемъ разслоеніе к.-д. партіи неизбѣжно, естественно. Ядро к.-д. партіи эволюціонируетъ въ либерально-конституціонную партію, а лѣвое крыло ея, болѣе демократическіе ея элементы,—въ будущую радикально-демократическую партію, которая будетъ опираться на мелкое „трудовое" крестьянство, какъ классъ, отчасти—въ партіи соціалистическія.

Но изъ такой принципіальной точки зрѣнія на конституціонно-демократическую партію, конечно, ни въ какомъ случаѣ не вытекаетъ непремѣнно отрицательное отношеніе къ этой партіи въ данный политическій моментъ, особенно въ текущую избирательную кампанію во Вторую Думу. Въ политическомъ отношеніи к.-д. партія въ настоящее время является партіей безусловно оппозиціонной и безусловно конституціонной, а потому всякій кто признаетъ дѣйствительное утвержденіе строго конституціоннаго строя въ Россіи единственнымъ выходомъ ея изъ переживаемаго ею состоянія разгрома и разоренія, не можетъ быть врагомъ конституціонно-демократической партіи, и будетъ поддерживать ея кандидатовъ въ Думу, если наличныя политическія и иныя условія не позволятъ проводить въ Думу представителей еще болѣе демократическихъ партій. Желать въ данный моментъ пораженія или разрушенія консти-

туціонно-демократической партіи было бы политической ошибкой.

Однако, это не должно мѣшать намъ подвергать сомнѣнію демократизмъ ядра этой партіи. Что же касается лѣваго крыла партіи, состоящаго отчасти изъ представителей „нашего стараго, дорогого, дворянскаго земства“ но главнымъ образомъ—изъ „верховъ“ третьяго земскаго элемента, вообще—изъ разночинной интеллигенціи, то въ демократизмѣ этого лѣваго крыла к.-д. сомнѣваться, конечно, нѣтъ основаній. Но лѣвые элементы лѣваго крыла к.-д. партіи, по своему классовому характеру,—будутъ ли это представители „третьяго земскаго элемента“ или представители того слоя дворянства, который естественнымъ образомъ эволюціонируетъ въ сторону разночинной интеллигенціи,—эти элементы стоятъ уже ближе къ массовой демократіи, и рано или поздно должны будутъ стать въ политическомъ отношеніи—во главѣ ея. Думать же, что и „трудовое“ крестьянство можетъ въ массѣ своей войти въ нынѣшнюю конституціонно-демократическую партію, въ которой ядро составляютъ преимущественно земцы землевладѣльцы, хотя бы и тѣ, которыми восхищался графъ Гейденъ, это уже простая политическая наивность, совершенно ненужная идеализація партіи, едва ли даже полезная для нея самой.

Классовые интересы крестьянства несомнѣнно противоположны классовымъ интересамъ землевладѣльческаго ядра конституці-

онно-демократической партіи, и частичное нахожденіе крестьянъ въ к.-д. партіи—явленіе только временное и случайное, объясняемое всѣмъ характеромъ—примитивнымъ и хаотическимъ—переживаемаго Россіей политическаго момента. Это должны подсказывать намъ не подозрительность и скептицизмъ „книжниковъ", а самый трезвый, объективный анализъ дѣйствительности. Слишкомъ горячая защита констит.-демократической партіи на такой шаткой почвѣ, какъ „земская статистика", показывающая около какихъ серьезныхъ нуждъ крестьянскаго населенія работала и зрѣла „ка-детская мысль", такъ-же мало убѣдительна—какъ смѣшны доказательства, что кадетская партія „панская", лишь скрывающая аграрныя вождѣленія подъ маской демократизма,"—какъ не убѣдила въ этомъ и горячая защита „нашего стараго, дорогого земства" графомъ Гейденомъ въ Думѣ.

Нисколько не отрицая политическаго значенія конституціонно-демократической партіи особенно въ настоящій моментъ, мы тѣмъ не менѣе можемъ быть увѣрены, что массовая демократія не пойдетъ за этой партіей,—она пойдетъ за болѣе демократическими партіями.

Эти принципіальныя соображенія, конечно, слишкомъ далеки отъ „страстного памфлета противъ конституціонно-демократической партіи", который нашелъ рецензентъ „Русскихъ Вѣдомостей", г. А. Максимовъ (№ 295,

5 дек. 1906 г.), въ аналогичныхъ мысляхъ— въ ранѣе вышедшей моей книгѣ „Первая Дума“. Съ точки зрѣнія политическаго значенія конституціонно-демократической партіи въ переживаемый періодъ русской революціи, мы ни на минуту не можемъ становиться на путь „страстныхъ памфлетовъ“ противъ этой партіи, такъ хорошо угадавшей *средину жизни*, и такъ отвѣчающей поэтому тому массовому обывателю, который, при всемъ своемъ сочувствіи лучшимъ сторонамъ и задачамъ совершающейся революціи, боится ея крайностей, даже сознавая ихъ неизбѣжность, боится *вполнѣ* прямолинейнаго и послѣдовательнаго отношенія къ политической борьбѣ, вноситъ въ нее поэтому свойственный всякой серединѣ духъ компромисса. Трудно отрицать, что съ практической точки зрѣнія это явленіе безусловно неизбѣжно, но отсюда, конечно, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что руководящее господство такой политической середины, такого духа компромисса является желательнымъ и законнымъ въ періодъ напряженной, острой политической борьбы, когда неясность, неопредѣленность, уклончивость и нерѣшительность въ формулировкѣ основныхъ требованій политическаго момента, несомнѣнно, можетъ только тормозить его разрѣшеніе.

Только съ этой точки зрѣнія и необходимо стоять на томъ положеніи, которое развито было мною въ „Первой Думѣ“,—что „въ уничтоженіи тактической диктатуры кадет-

скаго *центра* (т.-е. умѣреннаго и праваго крыла к. д. партіи) въ Думѣ заключалась одна изъ важнѣйшихъ задачъ переживаемаго историческаго момента, одно изъ существеннѣйшихъ условій успѣха въ борьбѣ Думы за интересы народа".

Это положеніе должно сохранить свою силу и во второй думскій періодъ. Духъ компромисса въ *передъ-конституціонный* періодъ революціи не можетъ дать удовлетворенія народнымъ массамъ, не внесетъ умиротворенія въ борьбу, совершающуюся внутри этихъ массъ—между отдѣльными ихъ слоями и классами, не внесетъ даже ясности въ политическое сознаніе массъ, столь необходимой для успѣшнаго разрѣшенія революціи, поведетъ только къ тому, что—по всей справедливости—можетъ быть названо сдѣлкой буржуазіи за счетъ народа—со старымъ строемъ, т.-е. вольнымъ или невольнымъ обманомъ народа въ самыхъ жизненныхъ его политическихъ надеждахъ и ожиданіяхъ.

И если такія политическія сдѣлки представляютъ даже роковую неизбѣжность всѣхъ революцій, всегда совершающихся въ безконечно большей мѣрѣ за счетъ трудовыхъ народныхъ массъ, чѣмъ за счетъ буржуазіи,—то пусть эти сдѣлки совершаются открыто, безъ всякой маскировки, прямо и рѣшительно, чтобы—по меньшей мѣрѣ—политическое сознаніе народныхъ массъ не затемнялось „тактическимъ" туманомъ руководящихъ политической борьбой слоевъ „общества".

Къ такой открытой политической тактикѣ мы и должны призывать—вторую, третью, всякую Думу,—пока Дума не сдѣлается, наконецъ, парламентомъ, т.-е. не выльется въ окончательную форму дѣйствительно конституціоннаго учрежденія, отвѣчающаго интересамъ и требованіямъ широкихъ народныхъ массъ—въ той степени, какая окажется возможной по реальнымъ условіямъ революціонной борьбы—въ качествѣ вѣнца, заключительнаго звена, результата этой борьбы. Тогда „руководящая“ роль отдѣльныхъ политическихъ партій уступитъ мѣсто *борьбѣ* этихъ партій, и объ *отвѣтственности* отдѣльныхъ партій передъ народомъ, передъ страной уже не будетъ рѣчи, по крайней мѣрѣ—въ такой степени, въ какой она можетъ и должна быть въ настоящій, переходный, революціонный періодъ, въ какой она дѣйствительно и существуетъ въ настоящее время по отношенію, главнымъ образомъ, къ конституціонно-демократической партіи, съ наибольшимъ правомъ претендующей на руководящую роль въ „конституціонной“, т.-е. въ думской борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи.

Пока, по внѣшнимъ условіямъ этой борьбы, въ Думу *не могутъ* проходить въ достаточномъ количествѣ представители другихъ, болѣе лѣвыхъ и болѣе демократическихъ по самой *природѣ* своей (а не только по своимъ *программамъ*) партій, пусть конституціонно-демократическая партія отнесется къ своей

отвѣтственности передъ народомъ—со всей прямотой, искренностью, послѣдовательностью и рѣшительностью,—и значеніе, политическое вліяніе партіи отъ этого только усилится, несмотря на то, что борьба ея со „старой властью" при этомъ, несомнѣнно, обострится.

Весьма вѣроятно, что руководящей партіей и во Второй Думѣ по-прежнему останется партія конституціонно-демократическая, и отъ нея, въ такомъ случаѣ, будетъ зависѣть придать Второй Думѣ тотъ опредѣленный, прямой и рѣшительный политическій характеръ, какой единственно отвѣчаетъ достоинству народнаго представительства.

Намъ скажутъ, что и во Второй Думѣ не менѣе значительнымъ—по существу, если не по формѣ,—будетъ вліяніе тѣхъ элементовъ народнаго представительства, какіе въ Первой Думѣ объединились въ трудовую группу, хотя и вносившую большую опредѣленность и рѣшительность въ формулировку народныхъ требованій и въ выраженіе политическаго настроенія народныхъ массъ, но вносившую въ то же время и бо́льшую стихійность, хаотичность, сумбурность въ политическое настроеніе самого народнаго представительства.

Несомнѣнно, трудовая группа будетъ и во Второй Думѣ. Она будетъ не потому, что „Трудовая Группа" Первой Думы рѣшила развернуться въ болѣе постоянную политическую группу, выступающую и въ избира-

тельной кампаніи во Вторую Думу, въ качествѣ почти политической партіи. Роль „Трудовой группы“ во второй избирательной кампаніи, конечно, будетъ весьма скромной. Значеніе ея — только косвенное, вліяніемъ ея *имени* въ широкихъ народныхъ массахъ. Но едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что *имя* трудовой группы надолго останется весьма популярнымъ, особенно въ крестьянскихъ массахъ. И такъ какъ именно эти массы опредѣляютъ исходъ выборовъ въ Думу, такъ какъ и во Второй Думѣ будетъ значительное число крестьянскихъ депутатовъ, которые пройдутъ туда подъ именемъ безпартійныхъ, умѣренныхъ, прогрессивныхъ и т. п., такъ какъ и среди интеллигентныхъ депутатовъ, несомнѣнно, будутъ убѣжденные сторонники тѣхъ нѣсколько неопредѣленныхъ, но отвѣчающихъ интересамъ и настроенію народныхъ массъ требованій и руководящихъ политическихъ принциповъ, какіе выставляла трудовая группа Первой Думы, то образованіе трудовой группы и во Второй Думѣ совершенно неизбѣжно. Такъ же неизбѣжно и прямое или косвенное вліяніе этой группы на руководящую партію Думы, будетъ ли это исключительно конституціонно-демократическая партія, какъ въ Первой Думѣ, или какая-либо коалиція к.-д. съ болѣе правыми, но все же оппозиціонными партіями и группами.

Но опытъ перваго думскаго періода не долженъ пройти безслѣдно и для „стихійно-революціонной“ трудовой группы. Ненужныя,

несоотвѣтствующія интересамъ дѣла и достоинству народнаго представительства внѣшнія формы политической дѣятельности и тактики трудовой группы Первой Думы могутъ быть уравновѣшены въ трудовой группѣ Второй Думы; стихійная неопредѣленность ея должна будетъ уменьшиться, а отчетливость, ясность и категоричность политическаго міровоззрѣнія, свойственная организованнымъ и дисциплинированнымъ лѣвымъ партіямъ, должна будетъ получить бо́льшее выраженіе въ характерѣ трудовой группы Второй Думы, хотя до полнаго сліянія группы съ этими лѣвыми партіями дѣло, конечно, дойти еще не можетъ.

О значеніи лѣвыхъ, революціонныхъ партій—соціалъ-демократической и соціалъ-революціонной—во Второй Думѣ, какъ бы ни мало было число членовъ Думы, принадлежащихъ къ этимъ партіямъ,—мы говорили выше. Разсчитывать на избирательные „успѣхи“ этихъ партій въ текущую избирательную кампанію,—при господствѣ бюрократическаго контръ-революціоннаго произвола и репрессій, конечно, нѣтъ никакихъ основаній. Количественно эти партіи будутъ представлены во Второй Думѣ весьма слабо; но политическое значеніе представителей этихъ партій въ Думѣ,—косвенно, черезъ значеніе самихъ партій въ демократическихъ массахъ, а слѣдовательно и въ совершающейся соціально-политической революціи,—будетъ чрезвычайно существенно.

Съ такими надеждами на внѣшній и внутренній характеръ Второй Думы мы можемъ ожидать ея открытія. И если наши ожиданія окажутся вѣрными, то каковы будутъ первые политическіе шаги Второй Думы? До очевидности ясно, что эти шаги должны оказаться чрезвычайно близкими по содержанію и только болѣе опредѣленными, отчетливыми, рѣшительными по формѣ, чѣмъ первые шаги Первой Думы. Что Вторая Дума должна будетъ продолжать дѣло, начатое Первой, это едва ли требуетъ какихъ-либо доказательствъ.

Неужели страна отказалась отъ страстнаго желанія видѣть наконецъ освобожденными борцовъ за ея политическую свободу, за ея лучшее политическое и соціально-экономическое будущее? Неужели крестьянство не требуетъ возвращенія всѣхъ собратьевъ, томящихся по тюрьмамъ за аграрныя волненія и за первые проблески оппозиціоннаго политическаго сознанія? Неужели крестьянство, а за нимъ и вся страна откажется отъ лозунга „земли и воли“? И неужели крестьянство сознало уже, что этотъ лозунгъ возможно замѣнить... землеустроительными комиссіями, заботливо насаждаемыми старой бюрократической властью? Неужели проведеніе въ жизнь всѣхъ основныхъ политическихъ и соціально-экономическихъ реформъ, намѣченныхъ первымъ народнымъ представительствомъ и хоть сколько-нибудь отвѣчающихъ народнымъ требованіямъ и ожиданіямъ, возможно

при фактическомъ господствѣ и продолжающейся фактической безконтрольности старой бюрократической власти, при господствѣ стараго административнаго механизма, всецѣло и глубоко пропитаннаго духомъ бюрократизма и безконтрольности, послушнаго велѣніямъ только высшей центральной бюрократической власти?..

Съ требованія полной политической амнистіи и передачи исполнительной власти въ руки отвѣтственнаго передъ Думой министерства—совершенно неизбѣжно должно начать свою политическую дѣятельность и Вторая Дума. Но она при этомъ должна будетъ совершенно ясно понимать и формулировать, что оба эти требованія—не согласны съ основными законами 23 апрѣля 1906 года, изданными хотя—фактически—и исполнительной бюрократической властью, но опиравшейся на волю Верховной власти, отъ которой единственно и можетъ исходить изъявленіе новой воли—на измѣненіе основныхъ законовъ въ согласіи съ тѣми народными требованіями, выражать которыя призвана Дума. Если со стороны Верховной власти не послѣдуетъ изъявленія таковой воли, то это будетъ означать, что Верховная власть не находитъ выраженныя данной Думой народныя требованія подлежащими удовлетворенію и законодательному разрѣшенію чрезъ посредство Государственной Думы. Отвѣтственность передъ народомъ за такое разрѣшеніе конфликта между народнымъ представительствомъ и ста-

рой бюрократической властью, исполняющей волю Верховной власти, будетъ лежать—совершенно очевидно—на Верховной власти, положеніе которой въ такія трудныя историческія минуты потому именно и глубоко трагично, тяжело, что на ней, какъ на воплощеніи власти государства, неизбѣжно должно лежать разрѣшеніе вопроса о томъ, что лучше для блага и счастья страны—уступить ли ея, можетъ быть, и слишкомъ бурнымъ, не всегда вылившимся въ достаточно опредѣленныя формы, требованіямъ и ожиданіямъ,—въ надеждѣ, что новый политическій строй, новая исполнительная власть—исподволь, въ согласіи со страной, при ея довѣріи—гарантирующемъ терпѣніе и прощеніе неизбѣжныхъ ошибокъ новой исполнительной власти—въ концѣ концовъ выведетъ страну изъ революціонной бури, утвердитъ новый, нормальный строй и ходъ государственной жизни; или же,—не надѣясь на силы народнаго представительства, отнестись къ нему съ властнымъ недовѣріемъ и, взявъ на себя отвѣтственность передъ народомъ, оставить исполнительную власть въ старыхъ рукахъ, слѣдовательно—фактически оставить все по старому.

Если Верховная власть изберетъ послѣдній путь, то Думѣ, какъ таковой, какъ учрежденію, обязанному подчиняться дѣйствующимъ законамъ, не остается другого пути, какъ отказаться отъ данныхъ ей народомъ полномочій, въ виду противорѣчія этихъ полномо-

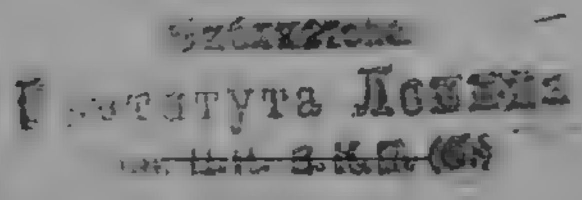
чій—волѣ Верховной власти. Если же Дума рѣшитъ подчиниться волѣ народа, а не волѣ Верховной власти,—то она изъ „законодательнаго“ учрежденія явно превратится въ революціонное учрежденіе, которое будетъ стремиться присвоить себѣ учредительныя функціи—и тогда будетъ неизбѣжна уже чисто революціонная борьба между народомъ и народными представителями съ одной стороны,— и верховной властью и опирающейся на ея волю старой исполнительной властью — съ другой стороны.

Конечно, такой чисто революціонный шагъ никогда, никакими программами предусмотрѣнъ быть не можетъ, онъ можетъ случиться только самъ собою, подъ вліяніемъ и давленіемъ соотвѣтственной комбинаціи политическихъ силъ страны. Но несомнѣнно, что слѣдующіе одинъ за другимъ отказы верховной власти въ согласіи на требованія народнаго представительства, при условіи однородности этихъ требованій, неизбѣжно будутъ вести къ все большей и большей популярности идеи полновластнаго учредительнаго собранія и къ вѣрѣ, что только такое учредительное собраніе выведетъ страну изъ тяжелой для нея атмосферы соціально-политической революціи.

Полное развитіе этой основной политической идеи и совершенно ясное, прямолинейное и рѣшительное формулированіе ея—составитъ существенную задачу Второй Думы, если она не будетъ стоять на почвѣ такой

же уклончивой, нерѣшительной и непрямолинейной политической тактики, на какой стояла Первая Дума. Отношенія между верховной властью и народнымъ представительствомъ, а черезъ него—и народомъ, всегда должны быть совершенно ясны, открыты, правдивы. Народъ, выяснивши себѣ эти отношенія, съумѣетъ найти выходъ, если эти отношенія окажутся дѣйствительно не согласными съ истинными требованіями, ожиданіями и интересами народа. Съ другой стороны — ясность и категоричность постановки вопроса со стороны народнаго представительства облегчитъ верховной власти задачу избранія пути, на который всего правильнѣе—въ интересахъ страны—должна будетъ склониться ея верховная воля.

Если этотъ путь уже ясенъ, и если конфликтъ между верховной властью и народнымъ представительствомъ будетъ такъ же неизбѣженъ, какъ онъ оказался неизбѣжнымъ въ первый думскій періодъ, то для страны будетъ лучше, если Вторая Дума будетъ распущена послѣ перваго же ея яснаго, полнаго и рѣшительнаго заявленія объ основныхъ народныхъ требованіяхъ, чѣмъ—послѣ нѣсколькихъ недѣль совершенно безплодныхъ усилій найти компромиссные пути примиренія!

Оглавленіе.

Предисловіе. Стр. 3—32.

Глава I. Амнистія. Стр. 33—85.

Глава II. Отвѣтный адресъ. Стр. 86—182.

Глава III. Декларація министерства. Стр. 183—261.

заявленія своихъ требованій и путь примиренія со старой властью. Обоснованіе третьяго пути гр. Гейденомъ. Попытки стать на второй путь: Аладьинъ, Сѣдельниковъ.

Значеніе участія въ избирательной кампаніи партій соціалъ-демократической и соціалъ-революціонной. Характеристика этихъ партій. Выводъ изъ прошлой думской борьбы: безполезность обходной „строго конституціонной“ тактики и неизбѣжность открытаго заявленія народныхъ требованій. Безнадежность контръ-конституціонныхъ выступленій старой власти. Возможная дифференціація и эволюція партій „истинно-русскихъ людей“, Союза 17 октября, Мирнаго обновленія, Конституціонно-демократической и Трудовой группы. Первые шаги Второй Думы. Вопросъ объ „основныхъ законахъ“.